

О. Б. Божков

СОЦИОЛОГИЯ

Курс лекций

Издательство
ЭЙДОС
Санкт-Петербург 2015

Б76 О. Б. Божков. Социология. Курс лекций. — СПб, «Эйдос», 2015. — ??? с.

ISBN: 978-5-904745-51-6

Книга содержит курс лекций, прочитанный для студентов не социологических специальностей и методическое пособие для них же «Как писать реферат по социологии». Адресована студентам и всем, кто интересуется, что же такое социология и что она изучает.

© О. Б. Божков
© Издательство «ЭЙДОС»

Санкт-Петербург
2015

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Лекция первая: Когда и почему возникла социология?	
Введение	7
Огюст Конт (1798–1857)	12
Три стадии умственного развития человечества	12
Классификация (система) наук	15
Позитивизм	17
Лекция вторая: Период «начального накопления»: от основания до возникновения неопозитивизма	
Формирование языка социологии	19
Влияния и заимствования	20
Концепции «природы» и развития общества	24
Особенности российской социологии этого периода	25
Попытки выработки собственно социологического метода	27
Лекция третья: «Метод социологии» или что же изучает социология?	
Ранние представления об объекте и предмете социологии	29
Современное представление о предмете социологии	32
Резюме	37
Лекция четвертая: Американский период — завершение институционализации социологии	
Социально-политические предпосылки	41
Теоретическая социология американского периода	43
Становление эмпирических исследований, разработка методического арсенала социологии	44
Социологическое образование в США	46
Накануне кризиса	47
Приложение 1. Хронология Американской социологической ассоциации (ASA) ...	50
Приложение 2 Конгрессы Международной Социологической Ассоциации (ISA) ...	52
Лекция пятая: Возвращение социологии в Европу. Первый кризис	
Европа — 1968	55
Приложение к лекции 5 Конференции Европейской социологической ассоциации (ESA)	68
Лекция шестая: Постмодерн — углубление кризиса, исчезающие объект и предмет социологии	
Классика — модерн — постмодерн	69
Постмодерн как феномен современной культуры	70
Генеалогия постмодерна в социологии	71

Лекция седьмая:

Краткий очерк истории российской/советской социологии

Введение	77
Октябрь 1917 — социология востребована?	77
Социология — опасная наука.	78
Второе рождение российской социологии, как советской.	81
Обусловленность прагматической ориентации советской социологии.	81
Социология в период перестройки	85
Специфика кризисных явлений в российской социологии.	88
Приложение. Президенты Советской Социологической Ассоциации.	92

Лекция восьмая:

Об объективности социологического знания.

Проблема языка	93
Продолжим про язык: качество и количество	95
О «навязывании» респондентам своего языка социологами	98
О смысле выборочных исследований, т. е. опять же — о языке	100
Еще несколько слов о «субъективности» социологической информации	104

Лекция девятая:

О методическом арсенале современной социологии

Объектные методы	110
Вещи	111
Документы	114
Два принципиальных замечания относительно объектных методов	116

Лекция десятая:

О методическом арсенале современной социологии.

«Нулевой цикл»	119
Начинаем строительство, или «Игра в пазлы»	120
Анкетные опросы	129
Интервью	135
Резюме	141

Лекция одиннадцатая:

Что же такое — социология? Её образ в массовом и профессиональном сознании.

Социология под сомнением?	146
---------------------------------	-----

Как писать реферат по социологии

Введение	154
Где и как искать источники по тематике реферата	160
Что искать в Интернет?	166
Общие требования и рекомендации	166
Приложение	190

ОТ АВТОРА

Предлагаемый курс, который в учебных программах разных вузов именуется либо просто «Социология», либо «Введение в социологию», либо «Основы социологии», сложился в результате чтения лекций на **не социологических** факультетах ряда Санкт-Петербургских вузов в течение почти 30 лет. Понятно, что за это время содержание и порядок лекций претерпевали, подчас значительные изменения. Это определялось многими причинами. Во-первых, лектор сам учился; набирался преподавательского опыта; во-вторых, постепенно осознал место и роль этого курса в программе обучения студентов в целом, и, в-третьих, более четко артикулировал свою «сверхзадачу» для себя.

С самого начала было ясно, что для не социологических факультетов этот курс имеет общеобразовательный («фоновый») характер. Так что задача преподавателя состоит лишь в том, чтобы ввести студентов «в курс дела». Так как будущие специальности студентов в подавляющем большинстве предполагали активное взаимодействие с людьми, представляющими разные слои, знание основ социологии представлялось необходимым элементом их профессиональной подготовки. С самого начала также выяснилось, что у студентов совершенно примитивное (и даже превратное) представление о социологии, с одной стороны, а, с другой, — определенный пиетет (непонятно, на чем основанный) перед этой наукой. Стоит отметить, что с течением времени это практически не изменилось, в том смысле, что каждый «новый» набор студентов мало чем (в этом отношении) отличается от предыдущих.

Еще одно, как мне кажется, важное наблюдение состоит в том, что каждое следующее поколение студентов отличается от предыдущего заметным снижением уровня элементарных школьных знаний, прежде всего, гуманитарного профиля: литература, история, география, обществоведение. Дабы облегчить студентам усвоение основного материала по курсу социологии, приходится встраивать в него обширные экскурсии в названные области знания (вплоть до чтения вслух в аудитории — с соответствующими комментариями, — в частности, баллад А. К. Толстого: «История государства российского», «Поток богатырь», «Сон Попова» и некоторых опусов незабвенного Козьмы Прутковка и т. п.).

Именно для того, чтобы преодолеть примитивное представление о социологии, в программу курса включен блок лекций о методическом арсенале современной социологической науки, а также лекция, посвященная надежности и достоверности социологических данных.

Конечно, совершенствованию содержания лекций способствовали и сами студенты тем интересом, который они проявляли к лекциям; вопросами, которые иногда ставили преподавателя в тупик, но заставляли искать и находить убедительные ответы. Должен отметить, что интереснее (и полезнее для меня) было работать со студентами вечерних и заочных групп: они и старше, и жизненный опыт у них больше, и вообще — они лучше осознают полезность знаний (и, в частности, — социологии). Студенты дневных отделений, конечно же, более легкомысленны и менее озабочены реальными жизненными проблемами.

Поскольку не социологических факультетов, в программу которых включен этот курс, довольно много, его читают параллельно несколько преподавателей. Естественно, мы обмениваемся и своими впечатлениями, и опытом, а иногда и заимствуем друг у друга некоторые удачные примеры, приемы, полезные источники.

Этот учебник можно назвать «авторским» (нынче это в моде), в том отношении, что он, конечно же, субъективен, т. е. отражает профессиональную позицию автора и все его профессиональные и гражданские симпатии и пристрастия. Но как говорил Макс Вебер, без страсти (пристрастия) не бывает ни ученых, ни науки. В советской традиции субъективизм оценивался однозначно негативно, как впрочем, и объективизм. Между прочим, на авторский субъективизм обращали внимание и некоторые мои первые читатели и критики. Кого-то не удалось убедить, что невозможно избавиться (да и не надо от него избавляться) от субъективизма (а по большому счету — от собственной личности); кого-то удалось. Но я всерьез считаю, что если через учебник (или лекцию) ни каким образом не видно преподавателя, то это неважный учебник и плохая лекция.

Автор выражает глубокую признательность своим коллегам В. А. Ядову, который «привел» меня в преподавание, И. И. Травину, Г. И. Саганенко, Р. Е. Гергилову и др. А также автор хранит в сердце искреннюю и глубокую благодарность В. Б. Голофасту и Г. С. Батыгину, которых уже нет с нами. И Валерий Борисович, и Геннадий Семенович всегда с большим интересом и вниманием относились к моим преподавательским проблемам.

И, конечно же, автор во многом обязан первым очень внимательным, заинтересованным, доброжелательным, но и очень строгим читателям этих лекций: А. Н. Алексееву, А. Г. Щелкину, И. А. Григорьевой, В. А. Ядову, К. С. Дивисенко, Л. А. Козловой. Их пожелания и советы во многом способствовали тому, чтобы текст стал более понятным, убедительным и достоверным.

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ: КОГДА И ПОЧЕМУ ВОЗНИКЛА СОЦИОЛОГИЯ?

Введение

Разговор о социологии начну издалека. Давайте нарисуем псевдографик, по одной оси которого откладывается время, а по другой — количество знаний накопленных человечеством.

Почему «псевдо»? Да потому, что в настоящем, не псевдо, графике должны использоваться хорошо градуируемые оси. Здесь же, что ни ось, то проблема.

Для измерения времени (ось t) существует много единиц разного масштаба: секунды, минуты, часы, сутки, года и т. п. Проблему составляет точка отсчета, что принять за ноль? Ну не сотворение же мира принимать за точку отсчета. Тем более, что никто не знает, когда это случилось. И все-таки, хотя это совсем не научно, я начинаю с библейской легенды об Адаме и Еве. Тем более, что с точки зрения второй оси Адам — самая подходящая фигура. Ведь сотворив Адама и Еву, Господь поместил их в эдемский сад на «полный пансион». У них была одна задача — плодиться и размножаться и ни в чем себе не отказывать. Единственный запрет — не вкушать плодов с дерева познания добра и зла И когда первые люди, соблазненные Змием искусителем, нарушили этот запрет, они были изгнаны из эдемского сада и оказались вынужденными существовать в неизвестном им мире, полном различных опасностей. При этом без какого-либо знания об этом мире и его устройстве.

Со второй осью (Σ зн) проблем гораздо больше, и они существенно сложнее. Во-первых, о каком знании мы говорим? Сегодня мы уверенно можем говорить, как минимум, о четырех различных видах знания. 1) **Повседневное, обыденное знание.** Оно, во-первых, конкретно; во-вторых, ситуативно и, в-третьих, в нем много «лишнего», сиюминутного. Впрочем, в нем есть и устойчивые, многократно проверенные на опыте знания. 2) **Художественное или образное знание.** Оно, также как и повседневное знание, конкретно и, в определенном смысле — виртуально. Но обладает очень интересным свойством — генерализации. Действительно, мы знаем, что не существовало на свете Евгения Онегина: Пушкин «подсмотрел» различные черты у многих людей и описал этого выдуманного им человека очень подробно во всей конкретике. Мы много чего конкретно знаем об этом персонаже: во что он одевался, что он ел, что читал и чего не читал, какие часы имел и т. п. То же самое можно сказать о многих других литературных героях, гениально в своей конкретно-

сти описанных, и потому их имена стали нарицательными. Я уж не говорю о сказочных и мифических персонажах. Все эти герои олицетворяют определенные черты человеческого характера, определенный стиль и образ жизни и т. д.

3) **Мистическое или религиозное знание.** Конечно, здесь можно возразить, дескать, религиозное знание — собственно знанием не является (пропущу это возражение, ибо рассуждения на эту тему могут увести нас очень далеко от обсуждаемого вопроса). В отличие от двух первых видов знание, это знание, во-первых, абстрактно, а, во-вторых, принципиально не проверяемо. Его можно принять на веру, а можно и не принимать. И, наконец, 4) **Научное знание.** Оно также абстрактно (т. е. пользуется абстрактными понятиями), но, в отличие от мистического, не принимается на веру, а проверяется практикой¹.

Эту первую проблему мы решим с помощью простого договора. Здесь мы будем говорить о той части обыденного знания, которая многократно проверена человеческим опытом и является устойчивой. А также — о научном знании.

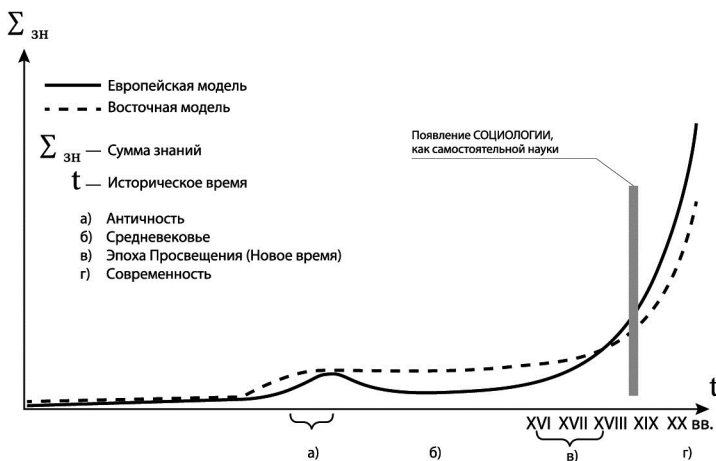

Рис. 1 Динамика накопления знаний человечеством

¹ Именно в этом отношении научное знание является положительным (или позитивным) знанием: на него можно положиться — оно проверено. И, уж извините за выражение, каждый дурак может убедиться, что оно — это знание истинно. Если на основании законов физики утверждается, «не стойте и не прыгайте, не пойте, не пляшите, там где идет строительство или подвешен груз», можно этому не верить. Но лучше все-таки последовать этому совету.

Вторая проблема состоит в том, что пока еще никто не научился измерять количество знаний. Опять-таки можно возразить: люди же научились измерять объем информации (в битах, байтах, кило-, мега- и терабайтах и т. д.). Но дело в том, что *информация* и *знание* — вещи принципиально разные. Для того, чтобы получить научное знание, приходится «перелопатить» огромное количество информации. Таким образом, есть единицы измерения объема информации, но нет единиц измерения количества знания. Знание оценивается исключительно на качественном уровне и то относительно. О ком-то мы говорим, что это — эрудит, имея в виду, что он много чего знает в разных областях. Однако очень часто эрудиция оказывается неэффективной для практической жизни.

Итак, на рис. 1 представлен псевдографик, и те кривые, которые нарисованы в этом пространстве, — всего лишь (в данном случае лично моя) гипотеза о том, как накапливалось знание человечеством (особенно в части оценки именно количества знаний). Стоит заметить, что в этом пространстве можно отразить столько кривых, сколько траекторий накопления знаний можно себе помыслить. Ограничимся двумя: одна кривая (сплошная) описывает историю и траекторию накопления знаний в рамках европейской культуры; другая (пунктирная) — характерна для восточных культур.

Как видим, начиная от Адама, траектории эти в рамках обеих культур практически совпадали, а затем заметно разошлись. Мощное накопление знаний в европейской культуре приходится на античный период. В учебниках по социологии этот период представлен, как минимум, двумя именами: это Платон, автор трактата «Политика», и Аристотель, автор трактата «Государство». Оба автора в этих работах описывают устройство общества и основные принципы взаимодействия различных его слоев.

Затем, как мы знаем античное общество пало под натиском варваров (хотя это утверждение некоторыми историками сегодня оспаривается — и весьма аргументировано). При этом, многие знания, накопленные в период античности, были безвозвратно утрачены, что отображается на графике понижением уровня знаний.

Потом, как утверждают историки, началась эпоха Возрождения, а за нею и эпоха Просвещения. Первая подарила человечеству такого чрезвычайно многопланового гения, как Леонардо да Винчи; вторая была отмечена целой плеядой блестящих мыслителей, которые непременно упоминаются во всех авторитетных учебниках по социологии, так как предметом их рассуждения и анализа также были принципы и «механизмы» устройства взаимодействия людей. Здесь достойны упоминания многие, начиная от Фомы Аквинского (1225–1274) до Николо Макиавелли (1469–1527) и Френсиса Бэкона (1561–1626). Но это все относится к так называемому донаучному периоду истории².

² См. об этом в «История теоретической социологии. Предыстория социологии»: Учебное пособие для вузов. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М. Академиче-

С «вершинкой» на уровне европейской античности на второй (пунктирной) линии связано имя китайского мыслителя Конфуция (6–7 век до н. э.), также размышлявшего об устройстве человеческого общества. В центре его внимания были две основные плоскости человеческих отношений: «учитель — ученик» и «правитель — подданные». Но и в его лексиконе отсутствовало понятие «общество».

Наука в современном её понимании «начала складываться в новое время (XVI–XVII вв.). <...> этому содействовали два обстоятельства. Во-первых, в эпоху Возрождения было подорвано господство религиозного мышления, а противостоящая ему картина мира опиралась как раз на данные науки. <...> Во-вторых, наряду с наблюдением, наука нового времени берёт на вооружение эксперимент, который становится в ней ведущим методом исследования и радикально расширяет сферу познаваемой реальности, тесно соединяя теоретические рассуждения с практическим «испытанием» природы. В результате резко увеличилась познавательная мощь науки. Это глубокое преобразование науки в 16–17 вв. было первой научной революцией (Г. Галилей, И. Кеплер, У. Гарвей, Р. Декарт, Х. Гюйгенс, И. Ньютон и др.)»³.

И хотя в науке нового времени доминировали естествоиспытатели, проблемами устройства людского взаимодействия и общежития также занималось немало глубоких и интересных мыслителей: Томас Гоббс (1588–1679), Джанбаттиста Вико (1668–1744), Шарль Луи Монтескье (1689–1755), Маркиз де Кондорсе (1743–1794), Иммануил Кант (1724–1804) и др. Многие из них и сегодня с полным основанием считают основоположниками различных социологических направлений и теорий⁴, хотя, строго говоря, их вряд ли можно без оговорок называть социологами. Все-таки это были, прежде всего, философы.

Интересным и важным вопросом занялся московский социолог Д. Г. Подвойский: могла ли социология, как самостоятельная наука возникнуть раньше конца первой трети XIX века? Автор весьма аргументировано доказывает, что для появления какой-либо науки необходимо, чтобы у неё был объект, для социологии — это общество. В сознании всех названных выше мыслителей, — доказывает Подвойский, — это понятие, обозначающее некую целостность, отсутствовало. В основном они оперировали понятиями «человек», «группы», «верхи»/«низы» и т. п. Формированию понятия «общество» во многом способствовали революционные процессы, вершиной которых стала первая французская революция (1793 г.)⁵. Впрочем, нет ника-

ский проект; Гаудеамус; 2010. — 274 с.

³ БСЭ, М., третье издание, 1974, том 17 Моршин — Никиш, с. 324.

⁴ См. об этом в «История теоретической социологии. Социология XIX века: от появления новой науки до предвестников её первого кризиса». Учебное пособие для вузов. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М. Академический проект; Гаудеамус; 2010. — 370 с.

⁵ В 1752 году вышло первое издание французской энциклопедии, в котором, наряду с другими было и понятие «гражданин». Это понятие имело одно зна-

кого резона пересказывать аргументы Подвойского, лучше самостоятельно прочесть его статью⁶.

Уже учитель О. Конта Сен-Симон не только активно пользовался этим понятием, но и разрабатывал проекты идеального устройства общества. Формированию и развитию этого понятия, кроме первой французской революции, способствовали, на мой взгляд, два важнейших обстоятельства: во-первых, бурное развитие естественных (и не только) наук, в первую очередь, наглядные практические достижения физики; во-вторых, великие географические открытия.

Последние обнаружили, что на земле много разных народов, находящихся на разных стадиях развития. При этом, казалось очевидным, что это различие в уровне развития обществ, обусловлено климатическими и географическими условиями, в которых они жили. Впрочем, к этому сюжету мы вернемся на следующей лекции.

Пока же важно отметить одну существенную особенность социологии, как самостоятельной науки. А состоит она в следующем. Если все известные нынче науки разбить на три «возрастных» группы: древние, зрелые и молодые, то любую из известных наук можно уверенно приписать к одной из этих групп. Своеобразное исключение составляет именно социология. Если принимать в расчет Платона, Аристотеля и Конфуция, то социологию можно с уверенностью отнести к классу *древних наук* — как-никак «до нашей эры». Конечно, с известной долей «натяжки», ведь в сознании этих авторов понятий «общество», «социальность», «социальное» и близко не было. Если не упускать из поля зрения наиболее основательных предтеч социологии эпохи Просвещения (13–16 вв.), то социология вполне может считаться *зрелой наукой* — почти ровесница науки, как таковой. Но если принять во внимание, что само слово социология родилось только в конце первой трети XIX века, то это, конечно же, *молодая наука* ей нет еще и 200 лет⁷. Таким образом, как бы Вы ни ответили на вопрос: «К какой «возрастной группе» относится социология среди других наук?», любой ответ (в определенном смысле) будет правильным.

чение — житель городского поселения. Второе издание энциклопедии вышло в 1776 году. В нем это же понятие уже имело два значения: 1) житель городского поселения и 2) житель страны, представитель нации. Вот какими быстрыми темпами в сознание людей входило и обростало смыслами и другими понятиями фундаментальное понятие социологии — «общество».

⁶ Подвойский Д. Г. О предпосылках и истоках рождения социологической науки // Социологические исследования, № 7, 2005, с. 3–12.

⁷ Впрочем, стоит заметить, что фактически современная социология (об этом мы еще специально будем говорить) еще моложе — не много, ни мало почти на 100 лет. Ибо в современном своем состоянии, выделяющем, как минимум, два уровня: теоретический и эмпирический (а также, фундаментальный и прикладной), социология сформировалась лишь в 50-е годы прошлого (XX) века.

Огюст Конт (1798–1857)

С позиций XX–XXI вв. легко упрекать классиков, мол, они что-то недопонимали, а что-то, и не могли понять. Конечно, как и всякий амбициозный мыслитель (Конт был именно таким), Конт в чем-то заблуждался, в чем-то просто ошибался. Действительно, он не всегда отдавал себе отчет в том, что его основные идеи не совсем его. Он очень многое взял от своих учителей и предшественников — Сен-Симона, Кетле, Тюрго и Кондорсе. Но в чем-то он оказался последовательнее и настойчивее их.

Безусловно, правы Г. С. Батыгин и Д. Г. Подвойский, когда обращают внимание на лингвистическую гибридность самого слова «социология», введенного в научный оборот О. Контом. Он взял корни из разных языков: латинского (*societas*) и греческого (*logos*) и против всех правил «скрестил» их. Но ведь перед этим он (по этому же образу и подобию, как теперь сказали бы — по тому же алгоритму) дал название еще одной науке — биологии (соединив в одно слово латинское *bios* — жизнь, и греческое *logos* — слово, учение, наука), которая сегодня вполне «завоевала» право быть одной из важнейших наук нашего времени. Ему пришлось придумать слово, обозначающее науку, которая в его время только-только зарождалась, и именно по этой причине еще не имела своего имени.

Конт, общепризнан основателем социологии, хотя сам он, конечно же, не был социологом в современном понимании⁸. Он, прежде всего, (если можно так сказать) был — социальный философ. И начинал он (вслед за Сен-Симоном) с осмысления самого процесса познания и истории человеческого мышления. И здесь нельзя не сказать и об известном под его именем законе «Трех стадий умственного развития человечества» и об его огромной работе — попытке (весьма удачной) построить классификацию наук. Стоит напомнить, что в конце XVIII — начале XIX века происходило бурное развитие науки. В это время появилось несколько новых наук, а некоторые старые — утратили своё (в прошлом очень важное) значение. В частности, утратила свои позиции алхимия, обеспечив хороший рост химии. Так же было отказано в статусе научных знаний астрологии, но её место было занято астрономией и космической физикой.

Три стадии умственного развития человечества

Первую стадию умственного развития Конт (также как и Сен-Симон) назвал *теологической* и выделил в ней, в свою очередь три стадии: фетишизм, политеизм и монотеизм.

⁸ С большим основанием О. Конта считают также основателем весьма влиятельного в XIX–XX вв. научного направления — позитивизма, и, наряду с Г. Спенсером, — биологического направления в социологии.

Не только людям свойственно ощущать страх или дискомфорт при столкновении с чем-нибудь непонятным или неизвестным. Естественно, издавна люди пытались найти какие-либо объяснения тому, что их окружает. Даже не очень наблюдательный человек рано или поздно обращает внимание на то, что окружающий его мир (прежде всего, природный) устроен так складно, в нем так «пригнано» одно к другому, что невольно приходит мысль о том, что кто-то все «Это» специально устроил. Так и возникает идея сверхестественных, потусторонних сил, с помощью которых можно многое объяснить.

Это и есть основная особенность теологической стадии познания — объяснение наблюдаемых явлений через внешние, потусторонние силы.

Уж на что умственно развиты были древние греки, их картина мира была довольно сложна и держалась она на хорошо организованном «семействе» богов. Что такое, скажем, гроза для древнего грека? Да это же Зевс-громовержец мечет грома и молнии.

Как известно, Зевс был охоч до женского пола: то Европу похитил, то Галатею оживил и даже пытался отнять её у Пигмалиона. Жена его Гера, в свою очередь, была очень ревнива, и каждый раз пыталась урезонить мужа. Зевс это не любил и в ответ начинал метать грома и молнии. Поэтому можно полагать, что к грозе древние греки относились спокойно и даже слегка иронично. Глядя в сторону Олимпа, они говорили: «Опять боги выясняют отношения. Ну-ну». Им было все ясно и понятно, а потому совсем не страшно.

Древние славяне воспринимали грозу с большей опаской. В их картине мира гроза означала, что Перун снова куда-то поехал на своей колеснице. Колеса грохочут по небесной тверди, а иногда и искры высекают. А поскольку древние славяне жили в деревянных домах под соломенными (или из дранки) крышами, то перуновы искры (молнии) были чреваты пожарами. Однако, поскольку есть объяснение, то ясно, что делать, к чему готовиться и, стало быть, опять же не так и страшно. У славян, так же как и у греков, Перун был главным, но не единственным богом. За разные жизненные вопросы в их «пантеоне» отвечали разные боги.

Эта стадия познания и объяснения явлений окружающего мира присуща почти всем известным истории народам на определенных стадиях их становления и развития. ... Если у первобытных людей охота не удалась, этому могли быть две причины: либо жертвы, принесенной богам, оказалось недостаточно, либо поторопились во время ритуальных плясок и (соответствующий) бог остался недоволен. Таких примеров можно привести несметное число.

Переход к следующей стадии умственного развития — *метафизической* — О. Конт и его интерпретаторы связывают с наступлением единобожия (монотеизма). «Идея Бога в трактовке зрелого (и даже «перезрелого») религиозного сознания постепенно приобретает черты отвлеченной философской категории, умопостигаемой ноуменальной абстракции...» — пишет

авторы одного из учебников⁹. Однако, думается, что это не совсем так. К «отвлеченным» (т. е. абстрактным) философским категориям люди пришли, благодаря собственной наблюдательности, а также развитию членораздельной речи, а затем и письменности.

Слова, употребляемые (придуманные) людьми, есть имена вещей и явлений. Эти имена имеют свое толкование, свой смысл. В дописьменные времена толкования передавались из уст в уста и, полагаю, имели множество вариантов. Письменность обеспечила закрепление за словами их смысла и единообразного толкования этих смыслов. А это, в свою очередь, требовало выделения самой сути и, стало быть, отвлечения (абстрагирования) от всего несущественного. Таким образом, слова становились абстрактными понятиями. Это способствовало не только упорядочиванию представлений об окружающем мире, но и развитию способности к рассуждению (оснований философии и логики).

Авторы цитированного выше учебника так комментируют позицию Конта: «... на метафизической стадии онтологическую нишу божества занимают разного рода субстанции — категории, при помощи которых спекулятивная философия объясняет все и вся. Однако эта стадия, по мнению Конта, не содержит в себе никакого самостоятельного конструктивного компонента, её историческая миссия — сугубо негативная, и заключается она, прежде всего, в подспудной мыслительной работе, направленной на расшатывание устоев органического мировоззрения теологической эпохи»¹⁰.

Существенный момент — закон трех стадий познания Конт теснейшим образом связывал со стадиями общественного развития. Он полагал, что теологическая стадия имманентна (внутренне присуща) племенам и монархическим режимам, тогда как метафизическая — периодам революционных потрясений, подобным Великой французской революции и республиканскому правлению. Конт считал, что рано или поздно эту стадию метафизических спекуляций сменит дух **позитивной науки**. При этом непременно и само общество придет к тому, чтобы основываться на позитивном знании, с учетом естественных законов его собственного развития. Управлять этим обществом будут, конечно же, не философы, а позитивные ученые.

Именно в связи с таким пониманием и с такой установкой Конт считал, что наука об обществе должна быть обязательно вырвана из недр «спекулятивной философии» и поставлена на позитивную основу¹¹. И не случайно

⁹ Батыгин Г. С., Подвойский Д. Г. История социологии. Учебник — М.: Издательский Дом «Высшее образование и Наука», 2007, с. 28.

¹⁰ Там же.

¹¹ Здесь самое время дать небольшую лексическую справку. Слова «спекулятивная философия» и «позитивная наука» Конт наполнял не тем смыслом, которым они наполняются сегодня. Полагаю, что он буквально переводил с латинского языка слово *speculor*, как наблюдаю, созерцаю. В его устах «спекулятивная философия» — это тип теоретического знания, которое выводится

поначалу Сен-Симон, а следом за ним и Конт, науку об обществе именовали «социальной физикой» (понятием, почерпнутым ими у Адольфа Кетле). Это словосочетание имело в то время огромный полемический и эвристический потенциал.

Но почему Конту понадобилось новое название для науки об обществе? Многие исследователи и личности, и творчества Огюста Конта отмечают его амбициозность. Именно в силу этого своего качества возникла эта потребность. Во-первых, он катастрофически «не сработался» со своим учителем и работодателем — Сен-Симоном, который, в конце концов, уволил строптивого ученика. Во-вторых, ему важно было закрепить за собой научный приоритет и претензию на новое концептуальное пространство. К тому же, понятие «социальная физика» активно использовал в своих трудах Адольф Кетле, который давал этому понятию неверную, по мнению Конта интерпретацию. В-третьих, одно слово для имени науки лучше словосочетания, состоящего из нескольких (хотя бы и двух) слов. И, наконец, в-четвертых, ему, надо полагать, было также важно «отделиться» и от физики, чтобы подчеркнуть особое место науки об обществе в системе научного знания.

Классификация (система) наук

Конечно, Конт понимал, что выделенные им три стадии умственного развития — лишь общее направление. Не только в XIX веке, но и сегодня можно встретить людей, находящихся в каждой из этих стадий. Конт также обращал внимание на то, что это общее движение совершается в разных областях знания не равномерно. Образцом (и первой «ласточкой») следующей, позитивной стадии познания для него, конечно же, была физика. Именно физика обеспечила практическое применение обнаруженных и обоснованных ею законов природы.

Полезно напомнить, что паровая машина (а это паровозы и пароходы, силовые установки для промышленности) — могла появиться только в результате не простого созерцания и рассуждений, но экспериментов, в ходе которых проверялись теоретические положения физики. В 20-е — 30-е годы XIX века и в Европе, и в Америке, и в России строились железные дороги. Вокруг них разворачивались не шуточные баталии: одни были за них, так как видели в них большие перспективы развития; другие же были категорически против, так как боялись, что будет разрушен привычный, веками установившийся уклад жизни. Это была действительная революция. И это было достижением

без обращения к опыту и направлено на осмысление предельных оснований науки и культуры. Тогда как «позитивная наука» для Конта — это, прежде всего, тип теоретического знания, основанный на опыте, на эксперименте, направленный «к познанию действительных законов явлений» и проверяемый в опыте. Слово «позитивная» в его сознании имеет иной смысл, нежели «хорошая, правильная».

именно физики. Уже в 50-е годы XIX века эта наука «подарила» человечеству электрический свет, двигатель внутреннего сгорания, эффективность которого во много раз превышала паровую машину. Примерно в это же время — в начале 50-х годов — была изобретена электрическая лампочка и электричество стало «служить» людям. Но не только физика являла пример позитивно (по Конту) знания.

Следующая важная задача, которую поставил перед собой этот мыслитель, — построение классификации наук. В результате огромной аналитической работы Конт выделил так называемые обобщающие науки, т. е. такие, которые имеют своей основной целью открытие и формулировку научных законов. Именно их он и попытался классифицировать и определить их иерархию. Науки описательные, занимающиеся почти исключительно классификаций, такие как ботаника, зоология, география, история и т. п. Конт считал второстепенными, вспомогательными, систематизирующими исходные материалы по тем или иным темам. Обобщающие же науки, вскрывая научные законы, позволяют объяснять природу и осмысленно обращать законы природы на благо и пользу человечеству. К числу обобщающих наук он отнес шесть наук: математику, астрономию, физику, химию, биологию¹² и социальную физику. Причем, именно в таком порядке. Таким образом, это не просто список, но, как считал Конт «неизменная иерархия». Ибо каждая предшествующая наука является «отправной точкой» для последующей. Каждая из перечисленных наук изучает особый круг явлений со своими специфическими законами. По сути дела, это классификация разных объектов познания. Причем, каждая следующая в этом списке наука, по мысли Конта, оказывается более сложной, поскольку объект каждой следующей науки добавляет некие новые свойства, которые отсутствуют в предыдущих.

Конечно, человек является биологическим (живым) существом и обладает всеми свойствами биологического организма. Однако взаимодействие между людьми в обществе порождает такие качества, такие свойства, которыми не обладает отдельно взятый биологический организм. Именно поэтому социология в представлении Конта оказывается «вершиной научного знания». Не случайно некоторые последователи Конта называли социологию «царицей всех наук».

Тем не менее, его приверженность физике, как позитивной науке, отразилась и на представлениях основоположника социологии о структуре социологического знания. Для выделения основных разделов социологии он использует, если угодно, понятия, из физики: «статика» и «динамика». Естественно, сопровождая каждое из них прилагательным «социальная». В социальной

¹² Напомню, что это слово также придумал О. Конт. Придумать название пришлось для того, чтобы отделить эту становящуюся науку от «второстепенных», на базе которых эта обобщающая наука возникала именно в тот период.

статике для Конта важнее всего понятия структуры и порядка, социальная динамика приводит его к понятию прогресса.

ПОЗИТИВИЗМ

Одним из родоначальников этого влиятельного направления в науке является опять-таки Огюст Конт. В основе этого направления лежит, прежде всего, уже упоминавшееся стремление вырвать науку (не только науку об обществе) из недр спекулятивной (бездоказательно рассуждающей) философии. В основе этого направления лежат постулаты, выведенные Контом, в том числе, из закона трех стадий познания: 1) мир един и живет по единым законам; 2) мир познаваем с помощью научных методов.

Конт не только отвергал философские спекуляции, он считал, что «В социологии, как и в биологии, научное исследование использует на конкурирующих началах три основных метода, которые я, начиная со второго тома этого Трактата, выделяю в обобщенном искусстве наблюдения: чистое наблюдение, собственно эксперимент и, наконец, сравнительный метод, существенно адаптируемый к разным исследованиям живых тел»¹³.

Очень кратко о том, как автор понимал эти три метода. Чистое, или непосредственное наблюдение — это описание событий, определение обычаев и множество других способов получения знаний. Под экспериментом Конт подразумевал, применительно к науке об обществе, прежде всего, косвенное экспериментирование. Наблюдение можно назвать экспериментом, полагал он, если нормальный его ход подвергается определенному изменению. По мнению Конта, эксперимент еще менее, чем простое наблюдение, может обходиться без рациональной теории. И, наконец, сравнительный метод в социологии заключается в сближении социальной жизни народов, существующих одновременно в разных местах земного шара и не зависящих друг от друга¹⁴. (Кстати, вот оно — влияние Великих географических открытий 18–19 вв.).

Таким образом, позитивизм в определенном смысле является антитезой философии. Далее мы увидим, что социология на определенном этапе своей истории пришла к осознанию необходимости общей социологической теории, а уже во второй половине XX века многие социологии постмодернистского направления заявили о том, что «большие нарративы», т. е. обобщающие теоретические концепции, и общая теория для социологии не актуальны. Но этот вопрос более обстоятельно обсудим в заключительных лекциях нашего курса.

¹³ Comte A. Cours de philosophie positive: Vol. 1–6: ed. Paris, 1892–1894. Цит. по Лапин Н. И. Эмпирическая социология в Западной Европе. Учебное пособие. Издательский дом ГУ ВШЭ, М.: 2004. с. 29–30.

¹⁴ См. Н. И. Лапин Эмпирическая социология в западной Европе. Учебное пособие. Издательский дом ГУ ВШЭ, М.: 2004. с. 30.

Безусловно, Конт с полным на то основанием считается основателем современной социологической науки. И все-таки, я думаю, что не стоит преувеличивать его вклад в развитие социологии. Он все-таки был и остается философом, и во многом прожектером, подобно своему учителю Сен-Симону. Социология О. Конта — это **эмпирическая** социология, ориентированная на выведение теоретического знания, прежде всего, из наблюдений и описаний, и отрицающая «априорные» теоретические построения. Его основная заслуга, на мой взгляд, состоит в том, что он уловил дух своего времени и критически отнесся к нему; понял очень важную вещь, что общество — это не просто сумма индивидов, что оно является сущностью особого рода.

Литература

1. Батыгин Г. С., Подвойский Д. Г. История социологии. Учебник — М.: Издательский Дом «Высшее образование и Наука», 2007,
2. «История теоретической социологии. Предыстория социологии»: Учебное пособие для вузов. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М. Академический проект; Гаудеамус; 2010. — 274 с
3. «История теоретической социологии. Социология XIX века: от появления новой науки до предвестников её первого кризиса». Учебное пособие для вузов. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М. Академический проект; Гаудеамус; 2010. —370 с.
4. Лапин Н. И. Эмпирическая социология в Западной Европе. Учебное пособие. Издательский дом ГУ ВШЭ, М.: 2004.
5. Подвойский Д. Г. О предпосылках и истоках рождения социологической науки // Социологические исследования, № 7, 2005, с. 3–12.

Вопросы к семинару

1. Почему любой ответ о «возрасте» науки об обществе может считаться правильным?
2. Каковы необходимые и достаточные предпосылки появления социологии как самостоятельной науки?
3. Почему О. Конт (вслед за Сен-Симоном) считал необходимым «вырвать» социологию из недр спекулятивной философии и строить эту науку на позитивной основе?
4. В чем состоит специфика каждой из трех стадий познания (умственного развития человека)?
5. В чем существенное отличие теоретической науки от эмпирической?
6. Почему социология Конта строилась как проект эмпирической науки?

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ: ПЕРИОД «НАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ»: ОТ ОСНОВАНИЯ ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕОПОЗИТИВИЗМА

Сама идея науки об обществе — социологии — «изобретение» европейское. Родилась эта идея, как мы уже говорили, во Франции, активно была подхвачена в Германии, в России. В начальной стадии социологий было много. Эпоха Просвещения была еще в самом расцвете, авторитет науки был чрезвычайно высок. Контговская ориентация на становление науки об обществе, как позитивной науки, предполагало становление социологии, как эмпирической науки, опирающейся на реальные (прежде всего, наблюдаемые) факты. Хотя на начальном этапе развития эмпирический характер социологии объективно вряд ли мог быть реализован.

Формирование языка социологии

Рассматриваемый период характерен необычайным разнообразием и противоречивостью. Если угодно, — в нем много наивного и поспешного. Но также для этого периода характерно большое внимание к методологии научного познания общества, к формированию профессионального языка социологии. Многие ранее известные слова приобрели статус научных терминов, т. е. получили строгое определение. Некоторые термины, ранее использовавшиеся в других науках, были не просто заимствованы, но получили новое — социологическое — содержание.

Конечно, Конт дал имя этой науке и, тем самым, обозначил (и очень четко) общество, как её объект. Но его заслуги на этом не заканчиваются. Он ввел в научный оборот понятия «социальная статика» и «социальная динамика», «солидарность». Первое вызвало к жизни целое семейство существенных понятий социологии: структура, группа, класс, статус и др.; второе также породило целый «куст» социологических понятий: процесс, роль, лидер, конфликт и др. Таким образом, Конт заложил фундамент языка социологии.

Другой французский социолог — Э. Дюркгейм не только заимствовал понятия из других наук, но обогащал их содержание социологическим смыслом. Я имею в виду, прежде всего такие понятия, как «девиация» (девиантное поведение), заимствованное из морского дела; а также понятия «аномия», «социальная норма» и целый ряд других. По некоторым свидетельствам, Г. Спенсер ввел в язык социологии понятие социального института.

Ф. Тённис теоретически обосновывал и «разводил» такие понятия, как «община» и «общество». Дюркгейм, например, тённисовскую общину связывал с понятием «механической солидарности», а общество — с «органической солидарностью»¹⁵. Таким образом, в этот период складывался не только лексический состав языка социологии, но и формировались взаимосвязи между базовыми понятиями, т. е. система этого языка.

Влияния и заимствования

Как и всякий молодой организм, социология на этом этапе была подвержена разнообразным влияниям. Если внимательно прочесть статьи, которые в тематическом указателе краткого словаря по социологии (М., Политиздат, 1988 г.)¹⁶, помещены в раздел «Направления, концепции, школы в социологии», можно найти прямые указания на происхождение этих направлений.

Возьмем, например, статью «*Биологическое направление в социологии*»: - «направление в буржуазной социологии, возникло во 2-й пол. XIX в. Под влиянием дарвиновской теории биологической эволюции. Основоположником его явился англ. социолог Г. Спенсер (1820–1903), выступавший за внедрение в социологию принципов эволюционной теории. В этом направлении выделяются органическая (школа) и социальный дарвинизм (социал-дарвинизм). Представители органической школы (например, Р. Вормс и др.) исходили из проведенной Спенсером аналогии между биологическим и социальным организмом, к-рые, по его мнению, сходятся в процессах роста, в дифференциации и интеграции частей, их автономии, наличии распределительных и регулятивных систем и т. п. <...> Представители социального дарвинизма (У. Беджот, Л. Гумплович, А. Смолл и др.) акцентировали внимание на анализе процессов развития и изменения, перенося на об-во принципы биологической эволюции — естественный отбор и борьбу за существование...»¹⁷.

Схема, как видим, проста и прозрачна: название направления, его суть, основоположник(и), наиболее яркие представители данного направления. Естественно, нет резона приводить все или почти все статьи этого раздела. Остановимся на самых существенных для понимания этого периода в истории социологии.

Географическое направление, явилось прямым следствием великих географических открытий. Во-первых, это направление абсолютизирует зна-

¹⁵ См. об этом подробнее в кн. В. Ф. Чеснокова Язык социологии. Курс Лекций. М.: ОГИ, 2010, 544 с.

¹⁶ Составители словаря Э. М. Коржева и Н. Ф. Наумова, профессиональные и высококвалифицированные советские социологи очень грамотно и ответственно подошли к своей работе. Статьи, помещенные в этот раздел, писали такие же классные специалисты по примерной схеме, заданной составителями.

¹⁷ Краткий словарь по социологии. М., Политиздат, 1988, с. 18.

чение географической среды (климата, рек, флоры и фауны, минеральных богатств). Во-вторых, настаивает на обусловленности общественного бытия географическими факторами. В-третьих, не учитывает сложного взаимодействия человеческой деятельности со средой обитания. Среди наиболее ярких представителей этого направления автор статьи называет Ш. Монтескье, Г. Бокля и **Л. И. Мечникова**¹⁸. Слабая объяснительная сила этого направления обнаружилась довольно быстро, однако оно сыграло свою важную роль, если не в развитии социологии, то в развитии самой географической науки и способствовало становлению политической географии, экономической географии, и, во многом — социальной экологии.

Столь же относительно непродолжительной оказалась жизнь **механистического направления** (или механицизма), которое также явилось прямым следствием огромного в то время престижа физики и влияния научно-промышленной революции. В рамках этого направления разрабатывались концепции, которые под влиянием классической механики (и физики) стремились свести закономерности функционирования и развития общества к механическим закономерностям, используя при этом физическую терминологию и фразеологию. Среди представителей этого направления выделялись Г. Ч. Кэри (1793–1879), В. Ф. Оствальд, **В. М. Бехтерев**, В. Парето, А. Барсело.

«При всей несостоятельности своей редуccionистской методологии представители механицизма, будучи сторонниками количественных и статистических методов, внесли заметный вклад в теорию и методику социальных измерений, их влияние чувствуется и в современных тенденциях использования в социологии кибернетики и общей теории систем»¹⁹.

Близким к этому направлению по своему духу, и также ориентированный на методы естественных наук являлся **натурализм**. Позитивная сторона натурализма состояла в стремлении выработать объективную и строгую систему знания, аналогичную теориям развитых естественных наук. Это направление социологической мысли как бы объединяло два названных выше течения: социал-биологизм и социальный механицизм. В свою очередь в рамках этого направления принято выделять две ветви — методологическую и онтологическую. Сторонники первой (А. Кетле, Г. Кэри, А. Шеффле и др.) считали, что для всех наук, и естественных, и социальных существует единый «научный метод». Тогда как приверженцы второй — онтологической — ветви (Д. Морис, Э. Уилсон, Р. Данлэн и др.) настаивали на предметном единстве социальных и естественных наук.

¹⁸ Здесь и далее полужирным шрифтом намеренно выделены российские социологи. Особенности социологической мысли этого периода в России рассмотрим чуть позже.

¹⁹ Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М., Наука, 1986, с. 212

Более продолжительная жизнь оказалась у *психологического направления*²⁰, которое «... развивалось в конце 19 — начале 20 вв., являясь выражением общего для обществоведения того времени интереса к проблемам человеческой мотивации и механизмам социального поведения. Главный принцип, разделяемый его многочисленными представителями и позволяющий объединять их в одно течение, — стремление сводить общественные явления к психическим, ..»²¹. Наиболее яркие представители этого направления: Л. Уорд, Ф. Гиддингс, У. Мак-Дугалл, М. Лацарус, Г. Тард. Среди российских мыслителей наиболее заметными представителями психологического направления были **Н. И. Кареев, Е. В. де Роберти, И. М. Коркунов**. К этому направлению примыкает и так называемый субъективный метод (**П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский**).

Представители этого направления привлекли внимание к проблеме общественного сознания. В его рамках был поставлен ряд важных вопросов, таких, как общественное мнение, специфика коллективной психологии, формирование социального самосознания личности, её социальная природа и др.

К этому направлению, в свою очередь, идейно примыкает и *социологический номинализм* — теоретическая ориентация, «согласно которой все социальные явления получают реальность только как реализации целей, намерений, установок индивида»²². Для сторонников этого направления (М. Вебер, Г. Тард, Г. Зиммель) такие понятия, как «общество», «организация», «группа» лишены онтологического содержания. Субъектом социального действия для них является исключительно индивид, а социальный мир в сущности — есть мир значений и ценностей, порождаемых только людьми. «В методологическом плане это означает, что исходным элементом социологического анализа должно быть не социальное целое, а индивид и его социальное действие, из которого должны выводиться характеристики социального процесса»²³.

Макс Вебер (1884–1920) в середине XX века стал одним чуть ли не самым популярным и цитируемым автором. Именно он ввел в научный оборот такие понятия, как «социальное действие», «идеальный тип» и чрезвычайно популярное поныне выражение, что социология должна быть «понимающей наукой». Он более детально и аргументированно (в отличие от Кон-

²⁰ Я помню, как еще в начале 70-х проф. Б. Д. Парыгин обвинял В. А. Ядова в психологизме. Тогда это было уже не политическое, но достаточно веское для советского социолога обвинение, т. к. психологизм считался «методологической ориентацией, присущей современной западной социологии и состоящей в стремлении объяснять социальные явления и процессы лишь на основе психологических данных, свести социологию к психологии» (Краткий словарь по социологии. М., Политиздат, 1988, с. 265–266).

²¹ Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М., Наука, 1986, с. 299–300.

²² Краткий словарь по социологии. М., Политиздат, 1988, с. 188.

²³ Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М., Наука, 1986, с. 249

дорсе) объяснял, почему методы естественных наук не применимы для наук гуманитарных и науки об обществе. По его мнению, только человек порождает смыслы и приписывает их окружающему миру. Именно по этой причине нельзя понять другого человека, не поняв, какой смысл он вкладывает в свои действия и поступки. В то же время М. Вебер считал, также как и О. Конт, что социология в состоянии (и должна) получать об обществе позитивное знание.

Антиподом психологизма и номинализма явилось направление, получившее название **социологизма**, которое получило наиболее полное и аргументированное выражение во взглядах Э. Дюркгейма.

По меньшей мере, в двух своих фундаментальных работах («О разделении общественного труда» и «Правила социологического метода») Дюркгейм рассматривает чрезвычайно сложную, до сих пор актуальную (и, замечу, плохо отрефлексированную современными социологами) проблему статуса человека (индивида) в социологии, а также проводит различие между психологическим и социологическим подходами к объяснению природы общества, определенно отдавая приоритет целому (т. е. обществу), а не части (т. е. индивиду). Он делает это скрупулезно и аргументировано.

Здесь уместно (и даже необходимо) предоставить слово самому классику: «В данных вопросах, — пишет Дюркгейм, — господствуют две противоположные теории.

Для одних, например, для Гоббса и Руссо, между индивидом и обществом существует некоторый антагонизм. По их мнению, человек по природе своей не склонен к общественной жизни и может быть подчинён ей только силой. Общественные цели не только не совпадают с индивидуальными, но скорее противоположны им. Поэтому, чтобы заставить индивида преследовать их, необходимо оказывать на него принуждение, и в учреждении и организации этого принуждения и заключается преимущественно деятельность общества. <...>

Теоретики естественного права, экономисты, а позднее и Спенсер вдохновлялись противоположной идеей. Для них социальная жизнь, по существу, самопроизвольна и общество есть нечто естественное. Но хотя они и приписывают ему этот характер, однако не признают его специфической природы; основание его они находят в природе индивида. Как и предыдущие мыслители, они не видят в нем систему явлений, существующую самостоятельно, в силу особых причин. <...>

Наша теория отличается от обеих доктрин.

Несомненно, мы считаем принуждение характерным признаком всякого социального факта²⁴. Но это принуждение исходит не из более или менее искусного устройства, призванного скрывать от людей те западни, в которые они

²⁴ Более подробно понятие социального факта мы рассмотрим в следующей лекции.

сами себя поймали. Оно обязано своим возникновением тому, что индивид оказывается в присутствии силы, перед которой он преклоняется, которая над ним господствует, но эта сила естественна. Это принуждение вытекает не из договорного устройства, возникшего по воле человека, а из сокровенных недр реальности, являясь необходимым продуктом данных причин»²⁵.

Концепции «природы» и развития общества

К. Маркс в определенной мере независимо от Конта (хотя они были современниками и не могли не знать друг о друге) создал свою модель науки об обществе и очень мощную концепцию общественно-экономических формаций. Эта концепция базировалась на огромном историческом материале (во многом благодаря эрудиции историка Ф. Энгельса). Маркс и Энгельс ввели очень важное понятие историзма (недаром их учение вошло в историю под именем «исторический материализм»). К марксовской концепции мы еще вернемся, так как она оказала заметное влияние на развитие социологической науки, хотя и Маркс, строго говоря, вряд ли является социологом в современном понимании.

Идею опоры на исторические данные продуктивно воспринял младший современник Конта и Маркса — Герберт Спенсер. Подготовку своего основополагающего труда — трехтомных «Оснований социологии» он начал со сбора обширного числа фактов человеческой истории.

Представители формальной социологии (своеобразное развитие дюркгеймовского социологизма) стремились построить науку об обществе на анализе социальных форм. При этом Зиммель уделял большое внимание понятию социальной формы, противопоставляя форму содержанию, он противопоставлял материю социального взаимодействия — культурно-исторически обусловленные продукты человеческого духа — наиболее часто повторяющимся, характерным для всех эпох структурам взаимодействия. Тем не менее, основатели формальной социологии внесли значительный вклад в развитие социологической теории. Многие выделенные ими социальные типы и формы вошли в концептуальный аппарат социологии

Мы уже упоминали о взглядах Дюркгейма на «механизмы» формирования общества и о его понимании предмета социологии, которые, по сути дела, также отражают определенную теоретическую концепцию отличную от обозначенных выше. Но ведь и те направления, которые объективно имели короткую жизнь и оказались «тупиковыми» ветвями зарождавшейся науки об обществе, фактически внесли свой немаловажный вклад в развитие социологии (отрицательный результат в науке — это тоже результат положительный).

²⁵ Э. Дюркгейм О разделении общественного труда. Метод социологии. М., «Наука», 1991, с. 508–509.

Особенности российской социологии этого периода

Общественная мысль в России того времени, если можно так сказать, «шла в ногу» с европейской. И российские мыслители так же, как и европейские, критически относились к существующему политическому и общественному строю. Достаточно вспомнить декабристов, мечтавших о смене деспотического монархического правления, на более демократическое. Перефразируя ленинское высказывание, «декабристы разбудили Герцена», а Герцен своим «Колоколом» пытался разбудить думающие слои российского населения.

Европейский социальный утопизм (Оуэн, Т. Мор, Фурье, Сен-Симон) по сути своей был теоретическим «прожектёрством». Российские социальные мыслители пошли дальше, они ориентировались на деятельное участие в преобразовании общества. Декабристы, а затем народники, а потом и большевики исповедовали идеологию активизма. И это была, пожалуй, одна из существенных особенностей российской социологии. Даже К. Маркс с его концепцией диктатуры пролетариата, именно в силу его убежденности в естественном торжестве исторического прогресса, оставался «чистым теоретиком» и воздерживался от прямого призыва «к топору».

Обратите внимание, российские социологи и обществоведы конца 19-го — начала 20-го вв. за небольшими исключениями — революционеры (в том числе, и «террористы» или, как их тогда называли — «бомбисты»), преследуемые царским правительством. А. Герцен, Н. Чернышевский, П. Лавров, П. Ткачев, М. Бакунин, Г. Плеханов, В. Ленин. Но и академические ученые и мыслители (М. Ковалевский, Е. де Роберти, С. Южаков, Н. Кареев и др.) далекие от прямой политической борьбы, даже занимавшие высокие посты в царской России (например, губернатором Курляндии был Ф. Лилиенфельд) были не чужды идеологии активизма.

К сожалению, оригинальные труды российских социальных ученых того времени долгое время были практически не доступны советским и российским читателям. И несмотря на то, что в течение последних 20 лет были изданы труды Н. Кареева, М. Ковалевского, П. Сорокина, С. Южакова и др. российская социология этого периода остается «terra incognita» для россиян.

В силу ряда обстоятельств некоторые из выдающихся российских социологов того времени были вынуждены значительную часть своей жизни проводить за границей. Поэтому, например, Е. В. де Роберти писал свои работы на французском или немецком языке и очень мало — на русском. Определенная часть трудов М. Ковалевского также была издана (даже в то время) за границей, естественно, на языке той страны, где издавались. Одно из первых в СССР серьезных и фундаментальных исследований истории российской социологии этого периода было издано только в 1978 году²⁶.

²⁶ Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX века. Л., «Наука» Ленинградское

Именно поэтому сегодня чрезвычайно актуальны серьезные исследования по истории российской социологии. Такие, например, как статьи Н. К. Орловой «Активистское направление в русской теоретической социологии классического периода» и А. А. Голосеевой «Русская субъективная школа и этический идеал в структуре социологического знания»²⁷.

В названных трудах, изданных с интервалом более чем 30 лет, упоминаются одни и те же персоналии: Герцен, Бакунин, Чернышевский, Лавров, Ткачев, Южаков, Михайловский. Но как различаются оценки и характеристики этих персоналий. В книге 1978 года чувствуется сильное давление «единственно правильной» идеологии; во второй — оценки более «решительные» и раскованные. В первой — критерием оценки является соответствие (или не соответствие) позиции «героев» марксистско-ленинской идеологии; во второй — авторы статей опираются собственно на содержание, высказываемых «героями» мыслей и теоретических положений. Характерна также фразеология и лексика (словарный состав) первой из названных книг. Немарксистская социология в ней именуется мелкобуржуазной, буржуазной или даже дворянской (имея в виду при этом, скорее всего, Герцена, Одоевского, Кропоткина и др.).

Вот как авторы книги 1978 года описывают проблемы, которые они ставили перед собой: «Три комплексные проблемы являются в данной работе центральными пунктами исследования. Во-первых, вскрывается логика становления и развития русской социологии, сочетание логического и исторического в этом процессе...

Во-вторых, в работе предпринимается попытка раскрыть закономерности развития и специфические черты немарксистской социологической мысли в России, некоторые оригинальные стороны её по сравнению с социологией на Западе и на этом фоне освещаются её контакты с западной социологической мыслью...

В-третьих, авторы стремились дать не просто историко-эмпирический обзор социологических учений, а представить реальный процесс движения социологической мысли в России на основе изменяющихся общественных отношений»²⁸.

Настоятельно рекомендую познакомиться с этой книгой — она достойна того. Ибо даже в условиях жесткой советской идеологической цензуры авторам удалось в основном решить эти не простые задачи.

отделение, 1978, 416 с.; см. также Л. А. Беляева Эмпирическая социология в России и Восточной Европе. Учебное пособие. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004, — 408 с.

²⁷ «Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии. Сборник научных докладов симпозиума, 13–14 октября 2011 г. М.: Институт социологии РАН, 2011, 276 с.

²⁸ Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX века. Л., «Наука» Ленинградское отделение, 1978, с. 5.

И еще на одну особенность российской социологии этого периода стоит обратить внимание. Европейские классики (Э. Дюркгейм, М. Вебер, и др.) занимались социологическим анализом основных мировых религий, но в европейской социологии не было (и, думаю, не могло быть) собственно религиозного направления социологической мысли. В российской социальной мысли **религиозный идеализм** занимал, если не ведущее, то, во всяком случае, очень заметное место. Лидерами этого направления были очень яркие русские философы, пытавшиеся внести свой вклад и в социологию: В. Соловьев, С. Булгаков, Н. Бердяев, П. Флоренский и др.

В остальном российская социология второй половины XIX — начала XX вв. решала те же задачи (и совершала те же «ошибки»), что и европейская. Однако, как справедливо отмечают современные исследователи и историки, российская социология отнюдь не «плелась в хвосте» у западной. Напротив, она внесла свой ценный вклад в развитие мировой социологической науки и по некоторым направлениям, определенно, лидировала и «задавала тон».

Попытки выработки собственно социологического метода

В первой лекции уже говорилось о том, как представлял научные методы, подходящие для социологии, её основатель О. Конт. К. Маркс придерживался, по сути дела единственного метода — исторического. Почти все ученые того времени, поставившие своей задачей познание законов, по которым живет и развивается общество, понимали, что новая наука должна выработать и новые, адекватные её объекту и предмету методы. Еще в «досоциологическую» эпоху Кондорсе, например, считал, что методы естественных наук не годятся для изучения, как человека, так и общества.

Над проблемой методов социологического познания ломали голову практически все, кого я упоминал. Но, пожалуй, ближе всех к решению этой непростой задачи подошел Эмиль Дюркгейм. О его методе более подробно речь пойдет в следующей лекции. Здесь же отмечу, что Дюркгейм не только описал и обосновал правила «социологического метода», но и, в отличие от многих, применял их в практике своих исследований.

Тем не менее, при общей ориентации на эмпирическое познание общественного устройства, ни в 19-м, ни в начале XX века социология так и не стала в полной мере эмпирической наукой. На стадии её становления, в основном решались первоочередные теоретические задачи: формирование понятийного аппарата, выделение и обоснование исходных постулатов, не требующих доказательств (но требующих серьезного обоснования), определение предмета науки.

И даже если эти задачи не были решены полностью и окончательно, все равно этот этап был необходим и в целом его можно считать очень плодотворным и успешным. Фундамент этой науки был заложен предтечами ранней

и средней эпохи Просвещения. Здесь же были возведены первые этажи здания, и сделаны они были хорошо.

Литература

1. Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX века. Л., «Наука» Ленинградское отделение, 1978, — 416 с.
2. «Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии. Сборник научных докладов симпозиума, 13–14 октября 2011 г. М.: Институт социологии РАН, 2011, — 276 с.
3. Л. А. Беляева Эмпирическая социология в России и Восточной Европе. Учебное пособие. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004, — 408 с.
4. Э. Дюркгейм О разделении общественного труда. Метод социологии. М., «Наука», 1991.
5. Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М., Наука, 1986,
6. Краткий словарь по социологии. М., Политиздат, 1988
7. В. Ф. Чеснокова Язык социологии. Курс Лекций. М.: ОГИ, 2010, — 544 с.

Вопросы к семинару

1. Основные задачи периода становления социологии как самостоятельной науки.
2. Особенности различных направлений социологической мысли начального периода истории социологии.
3. В чем основные особенности российской социологии этого периода.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ: «МЕТОД СОЦИОЛОГИИ» ИЛИ ЧТО ЖЕ ИЗУЧАЕТ СОЦИОЛОГИЯ?

Идея общества и науки об обществе в первой трети XIX века — просто витала в воздухе. И поэтому, когда она была высказана Контом (как теперь сказали бы — артикулирована или озвучена), пришлось, что называется «ко двору». Чуть позже очень схожие идеи высказал англичанин Герберт Спенсер. По смыслу и духу очень близкие идеи буквально в это же время, развивали немецкие мыслители К. Маркс и Ф. Энгельс. Так что социология, именно как наука об обществе, не могла не состояться.

Ранние представления об объекте и предмете социологии

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что Конт выделил общество в качестве объекта социологии. Относительно предмета этой науки, т. е. того, что же она изучает, он практически не задумывался. *Предмет социологии* (по Конту) — *общество в его целостности, основу которой составляет всеобщее согласие*²⁹. Он считал, что социология — наука о наиболее общих законах появления, развития и умирания человеческих обществ.

Однако в XIX веке было много разных социологий. Каждый, работавший в этой сфере разрабатывал не только свои тематические области, но и свои методологические подходы, строил свои теоретические модели, в том числе и «обобщающие». К. Маркс, взяв за основу экономическую сущность человека и, соответственно, развитие разных способов производства, построил мощную концепцию общественно-экономических формаций. *Предмет марксистской социологии составляет общество как органическая система, которая через классовую борьбу и революции развивается в направлении целостности*. Г. Спенсер дал толчок эволюционной теории. В предисловии к «Происхождению видов» Дарвин упомянул Спенсера как одного из своих предшественников. Свои собственно социологические идеи Спенсер развивал как частный случай эволюционистской теории. Г. С. Батыгин и Д. Г. Подвойский отмечают, что «Спенсер не считал себя позитивистом и весьма критически относился к контовскому учению. Однако он разделял тезис об опыте как источнике научного знания, принял и неологизм

²⁹ Здесь и далее в этой лекции курсивом выделены определения предмета социологии из кн. Н. И. Лапин. Эмпирическая социология в западной Европе. Учебное пособие. Издательский дом ГУ ВШЭ, М.: 2004, с. 16–19;

«социология»³⁰. По Спенсеру, предмет социологии — общество как социальный организм, в котором дифференциация сочетается с интеграцией благодаря естественной эволюции его социальных институтов.

По Тённису, предмет социологии образуют все виды социальности, общности и общество; их основу составляет взаимодействие людей, движимых волей.

И в России идеи социологии нашли адекватную поддержку, и российские ученые, пытавшиеся понять, как устроено человеческое общежитие, не во всем были согласны с Контом. В частности, Петр Лавров не соглашался, когда его называли континистом и объяснял своим оппонентам, позицию, не совпадающую с контовской в важных моментах. В предмет социологии Лавров включал четыре элемента: 1) «животные общества», в которых вырабатывалось в достаточной степени индивидуальное сознание; 2) существующие формы человеческого общежития; 3) общественные идеалы, на основании которых человек надеется создать солидарное и справедливое общество; 4) практические задачи, вытекающие из стремления личности осуществить свои идеалы³¹.

Как видим, понятие предмета социологии социологи начального периода в основном подменяют понятием объекта этой науки. Спенсер выделяет социальные институты, Маркс неявно вводит классы (через классовую борьбу и революции). Пожалуй, лишь Эмиль Дюркгейм серьезно подошел к определению именно предмета социологии. В 1894 году он издал серию статей, посвященных этому вопросу, а в 1895 собрал эти статьи в книгу «Правила социологического метода»³².

Будучи блестящим оратором и полемистом, Дюркгейм крайне заострил этот вопрос. Ход его мысли был примерно таков. Во-первых, наук об обществе много. И вдруг появляется социология, заявляющая монопольные права на этот объект. Во-вторых, все другие науки, изучающие общество, обладают четко обозначенными предметами, они изучают не вообще общество, но совершенно определенные его стороны.

Предмет истории — общественные события и их герои. Предмет экономики — хозяйственная деятельность людей. К. Маркс уточняет: хозяйственная деятельность включает в себя: потребление, производство и обмен. Уже во времена Маркса экономика была развитой наукой, но какую бы ветвь экономики мы ни взяли — предмет этой науки остается неизменным.

Предмет демографии — движение населения: естественное (рождения, смерти, браки и разводы) и механическое.

Предмет этнографии — устройство быта разных народов.

Предмет юриспруденции — законы и системы законов.

А что же есть предмет социологии?

³⁰ Батыгин Г. С., Подвойский Д. Г. История социологии. Учебник. — М.: Издательский Дом «Высшее Образование и Наука», 2007, с. 102

³¹ Лавров П. Л. Философия и социология. Избр. произв. в 2-х т., т. 2, М., 1965, с. 639.

³² В русских переводах — «Метод социологии»

Что значит «наиболее общие законы появления, развития и умирания человеческих обществ?» Вывод Дюркгейма неутешителен: зачем плодить лишние сущности? Если у социологии нет своего собственного предмета, отличного от предметов других наук об обществе — значит, она не имеет никаких оснований именоваться самостоятельной наукой. Заострив, таким образом, вопрос, Дюркгейм затем делает «сенсационное» заявление: он утверждает, что у социологии есть собственный предмет, не повторяющий предметы других наук об обществе, и в качестве такового он называет **социальные факты**.

«...социальным фактом является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений»³³. Эта четкая формулировка все-таки требует разъяснения.

Когда каждый из нас был маленьким, нас учили есть, т. е. пользоваться ложкой, вилкой, ножом, салфеткой. Нас также учили не набивать пищевой полный рот и не разговаривать с пищей во рту. Моя мама, например, учила меня не облизовать тарелку, а взять кусочек хлеба на вилку и, если уж очень вкусный соус, то собрать его этим хлебом. Естественно, нас всему этому учили наши родители. А их кто учил? Правильно. Их родители. А их родителей кто этому учил? Верно, их родители. Таким образом, каждое поколение застает эти правила готовыми.

Конечно, зануда-историк может рассказать нам, что не всегда эти правила были такими. Он может рассказать, что исторически первым «столовым прибором» была рука, потом ей на помощь пришел нож. Ложка же появилась гораздо позже, а вилка, пожалуй, самый молодой в историческом плане столовый прибор. Тот же историк расскажет нам, что первым «кухонным» предметом была палка (вертел), потом её сменила сковорода или решетка, а вот котел и кастрюля появились гораздо позже и т. п. А тому столовому этикету, которому учили нас в детстве родители, всего-то примерно около 300–400 лет. И, тем не менее, он не зависит от нашего сознания, не нами он придуман и, стало быть, существует объективно.

Но, в чем принудительная сила этих правил (способов действия)? Это очень просто. Во-первых, если ребенок не следует урокам родителей, он может получить затрещину, может быть поставлен в угол или просто остаться без сладкого или вообще без обеда. Во-вторых, конечно, когда родителей нет рядом и все вышеназванное нам не грозит, мы можем есть не по правилам, а так, как нам больше нравится. Но... Однажды продемонстрировав среди «посторонних» незнание этих правил, мы можем оказаться в изоляции. Вот оно

³³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии, М.: Наука, 1990, с. 421.

принуждающее влияние такого простого социального факта, как правила приличия за столом.

Дюркгейм настаивает на том, что «социальные явления (факты) — суть вещи и о них нужно рассуждать как о вещах. Вещью же является все то, что дано, представлено или, точнее, навязано наблюдению. Рассуждать о явлениях как о вещах — значит рассуждать о них как о данных, составляющих отправной пункт науки. Социальные явления бесспорно обладают этим признаком»³⁴. И далее: «Действительно, вещь узнается главным образом по тому признаку, что она не может быть изменена простым актом воли. Это не значит, что она не подвержена никакому изменению. Но, чтобы произвести это изменение, недостаточно пожелать этого, надо приложить еще более или менее напряженное усилие из-за сопротивления, которое она оказывает и которое, к тому же, не всегда может быть побеждено»³⁵.

Здесь, пожалуй, стоит привести перечень правил, предлагаемых Дюркгеймом (по сути дела, это названия глав его «Метода социологии»):

- правила, относящиеся к наблюдению социальных фактов;
- правила, относящиеся к различению нормального и патологического;
- правила, относящиеся к построению социальных типов;
- правила, относящиеся к объяснению социальных фактов;
- правила, касающиеся доказательств.

С моей точки зрения, книга Э. Дюркгейма «Метод социологии» не потеряла своей актуальности и сегодня. Автор очень четок и последователен в изложении и аргументации своих идей. Заслуга его состоит в том, что он, пожалуй, глубже своих современников (да и многих потомков тоже) осознал и артикулировал важность вопроса о предмете науки. И, наконец, (хотя мы здесь пока и не говорили об этом) очень важная заслуга Дюркгейма в развитии (институционализации) социологии. Именно он открыл первый факультет социологии, где начал учить студентов социологии, как профессии.

Впрочем, Дюркгейму не удалось «поставить все точки над I» в вопросе о предмете социологии, но его усилиями сама эта проблема получила методологическое осмысление и, что более важно, — методологический статус. Более или менее четкое и внятное представление о предмете социологии сложилось уже после смерти Дюркгейма (по моей экспертной оценке) — примерно в 20-е годы XX века.

Современное представление о предмете социологии

И вот что интересно: О. Конт был совершенно прав в том, что предмет социологии является самым сложным из предметов других наук об обществе. Предмет истории можно выразить в двух словах: «события и герои», предмет экономи-

³⁴ Там же, с. 432

³⁵ Там же, с. 433

ки — в трех: «потребление, производство и обмен», предмет демографии — в двух: «движение населения». Для описания предмета социологии (в «окончательном» варианте) потребовалось значительно большее число слов. Более того, предмет социологии сам по себе представляет определенную структуру, в которую входит, по меньшей мере, четыре относительно автономных элемента.

Сначала перечислим их. Итак, что же изучает современная социология? Или, что является её предметом?

- человеческие общности (группы, слои, классы, нации и т. п.);
- социальные отношения;
- социальные институты;
- социальные процессы.

Эти элементы относительно автономны, но предмет социологии они составляют, взятые в неразрывном единстве.

Теперь рассмотрим каждый элемент по отдельности.

Общность — это совокупность людей, связанная сходством условий жизни, единством ценностей и норм, отношениями организации и осознанием идентичности (самопричислением)

Ни одна большая группа людей не бывает совершенно однородной. Впервые, люди делятся естественным путем на мужчин и женщин, на молодых, зрелых и пожилых, а также: на воинов, пастухов, монахов да, мало ли еще как. В любом обществе, начиная с глубокой древности, и до наших дней существуют определенные ритуалы, обозначающие переходы из одной группы (общности) в другую. Например, есть ритуалы, обозначающие переход из детства и юности во взрослое состояние (сегодня — это получение паспорта, например), есть ритуалы, обозначающие переход из взрослого состояния в старость (выход на пенсию).

Зададим любому человеку простой вопрос: «Кто ты?» и попросим при этом ответить на него коротко — одним, двумя или тремя словами, но не один раз, а раз 20. Двадцать самоопределений даст не каждый, хотя, наверняка, найдутся и такие, кто даст и более 20 ответов. Среди ответов с большой вероятностью будут такие: мужчина (или женщина), петербуржец, студент, сын, брат, друг, менеджер и т. п.³⁶. Заметим, что некоторые из этих ответов означают самопричисление себя к той или иной общности как говорят социологи — самоидентификацию). К этому примеру мы еще вернемся.

³⁶ Этот тест так и называется «Кто Я». Замечено, что ответы на него существенно различаются с возрастом. Маленькие дети в ответах чаще всего используют либо только прилагательные, либо существительные вместе с прилагательными. С возрастом количество прилагательных уменьшается, а число имен существительных не просто возрастает, но с определенной тенденцией. Эти существительные обозначают не только разные общности, но и конкретные социальные роли.

Представьте, что Вы едете в одном купе с незнакомым человеком. Ехать вам долго и сидеть рядом и играть в молчанку несколько суток как-то глупо. Естественно, Вы знакомитесь. В ходе знакомства выясняется, что человек этот ваш земляк, более того, в Вашем городе Вы живете с ним на соседних улицах. Уже на этом только основании, у вас уже есть, о чем поговорить; уже на этом основании возникает чувство общности. Дальше — больше, — выясняется, что он(а), как и Вы, тоже студент. И опять есть общие темы для разговора и снова возникает это чувство общности или самоидентификации. Надо же, не только земляк, но еще и брат-студент. А все потому, что налицо сходные условия жизни, сходные нормы и ценности. А если окажется к тому же, что и он учится на менеджера, как и вы, то говорить вам — не переговорить до самого места назначения.

Не будем здесь специально и подробно рассматривать вопрос о классификации или типологии социальных общностей, на эту тему много уже написано. Но именно социальные общности образуют «физическое тело» общества, с одной стороны, а, с другой, — это наиболее мобильный элемент общества (и предмета социологии). Общности рождаются и умирают, разделяются и объединяются. Еще в 50-е — 60-е годы одну из наиболее массовых общностей в Ленинграде образовывали чертежницы и светокопиральщицы (в городе было огромное количество НИИ и КБ, где эти профессии были востребованы). Нынче эта общность исчезла как класс, может быть, и остались где-нибудь отдельные экземпляры. В те же времена на многих промышленных предприятиях можно было встретить шорников и бондарей. Сегодня не в каждой студенческой группе найдется человек, который знает, кто такой шорник, и кто такой бондарь. И эти общности (профессии) стали реликтовыми.

Естественно, люди, которые принадлежали к этим общностям, никуда не делись, но теперь они принадлежат другим общностям. В то же время, во времена моей молодости не было таких профессий как риэлтер, мерчендайзер, маркетолог, программист и многих других. Они появились относительно недавно и образовали, таким образом, новые социальные общности.

Переход из одной такой общности в другую Питирим Сорокин называл горизонтальной мобильностью. Переход же из общности, находящейся на одной ступеньке социальной иерархии, в другую — выше или нижестоящую, П. Сорокин называл вертикальной мобильностью. Заговорив о мобильности, мы подошли к другому элементу предмета социологии — к социальным отношениям.

Социальные отношения — Это отношения между группами людей, которые занимают не одинаковое положение в обществе и принимают не одинаковое участие в экономической, политической и духовной жизни.

Можно сказать, что социальные отношения это отношения между разными общностями. Членов общности объединяют сходные условия и сходные

нормы и ценности. Поведение исполнителей определенных социальных ролей объединяют ролевые предписания и ролевые ожидания.

Конечно, социальные отношения не стоит путать с межличностными. Лично ко мне Вы можете относиться как угодно, я могу вам нравиться или совсем не нравиться, вы можете быть ко мне совершенно индифферентны. Но я стою на кафедре, а вы сидите в аудитории; я преподаватель, а вы студенты. Вы хорошо знаете, что от меня, как от преподавателя, можно и нужно ожидать, а чего нельзя (ролевые ожидания), а я знаю, на что я, как преподаватель, имею право, а на что — нет (ролевые предписания).

И, тем не менее, социальные отношения «пронизывают» каждого из нас. Вспомним тест «Кто Я». В этой жизни мы одновременно «исполняем» многие роли, каждая из которых предъявляет свои ролевые предписания. Но ролевые предписания разных ролей подчас вступают в жесточайший конфликт между собой, выходить из которого должен носитель этих ролей, т. е. человек. Подобные внутри-лично переживаемые социальные отношения подробно исследовал в своем творчестве блестящий французский драматург Жан Ануй. Именно об этом его пьеса «Антигона», об этом же и «Жаворонок» и многие другие.

Таким образом, социальные отношения могут быть описаны в терминах социальных ролей и социальных статусов. Социальные отношения менее подвижны, т. е. более инерционны, нежели общности. А в совокупности общности и сложившиеся между ними социальные отношения формируют социальную структуру общества, задают критерии для иерархизации статусов и престижей.

В то же время следует отметить, что само по себе понятие (слово) «отношение(я)» принадлежит в большей степени к психологическому синонимическому (антонимическому) ряду: симпатия, антипатия, любовь, ненависть, влюбленность и т. п. Все эти понятия характеризуют индивидуализированные (межличностные) отношения. Тогда как социальные отношения имеют скорее надличностный характер, абстрагированный от всего личностного. Недаром наиболее популярное среди бюрократов выражение, объясняющее природу тех или иных решений относительно той или иной персоны: «извини, брат, ничего личного».

Строго говоря, «социальные отношения» — это вовсе не отношения, но правила взаимодействия между: а) разными группами и б) между ролевыми позициями. Человек включается в эти взаимодействия (отношения) через самоидентификацию с теми или иными группами или социальными ролями. Здесь, действительно, нет ничего личного.

Итак, социальные отношения — это есть, прежде всего, взаимодействия между людьми, занимающими разные социальные позиции, обладающие разными социальными статусами. Именно эти взаимодействия (успешные или не успешные) определяют характер и/или тип социальных отношений.

Социальные институты — (от лат. *Institutum* — установление, учреждение) — исторически сложившиеся устойчивые формы организации совместной деятельности людей.

Это понятие имеет два значения, и оба они актуальны для социологии. В первом значении — это любые **учреждения** и организации; во втором — совокупность норм и правил (установление), регулирующих поведение людей.

В своем первом значении — социальные институты ключевое понятие социологии организаций. Во втором значении социальные институты можно рассматривать как кристаллизованные (застывшие) формы социальных отношений. Соответственно, институты (во втором значении) еще более инерционны, еще более устойчивы, нежели социальные общности или социальные отношения. Если учреждение может быть создано по воле людей, даже одного человека, то социальный институт, как совокупность норм, формируется во многом помимо сознания людей, естественным, эволюционным путем.

Здесь уместно привести небольшой отрывок из замечательной книги Валентины Федоровны Чесноковой: «...нормативная структура общества очень многослойна и сложна. Писанные законы и положения представляют собой лишь небольшую верхушку айсберга, а громадную подводную его часть образуют обычаи, т. е. порядки, нигде официально не зафиксированные, но очень эффективно действующие «под охраной» морального чувства и неформальных санкций. И эти обычаи — даже если они известны и выведены в сферу рационального мышления — весьма трудно изменить или отменить. Они настолько включены в повседневную жизнь, что составляют как бы ее привычную ткань. Поэтому Томас и Знанецкий в предисловии к своей работе утверждают, что, введя новые положения, законодатели предполагают, что жизнь теперь будет ориентироваться именно на них. Но жизнь ориентируется не только на эти положения, но еще и на массу старых, неучтенных или даже отмененных законодателем. Чтобы отменить обычаи, потребуются длительные и сложные усилия, поскольку люди почти бессознательно продолжают на него ориентироваться.

В 1920-е гг. в России большевики решили отменить обряд крещения, заменив крестины придуманным обрядом под названием «октябрины». Там были поздравления, застолье и вино, только не было таинства. А потому через какое-то время «октябрины» и некоторые другие советские празднества выродились в беспорядное пьянство»³⁷.

³⁷ Чеснокова В. Ф. Лекция 13 Говард Беккер. Социально-нормативные структуры и проблемы модернизации. Анализ аномии и способы её преодоления // Язык социологии. Курс лекций. М.: ОГИ, 2010, с. 359.

Социальные процессы — (от лат. *processus* — прохождение, продвижение) — *последовательная смена состояний или движение элементов социальной системы и ее подсистем, любого социального объекта.*

Следует различать **процессы функционирования**, обеспечивающие воспроизводство качественного состояния объекта (в нашем случае — общества), и **процессы развития**, обуславливающие переход объекта к качественно новому состоянию. А также — эволюционные, протекающие медленно и постепенно, и революционные, протекающие очень быстро, подобно взрыву. Однако, если говорить именно об обществе, то, как показывает история, для него революционные процессы опасны. Они дают старт эволюционным, непредвиденным и непредсказуемым процессам.

Относительно быстрые процессы возникают под влиянием развития техники или природных катаклизмов. В результате таких процессов изменяется состав общностей (групп, профессий, сфер занятости и т. п.). А вот становление социальных отношений и, тем более социальных институтов — это по преимуществу процессы эволюционные. Таким образом, определенная часть процессов касается самих по себе элементов предмета социологии. Но есть и собственно социальные процессы, такие как бюрократизация и формализация отношений, их милитаризация, коммерциализация и т. п. В течение XX века эти процессы активно развивались. Сюда же можно отнести и такой процесс, как старение общества, с одной стороны, а, с другой, его же — инфантилизация, т. е. увеличивающийся период «ребячества», социальной безответственности.

Резюме

Мы непременно еще отдельно обсудим вопрос о том, что такое общество, существует оно или его уже нет, как утверждают некоторые выдающиеся современные мыслители. Безусловно, то, что в обществе происходят многоплановые, многоуровневые изменения. Но также, безусловно, что и общности изменяются, но не исчезают. И между новыми общностями (хотя так ли уж они новы?) складываются социальные отношения, да и институты никуда не исчезают, просто меняют формы, функции. И пока мы не разрываем части единого предмета науки, мы остаемся в лоне социологии.

Похоже, прав был Дюркгейм, когда утверждал, что предметом социологии, отличным от предметов других наук об обществе, являются социальные факты. Любой из рассмотренных выше элементов, можно рассматривать именно в этом качестве, ибо каждый из них существует объективно, т. е. независимо от нашего сознания; и имеет принуждающее влияние. Так что идея Дюркгейма оказалась вполне плодотворной.

Что изучает социология спорта? Общности, которые порождает этот вид человеческого существования; возникающие между этими общностями со-

циальные отношения; «обслуживающие» их социальные институты и, наконец, происходящие здесь социальные процессы. И все это, — взятое в неразрывном единстве. Точно также можно ответить на вопрос о том, что изучает социология детства³⁸ и любая другая «частная» социологическая дисциплина.

И последнее замечание. Понятия объект и предмет актуальны не только для науки в целом, но также и для любого эмпирического исследования. Мне представляется, что выделенные выше элементы, если рассматривать их как целостность, в эмпирических исследованиях выполняют совершенно определенные функции (см. таблицу³⁹)

Элемент предмета социологии	Объект исследования	Предмет исследования
Общности	+	–
Социальные отношения	–	+
Социальные институты (учреждения)	+	–
Социальные институты (нормы и правила)	–	+
Социальные процессы	+	+

Понятно, что в конкретном исследовании не рассматриваются все общности, а лишь те, на которых более ярко и выпукло проявляются изучаемые социальные явления и процессы. Но, как правило, они (общности) выступают именно в качестве объекта исследования. Аналогично, вряд ли целесообразно в рамках одного исследования изучать все социальные отношения, но лишь те, на которых социолог акцентирует свое внимание, выступают в конкретном исследовании в качестве его предмета.

Литература

1. Батыгин Г. С., Подвойский Д. Г. История социологии. Учебник — М.: Издательский Дом «Высшее образование и Наука», 2007,

³⁸ Анализ кандидатских диссертаций, защищенных в 2000–2009 годах по проблемам социологии детства, например, приводит к выводу, что пока в России такой социологии просто нет, настолько разорванным предстает предмет этой социологической дисциплины. Центральные для этой тематики общности — дети и родители в диссертациях практически не представлены. Из 74 диссертаций 27 посвящены институтам, как учреждениям, 12 — проблемам работы с детьми-сиротами, 10 — проблемам детей с ограниченными возможностями, столько же — проблемам (процессам) социализации. В итоге около 70% диссертационных работ «закрывают» элемент — «социальные институты (учреждения), около 13% — «социальные процессы», а остальные 17% диссертаций вообще трудно поддаются предметной идентификации.

³⁹ Знак «+» означает, что данный элемент выполняет соответствующую роль в конкретном исследовании, знак «-», — что эта роль ему в эмпирическом исследовании не свойственна.

2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии, М.: Наука, 1990
3. «История теоретической социологии. Социология XIX века: от появления новой науки до предвестников её первого кризиса». Учебное пособие для вузов. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М. Академический проект; Гаудеамус; 2010. —370 с.
4. Лавров П. Л. Философия и социология. Избр. произв. в 2-х т., т. 2, М., 1965
5. Лапин Н. И. Предмет и методология социологии //Социологические исследования, 2002, № 8, с. 106–119
6. Лапин Н. И. Эмпирическая социология в Западной Европе. Учебное пособие. Издательский дом ГУ ВШЭ, М.: 2004.
7. Чеснокова В. Ф. Язык социологии. Курс лекций. М.: ОГИ, 2010, 544 с.

Вопросы к семинару

1. Сущность вклада Э. Дюркгейма в развитие социологии как науки
2. Понятия объекта и предмета науки, их соотношение
3. Как менялись представления о предмете социологии, основные тенденции
4. Структура предмета социологической науки.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ: АМЕРИКАНСКИЙ ПЕРИОД — ЗАВЕРШЕНИЕ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИИ

Вежа, определившая переход к новому этапу в развитии социологии — неопозитивизм, — имеет еще европейское происхождение. Имя этой вежи — «Венский кружок»⁴⁰. Однако, лидеры этого нового направления в конце

⁴⁰ Венский кружок — группа, явившаяся идейным и организационным ядром движения логического позитивизма. Венский кружок возник на основе семинара, организованного в 1922 М. Шликом при кафедре философии индуктивных наук Венского университета. Венский кружок объединил ряд молодых ученых, представителей точных наук, интересовавшихся вопросами философии науки и скептически относившихся к возможностям традиционной философии в исследовании этой проблематики. Выдвигавшаяся ими программа развития «научной философии» получила, однако, узкосциентистскую (см. Сциентизм) и позитивистскую направленность. В Венский кружок входили: Р. Карнап (с 1926), Ф. Вайсман, Г. Фейгль, О. Нейрат. Г. Ган, В. Крафт, Ф. Кауфман, К. Гедель и др. С Венским кружком сотрудничали Ф. Франк (Чехословакия), Э. Кайла (Финляндия), А. Бламберг, Э. Найгель (США), И. Йоргенсен (Дания), А. Айер (Великобритания) и др. На формирование идейных установок Венского кружка значительное воздействие оказал махизм, пользовавшийся большим влиянием в Венском университете, с его эмпиризмом и негативным отношением к традиционной «метафизике». Восприняв узкий эмпиризм и феноменализм махизма в интерпретации научного познания, участники Венского кружка в то же время восприняли и основные установки философии логического анализа, гл. о. через ряд идей (Логико-философского трактата) Л. Витгенштейна — прежде всего идею о значении логического анализа языка для философии науки на основе использования средств и понятий математической логики, воплотившуюся в концепции сведения философии науки к логическому анализу языка науки, учение об аналитическом характере логики и математики, которое, по их мнению, давало возможность применить им гносеологию «радикального эмпиризма», нашедшую свое выражение в концепции сводимости всего языка науки к выражению «непосредственно данного» в т. н. протокольных предложениях, с признанием особого статуса аналитичности (см. Аналитические суждения), логико-математических утверждений, критику традиционной философии не просто как неправильной или неэффективной, но как вообще лишенной познавательного значения «метафизики». Синтез позитивизма махистского толка с установками философии логического анализа привел участников Венского кружка к формированию исходных положений логического позитивизма, которые в наиболее последовательной и радикальной форме пропагандиро-

20-х — начале 30-х годов по разным причинам были вынуждены эмигрировать из Европы (по преимуществу — в Америку).

Социально-политические предпосылки

Вместо предисловия к этой лекции, стоит сделать краткий обзор общественно-политического состояния мира на рубеже XIX и XX веков.

Этот период характеризуются укреплением капитализма, переделом зон экономического влияния (раздел колоний), началом национально-освободительных движений в колониях и классовых битв внутри развитых капиталистических стран. Эти тенденции хорошо представлены в синхронистической таблице, охватывающей период с 1899 по 1917 гг.⁴¹. Начинается таблица с Англо-бурской войны, следующее важное событие — Мировой экономический кризис 1900–1903 гг.; апрель 1902 года — всеобщая политическая стачка рабочих в Бельгии. Волна таких стачек не прекращалась в странах Европы до начала Первой мировой войны. На этом фоне первая русская революция 1905–1907 годов была лишь частным историческим эпизодом.

Вроде бы подтверждался тезис Маркса об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса. В это время Америка выглядела более благополучной и многообещающей, дающей надежды на быстрое обогащение (нефтяной бум, «золотая лихорадка» и т. п.). Все это вызвало мощную волну эмиграции из Европы. Революция и, последовавшая за ней Гражданская война в России, дали прилив этой волне. Люди бежали из России в Европу, но многие здесь не задерживались и двигались дальше за «лучшей жизнью» — в Америку, прежде всего в США. И Мировая война, и русские революции сдвинули с насиженных мест не только рабочих и крестьян, но и значительные массы интеллигенции. Это массовое эмиграционное движение интеллигенции из

вались именно в период деятельности Венского кружка. В 1929 Карнап, Ган и Нейрат опубликовали манифест «Научное миропонимание. Венский кружок». В это же время происходит окончательное организационное оформление Венского кружка и устанавливаются международные связи с близкими по духу группами (помимо тех контактов, которые уже в 1920-х гг. Венский кружок имел с группой Х. Рейхенбаха в Берлине). С 1930 Венский кружок издает совместно с группой Рейхенбаха журнал «Erkenntnis» («Познание»), пропагандирующий идеи логического позитивизма. К концу 1930-х гг. в связи с гибелью Шлика, отъездом ряда деятелей Венского кружка из Вены и, наконец, захватом Австрии нацистской Германией Венский кружок прекратил свое существование. Непосредственным преемником Венского кружка стало движение логического эмпиризма в США, возглавлявшееся видными участниками Венского кружка». (В. С. Швырев Новая философская энциклопедия, 2003 г.)

⁴¹ История СССР. Первая серия, тома I–VI, с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции. М., «Наука», 1968, с. 813–825.

Европы получило дополнительный стимул с установлением в Германии фашистского режима.

В результате США действительно стали плавильным котлом, в котором переплавились многие культуры. И сегодня для американцев не так важна их этническая принадлежность, они — американцы⁴². Конечно, американские ирландцы, итальянцы не забывают своего происхождения, но, прежде всего, они — американцы. Правда, для того, чтобы прийти к этому результату, американцам понадобилось осознание тех проблем, с которыми сталкиваются люди, приехавшие сюда за счастьем, исследовать механизмы адаптации к такому смешению культур. Именно этим вопросам и было посвящено, ставшее классикой современной социологии, исследование У. Томаса и Ф. Знанецкого⁴³ «Польский крестьянин в Европе и в Америке».

Кстати, и У. Томас, и Ф. Знанецкий принадлежали к известной Чикагской школе. Но первая социологическая школа — Франкфутская школа — (не как образовательное учреждение, но как объединение социологов-единомышленников) возникла еще в Европе. И практически в полном составе перебралась в начале 30-х годов в Америку. Известна также и Колумбийская социологическая школа, одним из основателей которой также является европеец — российский социолог Питирим Сорокин. Таким образом, американская социология во многом обязана Европе, прежде всего, концентрации европейского интеллектуального потенциала на американском континенте.

Временные границы этого периода разные ученые определяют по-разному. Но чаще всего начало его относят к концу XIX века, а окончание — к концу 60-х годов века двадцатого. Т. е. по продолжительности он вполне сопоставим с начальным периодом становления социологии как науки.

Основное содержание этого исторического этапа, на мой взгляд, состоит, во-первых, в том, что здесь произошло разделение социологического труда на четкие области: теоретическую, методологическую, методическую, исследования конкретных социальных явлений и процессов. И, наконец, как отдельная сфера выделилась социальная работа, включающая в себя такие аспекты социальной жизни, как трудоустройство (подбор и расстановка кадров), помощь в социальной адаптации, помощь при разрешении конфликтов и т. п. Во-вторых, именно в этот период завершилось организационное оформление социологии (институционализация, т. е. «обрастание» широкой сетью социальных институтов). Социология утвердилась как профессия, возникли исследовательские центры (институты), сформировались научные социоло-

⁴² Напомню старый анекдот советских времен. Встретились государственный секретарь США Киссинджер и советский журналист-международник В. Зорин. Киссинджер спрашивает, скажите, Валентин, правда, что вы еврей? Нет-нет, — отвечает Зорин, — я русский. Ну да, — отвечает Киссинджер, — а я — американский.

⁴³ Флориан Знанецкий (1882–1958), — американский социолог, этнический поляк.

гические школы («незримые колледжи») выстроилась система социологического образования, возникли общественные организации и союзы, такие, например, как Американская социологическая ассоциация (ASA — 1905), а затем (14 октября 1948 в Париже под эгидой ЮНЕСКО) и Международная социологическая ассоциация (ISA).

Теоретическая социология американского периода

Американцы оказались способными и самостоятельными учениками, проявившими большие творческие способности. Толкотт Парсонс, оттолкнувшись от идей М. Вебера, не только разработал свою теорию социального действия, но пошел значительно дальше — и стал родоначальником целого направления в современной социологии, которое остается актуальным и до сих пор, — структурно-функциональной теории общества. В этой теории учен и опыт Эмиля Дюркгейма.

Замечу, что теоретические изыскания Т. Парсонса были восприняты не только его современниками, как претензия на построение общей социологической теории, вполне конкурентноспособной с теорией Маркса. В это же время формировались и «частные» социологические теории: социология города (Р. Парк, Э. Берджес, Л. Вирт и др.) социология организаций (Ф. Тейлор, Э. Мэйо, Г. Саймон, А. Этzioni и др.), экономическая социология (Т. Парсонс, Н. Смелсер, Л. Туроу, Р. Робинсон и др.). Эти теории развивались вполне самостоятельно и независимо друг от друга. Теоретическое обоснование правомерности и необходимости «частных социологических теорий» было осуществлено учеником П. Сорокина и Т. Парсонса — Робертом Мертоном (1910–2003). Именно он ввел само понятие «частные социологические теории или «теории среднего уровня».

Теоретические изыскания не ограничивались этим: Льюис Козер занимался разработкой теории конфликта. Весьма заметной для этого периода была и теория обмена (Дж. Каспар Хоманс — 1910–1989). Теорию элит связывают с именем Чарльза Райта Миллса. И, конечно же, нельзя обойти вниманием чрезвычайно популярную до сих пор теорию символического интеракционизма Дж. Герберта Мидса.

Следует особо отметить одну важную особенность рассматриваемого периода истории социологии — преемственность. Прагматичные американцы, во-первых, увидели в социологии не только чисто теоретический (познавательный), но и практический резон. Они не стали изобретать «свой велосипед». Парсонс, как уже было сказано, не только воспринял идеи М. Вебера, но творчески развил и расширил концепцию социального действия. В результате пришел к идее общества, как системы. Теории конфликта и обмена не противоречат теории социального действия, но развивают анализ существенных свойств последнего — противоречия (конфликты) и взаимодополнения (обмен), возникающие между действующими субъектами. Ллойд Уорен, раз-

вивая представления Маркса и Вебера о классовой структуре общества, исследует природу и механизмы формирования классов (знаменитый проект «Янки-сити»). Эти примеры можно продолжать и продолжать.

Заметную роль в американской социологии этого периода, особенно во время и после Второй мировой войны, играл и неомарксизм Франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм) с его установкой на отрицание позитивизма с его размежеванием ценностей и фактов (в Дюркгеймовском смысле); ориентацией на гуманизм, на освобождение человека от всех форм эксплуатации, с акцентом на значимости человеческого начала в социальных отношениях и общей критикой капиталистического общества.

Становление эмпирических исследований, разработка методического арсенала социологии

Конечно, было бы неправильно считать, что интерес к осмыслению и изучению природы общества, был механически «завезен» в Америку из Европы. Научные идеи витают в воздухе и независимо зарождаются в головах разных людей. Но массовая эмиграция из Европы дала мощную подпитку и новый импульс американской науке об обществе. Внимательный взгляд на историю собственно американской социологии показывает, что этот интерес начинается значительно раньше⁴⁴.

Б. З. Докторов выделяет три этапа зондирования общественного мнения в Америке.

«Первый этап: 1789–1824 годы ... Проведение первых соломенных опросов⁴⁵».

Второй этап: 1825–1936 годы. Проведение соломенных опросов электората. Внутри этого этапа выделяются два периода. Первый, продолжительностью почти сто лет, — это эпизодические соломенные опросы, проводившиеся по небольшим выборкам. Начало второго периода датируется 1916 годом, когда журнал «The Literari Digest» приступил к своим грандиозным электоральным опросам.

Третий этап: с осени 1936 года по настоящее время. По ряду параметров третий этап не однороден, но в целом критериальные переменные, характе-

⁴⁴ Такой внимательный взгляд на историю американской социологии обратил наш соотечественник, мой коллега и друг, Борис Зусманович Докторов, который к сегодняшнему дню издал уже несколько монографий на эту тему. См., в частности, Докторов Б. З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. — М.: ЦСП, 2005. — 488 с.

⁴⁵ Термин «соломенные опросы» (straw potts) восходит к английскому юристу Джону Селдену (1584–1654). В его основе лежит метафора, образное выражение Селдена: «Возьмите солому и подбросьте её в воздух — вы сможете увидеть, куда дует ветер».

ризирующие его главные тенденции, развивались и продолжают развиваться монотонно, однонаправлено»⁴⁶.

И хотя изучение общественного мнения имеет косвенное отношение к социологической науке как таковой, история этого направления, во-первых, весьма поучительна и, во-вторых, очень характерна именно для американского, прагматически ориентированного менталитета. Изучение этого общественного феномена, как убедительно показывает Б. Докторов, во многом способствовало осмыслению и совершенствованию методологии, методики и техники массовых опросов, которые на долгое время стали самым распространенным способом получения **эмпирической социологической** информации.

Книги Б. Докторова можно сравнить с большим, густонаселенным городом. Уникальность этого города в том, что он населен выдающимися учеными и исследователями, представляющими разные области знания. Это, в первую очередь, конечно же, создатели и исследователи рекламного дела и общественного мнения (Ф. Барнаум, Ф. У. Эр, Б. Бартон, Дж. У. Томпсон, А. Ласкер и др.). Но не только. Это и психологи (Х. Гейл, Г. Адамс, Дж. М. Кеттел, Дж. Уотсон и др.), и журналисты (У. Липпман, Л. Стеффенс, У. Вильямс), и математики (например, Ч. Э. Спирмен).

Особое место не только в изучении общественного мнения (и в книге Докторова, и в истории социологии), естественно, занимает фигура Джорджа Гэллапа. Именно Гэллап обратил внимание на огромное значение правильной организации выборки, на правила формулировки вопросов, на проблемы измерения установок и на другие методологические и методические проблемы исследований общества.

Здесь уместно привести одно из тонких и точных методических замечаний Дж. Гэллапа: «Вопрос стоял так: что люди читают? Если их спросить об этом, они назовут то, что представляет их в хорошем свете: редакционные материалы и американские новости, но никогда — комиксы или статьи о спорте. Но если вы предъявите им газету и попросите сконцентрироваться на том, что они действительно читали, — «что именно я читал на этой странице?» — они не будут думать о том, какое впечатление они должны произвести»⁴⁷.

Непревзойденным мастером измерения в социологии зарекомендовал себя Поль Лазарсфельд (1901–1976)⁴⁸, который разрабатывал качественные и количественные методы в социологии и требовал единства количественных и качественных методов, чтобы не разделять теорию и практику.

Г. Блейлок, Е. Нортроп и другие американские методологи, работавшие в русле позитивистской ориентации, считая принципиально важной теорети-

⁴⁶ Названное издание, с 71.

⁴⁷ Цитировано по Докторов Б. З. Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. — М.: ЦСП, 2008. — с. 347.

⁴⁸ См. Батыгин Г. С. Ремесло Пауля Лазарсфельда. Введение в научную биографию. //Социологический журнал, 2003, № 3, с. 115–131.

ческую работу, разрабатывали проблему перехода от теоретического языка исследования к эмпирическому. С точки зрения Г. Блейлока, например, кроме собственно содержательных социологических теорий, необходимы некоторые вспомогательные теории, без которых измерение в социологии оказывалось весьма проблематичным.

Развитие эмпирической социологии в США было связано, с одной стороны, с назревшей потребностью дальнейшего развития самой социологической науки, прежде всего со стремлением преодолеть господствовавшую до сих пор европейскую традицию рассматривать социологию как философию истории с ее абстрактно-теоретическими рассуждениями, не подкрепленными изучением социальных фактов; а, с другой стороны, и, прежде всего, с потребностью быстро развивавшегося индустриального общества в конкретных исследованиях и практическом решении многочисленных новых и обостряющихся старых социальных проблем.

Социологическое образование в США

Социология в США сразу получила доступ на университетские кафедры. Первая кафедра социологии появилась в Чикагском университете в 1892 г. К тому же стоит отметить и существенные различия в системах европейского и американского университетского образования. В американской, в частности, — сильна ориентация на практическую (том числе, и на социальную) работу. Эта ориентация диктует необходимость обширного корпуса учебной и учебно-методической литературы. И если европейские социологи публиковали преимущественно свои собственные научные труды и европейские студенты учились и учатся по «первоисточникам», то среди американских социологов и университетских преподавателей нашлись и те, кто (может быть, в ущерб своим собственным научным, исследовательским устремлениям) занимался созданием учебников.

Американские учебники по социологии четко специализированы и охватывают все аспекты социологической деятельности: теоретической, методологической, методической, организационной и, конечно же, приемы и практика социальной работы.

Статистика 1970-х годов фиксировала в США более 300 университетов (как государственных, так и частных), где существовали факультеты или кафедры социологии. Ежегодно эти факультеты выпускали от тысячи до 3 тысяч дипломированных социологов. Интересно распределение этих выпускников по различным отраслям социологии. Примерно, 1,5–2% оставались при университетах и занимались теоретической социологией (сначала, как аспиранты); порядка 3,5–5% также продолжали повышение своей квалификации при университетах и специализировались на методологии и методике социологических исследований; порядка 30% были заняты в различных фирмах и государственных учреждениях проведением, прагматически ори-

ентированных эмпирических исследований; остальные (а это подавляющее большинство — почти 60%) были заняты в сфере менеджмента, маркетинга и социальной работы.

Накануне кризиса

50-е — 60-е годы XX века оказались также достаточно «прорывными», особенно в области новых теоретических построений. На первые роли в американской социологии в это время вышли такие мыслители, как Джон Гэлбрейт, Дэниел Белл, Герберт Маркузе, Гарольд Гарфинкель и др.

Лицо капитализма после второй мировой войны заметно изменилось. Во-первых, похоже, надолго стабилизировалась экономическая ситуация: заметно поутихла и классовая борьба; ослабли расовые напряжения. Стало очевидно, что как долгосрочный прогноз, марксова концепция оказалась несостоятельной.

Основной тематикой работ Д. Гэлбрейта была послевоенная трансформация капиталистической экономики. «Одна из наиболее примечательных черт современной экономической жизни, — писал он, — связана с оценкой совершающихся в ней перемен». Гэлбрейт в значительной степени творчески использовал идеи о трансформации капиталистической экономики, выдвигавшиеся со времен Веблена, добавляя и свои оригинальные положения. В 1960-е гг. в институционалистских теориях появилась трактовка научно-технической революции середины XX в. как второго «промышленного переворота». Был сделан вывод о том, что «промышленный переворот» конца XVIII — первой половины XIX в. завершил переход от феодализма к капитализму, а теперь научно-техническая революция 1950–1960-х гг. является основой перехода от капитализма к новому, «индустриальному обществу» с новыми социально-экономическими отношениями.

С другой — идеологической — стороны к оценке социально-политической ситуации подошел Дэниел Белл. Первая крупная публикация Белла — книга «Конец идеологии» (The End of Ideology, 1960) — создала ему репутацию одного из ведущих американских теоретиков в области социальных и политических наук.

Наряду с Артуром Шлезингером-младшим Белл возглавил так называемую «школу консенсуса» — либерально-центристское течение, доминировавшее в интеллектуальной жизни Америки 1950-х годов. Ключевым тезисом этой школы стало утверждение об исчерпанности традиционных политических идеологий. Коммунизму, фашизму и другим «программным» идеологиям Белл противопоставил либеральную приверженность умеренному социальному реформизму, свободному рынку и индивидуальным гражданским свободам. В отличие от либеральных теоретиков националистического склада или неоконсерваторов, Белл не стремился преувеличивать степень куль-

турной однородности американского общества или распространенности ценностей среднего класса.

Герберт Маркузе (1898–1979) высказал целый ряд культурологических идей, которые перекликались с идеями Фрейда и Ницше. Его взгляды на культуру весьма специфичны. Он разработал понятия аффирмативной культуры и аффирмативного искусства. По его мнению, культура амбивалентна, т. е. обладает одновременно как позитивной, так и негативной значимостью: с одной стороны, она служит выражением сопротивления личности бесчеловечной реальности, с другой, — узаконивает противоречие между человеческой потребностью счастья в реальной жизни и ее иллюзорным удовлетворением в искусстве.

Концепции Маркузе пользовались популярностью в 60-е гг. среди «новых левых», которые считали своей целью «тоталитарную революционную войну» против «позднекапиталистического общества», его «репрессивной культуры» и его авторитарной личности. Однако Маркузе отошел от экстремизма «новых левых» и внес существенные поправки в свои концепции. Названия основных его работ этого периода говорят сами за себя: «Разум и революция» (1941); «Эрос и цивилизация» (1955); «Одномерный человек» (1964).

В 60-е годы оказались востребованными и теоретические разработки 30-х годов Альфреда Шюца, разработавшего своеобразную разновидность «понимающей» социологии, направленной против позитивизма, по мнению Шюца, искажающего природу социальных явлений (его основной труд — «Феноменология социального мира» (1932). Каждый человек, по А. Шюцу, имеет уникальную биографию и поэтому воспринимает мир по-своему. Только благодаря воспитанию и обучению в семье и школе, накоплению собственного опыта взаимодействия с окружающими нас людьми мы в состоянии приобщиться к этому миру, что позволяет нам ставить перед собой реальные цели и достигать их. Он считал, что феноменологии нет дела до самих объектов; ее интересуют их значения (смыслы), сконструированные деятельностью нашего разума. Главная методологическая задача социологии — открытие общих, типических форм, принципов и организации повседневной жизни, поскольку обыденный мир — «высшая реальность», где человеческая субъективность воплощается наиболее последовательно и полно. Таким образом, наиболее ценной и специфической стороной феноменологической социологии А. Шюца явилось учение о познании социальной реальности через анализ обыденного, повседневного знания и деятельности.

К феноменологической социологии непосредственно примыкает и даже рассматривается как ее разновидность — этнометодология. Ее основоположник — Гарольд Гарфинкель (1917 г. р.) — американский социолог, опубликовавший в 1967 г. «Исследования по этнометодологии».

Этнометодология — это сложившееся в 70-х годах социологическое направление, суть которого в выработке методов превращения повседневных

действий людей в очевидно разумные и практически объяснимые на основе использования методов этнографии и социальной антропологии. Если у А. Шюца аналогичная проблема разрабатывалась главным образом, в общем, абстрактно-спекулятивном плане, то Г. Гарфинкель сосредоточивает свои усилия на эмпирических исследованиях уникальных, единичных и локальных актов социального взаимодействия как речевой коммуникации. Главное в этнометодологии — это изучение обыденных норм, правил поведения, смыслов языка общения, которые регулируют взаимоотношения между людьми, исследование процедур интерпретаций и скрытых, неосознаваемых механизмов межличностных взаимодействий.

Этнометодология принципиально отрицает существование общества как объективной реальности, сводя его к объясняющей (интерпретирующей) деятельности людей. В связи с этим отвергается и возможность получения объективного научного знания об обществе, поскольку любое знание производно от повседневного общения. Всякий социальный факт феноменолог сводит, в сущности, к его интерпретации. Г. Гарфинкель подвергает острой критике методологию традиционной социологии за искусственное наложение готовых схем и норм на реальное человеческое поведение. С его позиции, задача социологии состоит в выяснении имманентной рациональности обыденной жизни, которая противопоставляется им научной рациональности, как основанной на понятиях и теориях наблюдателя, а не действующего лица. Он даже считал, что, поскольку люди придают значение действиям других и претендуют на их понимание, все они как бы выступают в качестве социологов — практических теоретиков.

По сути дела, концепции А. Шюца и Г. Гарфинкеля достаточно четко обозначили отход от классической социологии и окончание эпохи модерна. В определенном смысле, они стали основой, так называемого постмодернизма. Но, всякая новая идея требует некоторого времени для её усвоения; выдерживает определенный этап неприятия и противостояния. Поэтому концепции названных авторов, вне зависимости от того, как мы их оцениваем, не могли рассчитывать на быструю победу. Однако они внесли заметный вклад в расшатывание позиций классической социологии.

Литература

1. Докторов Б. З. Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. — М.: ЦСП, 2008.
2. Докторов Б. З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. — М.: ЦСП, 2005. — 488 с.
3. Батыгин Г. С. Ремесло Пауля Лазарсфельда. Введение в научную биографию. //Социологический журнал, 2003, № 3, с. 115–131.
4. История СССР. Первая серия, тома I–VI, с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции. М., «Наука», 1968, с. 813–825.

Вопросы к семинару

1. Причины перемещения центра социологической мысли на рубеже XIX–XX веков в Америку
2. «Разделение труда» в социологии: основные виды деятельности социологов.
3. Смысл и значение социологических теорий среднего уровня.
4. Основные направления и результаты методологических и методических изысканий этого периода.
5. Причины и смысл теоретической активности американских социологов в 60-е годы

Приложение 1.

Хронология Американской социологической ассоциации (ASA)

The following persons have been president of the American Sociological Association:

Lester F. Ward 1906–1907	Henry P. Fairchild 1936
William G. Sumner 1908–1909	Ellsworth Faris 1937
Franklin H. Giddings 1910–1911	Frank H. Hankins 1938
Albion Woodbury Small 1912–1913	Edwin Sutherland 1939
Edward A. Ross 1914–1915	Robert M. Maclver 1940
George E. Vincent 1916	Stuart A. Queen 1941
George E. Howard 1917	Dwight Sanderson 1942
Charles Cooley 1918	George A. Lundberg 1943
Frank W. Blackmar 1919	Rupert B. Vance 1944
James Q. Dealey 1920	Kimball Young 1945
Edward C. Hayes 1921	Carl C. Taylor 1946
James P. Lichtenberger 1922	Louis Wirth 1947
Ulysses G. Weatherly 1923	E. Franklin Frazier 1948
Charles A. Ellwood 1924	Talcott Parsons 1949
Robert E. Park 1925	Leonard S. Cottrell, Jr. 1950
John L. Gillin 1926	Robert C. Angell 1951
W. I. Thomas 1927	Dorothy Swaine Thomas 1952
John M. Gillette 1928	Samuel A. Stouffer 1953
William F. Ogburn 1929	Florian Znaniecki 1954
Howard W. Odum 1930	Donald Young 1955
Emory S. Bogardus 1931	Herbert Blumer 1956
Luther L. Bernard 1932	Robert K. Merton 1957
Edward B. Reuter 1933	Robin M. Williams, Jr. 1958
Ernest W. Burgess 1934	Kingsley Davis 1959
F. Stuart Chapin 1935	Howard P. Becker 1960 (died in office)
	Robert E. L. Faris 1961
	Paul Lazarsfeld 1962

- Everett C. Hughes 1963
George C. Homans 1964
Pitirim A. Sorokin 1965
Wilbert E. Moore 1966
Charles P. Loomis 1967
Philip M. Hauser 1968
Arnold M. Rose 1969 (died in office)
Ralph Turner 1969
Reinhard Bendix 1970
William H. Sewell 1971
William J. Goode 1972
Mirra Komarovsky 1973
Peter M. Blau 1974
Lewis A. Coser 1975
Alfred McClung Lee 1976
John Milton Yinger 1977
Amos H. Hawley 1978
Hubert M. Blalock, Jr. 1979
Peter H. Rossi 1980
William Foote Whyte 1981
Erving Goffman 1982
Alice S. Rossi 1983
James F. Short, Jr. 1984
Kai T. Erikson 1985
Matilda White Riley 1986
Melvin L. Kohn 1987
- Herbert J. Gans 1988
Joan Huber 1989
William Julius Wilson 1990
Stanley Lieberson 1991
James S. Coleman 1992
Seymour Martin Lipset 1993
William A. Gamson 1994
Amitai Etzioni 1995
Maureen T. Hallinan 1996
Neil Smelser 1997
Jill Quadagno 1998
Alejandro Portes 1999
Joe R. Feagin 2000
Douglas S. Massey 2001
Barbara F. Reskin 2002
William T. Bielby 2003
Michael Burawoy 2004
Troy Duster 2005
Cynthia Fuchs Epstein 2006
Frances Fox Piven 2007
Arne L. Kalleberg 2008
Patricia Hill Collins 2009
Evelyn Nakano Glenn 2010
Randall Collins 2011
Erik Olin Wright 2012
Cecilia L. Ridgeway 2013

Приложение 2

Конгрессы Международной Социологической Ассоциации (ISA)

Год	Дата	Место	Тема конгресса	Президент
1950	–	Швейцария, Цюрих	Социологические исследования в их влиянии на международные отношения	1949–52 Луис Вирт (США)
1953	–	Бельгия, Льеж	Социальное расслоение и социальная мобильность	1953–56 Robert C. Энджел
1956	22–29.08	Нидерланды, Амстердам	Проблемы социальных изменений в XX веке	1956–59 Жорж Фридман (Франция)
1959	08–15.09	Италия, Стреза	Общества и социологическое знание	1959–62 Томас Маршалл (Англия)
1962	02–08.09	США, Вашингтон	Социологии развития, Характер и проблемы социологической теории	1962–66 Ren K nig (Германия)
1966	04–11.09	Франция, Эвиан	Единство и многообразие в социологии	1966–70 Ян Szczepanski (Польша)
1970	14–19.09	Болгария, Варна	Современное и будущее общества: прогноз и социальное планирование	1970–74 Рувим Хилл
1974	19–23.08	Канада, Торонто	Наука и революция в современном обществе	1974–78 Томас Bottomore (Англия)
1978	14–19.08	Швеция, Уппсала	Пути социального развития	1978–82 Ulf Himmelstrand (Норвегия)
1982	16–21.08	Мексика, Мехико	Социологические теории и социальные практики	1982–86 Ф. Энрике Кардозо (Бразилия)
1986	18–22.08	Индия, Нью Дели	Социальных перемен: проблемы и перспективы	1986–90 Маргарет Арчер (Англия)
1990	09–13.07	Испания, Мадрид	Социология для одного мира: единство и разнообразие	1990–94 Т. К. Oommen (Индия)
1994	18–22.07	Германия, Биллефельд	Розыгрыш границы и перемещение, солидарность	1994–98 Wallerstein I. (США)

1998	26.08–01.09	Канада, Монреаль	Социальное знание: опыт, проблемы, перспективы	1998–2002 Альберто Мартинелли (Италия)
2002	07–13.07	Австралия, Брисбен	Социальный мир в XXI веке: амбивалентное наследие и рост проблем	2002–06 Petr Sztompka (Польша)
2006	23–29.07	Южная Африка, Дурбан	Качество социального существования в глобализирующемся мире	2006–10 Мишель Веворка (Франция)
2010	14–17.07	Швеция, Гётеборг	Социология на ходу	2010–14 Майкл Буравой (США)
2014	13–19.07	Япония, Иокогама		

ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ В ЕВРОПУ. ПЕРВЫЙ КРИЗИС

В начале второй половины XX века центр социологической мысли «вернулся» в Европу. «Характерно, что теория <социологическая> после долгого путешествия по Северной Америке, — пишет профессор Ягелонского университета Петр Штомпка, — вернулась в свою колыбель, в Европу. Именно в Британии, Франции, Германии уделяется сейчас наибольшее внимание теоретической работе. По свидетельству Нейла Смелзера, «за последние 50 лет центр тяжести общей теоретической мысли фактически переместился из США в Европу, и это перемещение обозначено трудами таких исследователей, как Аллен Турен, Пьер Бурдьё, Юрген Хабермас, Никлас Луман и Энтони Гидденс. Многие современные теоретические разработки в США возникли под влиянием этих социологов на преподавателей и выпускников университетов»⁴⁹. Как видим, это не означает, что американские социологи «отошли на второй план», но все-таки основные события этого периода в плане социологической теории происходили именно в Европе. Европейской социологии досталось тяжелое «наследство». Основным перипетиям и достижениям этого периода (1960–1990-е гг.) и посвящена эта лекция⁵⁰.

Социология, как самостоятельная наука зарождалась как проект Просвещения, ориентированный на разумное преобразование общества. Предтечи современной социологии — социалисты утописты — были сосредоточены на том, каким **должно быть** разумно организованное общество. Естественно, социологический взгляд на существующее общество был критическим. Уже на первых стадиях развития науки об обществе в ней достаточно отчетливо определились два принципиальных направления: одно, наиболее ярко и по-

⁴⁹ Штомпка Петр, Теоретическая социология и социологическое воображение. //Социологический журнал, 2001, № 1, с. 151.

⁵⁰ Конечно, в одной лекции вряд ли можно дать подробный обзор этого непростого периода. Остановимся лишь на самых ярких фигурах и течениях европейской социологической мысли. Естественно, я постараюсь воздержаться от прямых оценок, но, как всякому человеку и всякому ученому, мне никуда не деться от субъективизма. Поэтому буду выделять те аспекты в деятельности «героев» этого периода, которые близки мне, как социологу. Впасть в сугубый объективизм, все равно, что взять на себя функцию держателя «истины в последней инстанции». На такую функцию я вовсе не претендую.

следовательно представленное марксизмом, можно назвать **критическим и активистским**; за другим, представленным, прежде всего, О. Контом, Э. Дюркгеймом и М. Вебером закрепилось название **академического**.

«Американский период» получил в наследство от Европы эти направления вполне сформировавшимися, однако американские социологи наиболее активно работали в сфере второго — академического — направления. Более того, именно здесь они достигли, казалось бы, наиболее впечатляющих результатов, по сути дела превратив эмпирическую социологию в «производство» по «добыче и переработке» социологической информации.

Фактически возвращение социологии в Европу началось в середине «американского» периода. В 1949 году вернулись домой почти все ключевые фигуры Франкфуртской школы. А также начали возвращаться и другие европейцы, бежавшие в Америку от нацизма. Тем не менее, еще почти 20 лет Америка оставалась центром социологической мысли. И кризисные явления, и резкие конфронтации начались тоже в Америке⁵¹.

К концу «американского» периода истории социологии экономическая и социальная жизнь в Америке пришли в относительно стабильное состояние. Во всяком случае, стало очевидно, что время прямой классовой борьбы (тем более вооруженной) ушло безвозвратно, но капиталистическое общество не стало более справедливым. В то же время, в американском обществе, особенно среди молодежи, нарастало общее недовольство. Молодежь «взбунтовалась» против сытого, успокоившегося и ханжеского истеблишмента. Взбунтовалась уходом от респектабельной жизни отцов в «бродяжничество», в лагеря битников и хиппи и т. п. Этот бунт отраженным эхом сказался и на отношении к социологии, которая, по мнению молодежи, обслуживала истеблишмент и поэтому не заслуживала доверия.

Европа — 1968

Мало кто из историков современной социологии обращал внимание на то обстоятельство, что Европа, возвратив себе статус центра социологической мысли, в полном объеме восприняла основные направления, доминировавшие в американской социологии начала и середины XX века. Правда, эти направления своеобразно разделились. Американская академическая (классическая, позитивистская) и, прежде всего, — эмпирическая — социология (образца 40–50-х годов), была взята на вооружение в СССР и странах Восточной Европы⁵².

⁵¹ Здесь стоит упомянуть две книги Ч. Р. Миллса «Властвующая элита» (1956) и «Социологическое воображение» (1960), а также обстоятельную аналитическую работу А. Гоулднера «Наступающий кризис западной социологии» (1971).

⁵² О зарождении современной социологии в СССР и его сателлитах (странах социалистического лагеря) речь пойдет далее в специально посвященной этому вопросу лекции.

Тогда как критическая и активистская ветвь (в том числе, неомарксизм) была подхвачена преимущественно в Западной Европе, где социологи оказались более чуткими к реальным социальным процессам в обществе.

В 1968 году по европейским университетам прошли мощные студенческие волнения, вызванные, в первую очередь, ущемлением со стороны государства университетских и академических свобод, но не только. Симптоматично, что среди лидеров и руководителей этих волнений оказались по преимуществу социологи. Водоворот этих событий выдвинул несколько очень ярких фигур: Кон Бендит, Ален Турен, Пьер Бурдьё, Мануэль Каstell и др. Все они (за исключением, пожалуй, Кон Бендита) сегодня признаны мэтрами современной социологии, и именно они фактически стали и продолжателями, и родоначальниками новой европейской социологии. Все они в начале социологической карьеры в той или иной степени «переболели» марксизмом, оттолкнувшись от него, и пошли дальше.

На волне этого «протестного» движения начали плодиться и множиться новые «ветви» социологии: гуманистическая, рефлексивная, социология повседневности, активистская, публичная и т. п. Однако молодые лидеры европейской социологии этого периода Пьер Бурдьё, Ален Турен, Энтони Гидденс, Мануэль Каstell и др. оставались в русле классической и по преимуществу — теоретической социологии. В целом рассматриваемый здесь период, оказался периодом пересмотра социологической классики и осмысления более поздних, фундаментальных теоретических работ. При этом пересмотр не воспринимается как отвержение прежнего, но, — почти исключительно, — как уточнение и развитие.

Теория Бурдьё представляет собой попытку преодоления противоречий между макро- и микро- анализом, между агентом и структурой. В основании теории Бурдьё лежат, в первую очередь, фундаментальные идеи классиков, выражающие два противоположных подхода к определению объекта социологии. Это — исследовательская программа Маркса, исходным пунктом которой полагается широко понимаемая структура (общественно-экономическая формация), и программа Вебера, который исходит из концепта социального действия. Постольку, поскольку агент и структура связаны диалектически, Бурдьё пытается снять это противоречие и вводит ряд своих концептов (теоретических понятий): «поле», «социальное пространство», «габитус» и др.

Утверждая, что человек есть совокупность общественных отношений, К. Маркс делал акцент на отношениях собственности и далее разрабатывал проблему капитала, прежде всего, и исключительно, капитала экономического. Отталкиваясь от марксовской концепции, Бурдьё обращает внимание на то обстоятельство, что общественные отношения не ограничиваются отношениями собственности, что для описания всей совокупности общественных отношений необходимо учитывать все социальное пространство (а не только его экономические аспекты).

«Прежде всего, социология представляет собой *социальную топологию*. — пишет Бурдьё, — Так, можно изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме, т. е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме. Агенты и группы агентов определяются, таким образом, по их *относительным позициям* в этом пространстве. Каждый из них размещен в позиции и в определенные классы близких друг другу позиций (т. е. в определенной области данного пространства),. . . И далее: «... можно описать это пространство как поле сил, точнее как **совокупность объективных отношений** сил, которые навязываются всем входящим в это поле и **несводимы к намерениям индивидуальных агентов** или же к их непосредственным *взаимодействиям*»⁵³.

В своей генеральной интенции Бурдьё, как видим, ближе к позиции Дюркгейма, нежели Вебера: он не сводит объективные отношения в социальном пространстве ни к намерениям индивидуальных агентов (индивидов), ни к самодовлеющему социальному действию. По мнению Бурдьё, «научная работа имеет целью установление адекватного знания и о пространстве объективных связей между различными позициями, определяющими поле, и о необходимых связях, установленных через опосредование габитуса тех, кто занимает позицию в данном поле, так сказать, о связях между этими позициями и соответствующим видением позиции, т. е. между точками, занятыми в данном пространстве и точками зрения на это же пространство, участвующими в действительности и в становлении этого пространства»⁵⁴.

Вместе с тем, Бурдьё пытался преодолеть присутствовавший в социологии огромный разрыв между эмпирическими данными и теоретическими обобщениями. По свидетельству Н. Шматко⁵⁵, «... приглашение Бурдьё думать вместе с ним, вместе с ним конструировать предмет исследования, посредством изучения эмпирического материала приходит к теоретическим обобщениям и сейчас представляется мне выдающимся достижением. То, что вначале мешало и раздражает, позднее оказывается органическим подходом,

⁵³ П. Бурдьё, Социология социального пространства /Пер. с франц.: отв. ред. перевода Н. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии: СПб, Алетейя, 2005, с. 15 (Курсив в цитате принадлежит П. Бурдьё, полужирным выделено мной — О. Б.)

⁵⁴ Там же, с. 32

⁵⁵ Шматко Наталья Анатольевна, к. ф. н. Специалист в области социальной дифференциации: первой стала анализировать трансформационные процессы в России с позиций генетического структурализма. Проходила социологическую стажировку во Франции, в том числе под руководством П. Бурдьё. Руководила рядом проектов, связанных с изучением социальной топологии, социальной идентификации, становлением российского предпринимательства и изучением габитуса новых социальных групп. Переводчик с французского языка (социология, философия).

позволяющим уйти от поверхностных схоластических спекуляций, так и от натужного «погружения» в статистические таблицы, которыми так изобилует наша социология»⁵⁶.

Молодые английские социологи Пол Филмер, Майкл Филипсон, Дэвид Силвермен и Дэвид Уолш в конце 60-х гг. выступили с радикальным антипозитивистским манифестом «New Directions in Sociological Theory»⁵⁷. К сожалению, отечественные издательства не всегда сообщают, когда именно вышла издаваемая ими книга за рубежом. Поэтому приходится заниматься специальными расследованиями. Т. к. авторы антипозитивистского манифеста активно упоминают работу Питера Бергера и Томаса Лукмана, которая была впервые опубликована в Нью Йорке в 1966 году, можно предположить, что сам манифест был издан на Западе никак не раньше 1966 года.

Книга молодых англичан производит сильное впечатление, особенно в первой части, посвященной анализу традиционной социологии. Это действительно обстоятельный и аргументированный (можно сказать — тотальный) анализ и теоретических концепций, и методологии, и статистических методов исследования. Прежде всего подвергается суровой критике мировоззренческое уподобление социологии естественным наукам. «...сторонники позитивизма полагают, что социология должна конституироваться как научная дисциплина по образу естественных наук. Хотя существует несколько разновидностей позитивизма в социологии, сторонники их единодушны в отношении трех фундаментальных предпосылок, на которых основывается подход в целом:

- социальные явления с точки зрения любой аналитической задачи качественно те же, что и природные явления;
- методы анализа, разрабатываемые в естественных науках, применимы и в социологических исследованиях;
- задача социологии состоит в выработке системы в высшей степени обобщенных, эмпирически обоснованных теоретических положений, которая должна стать основой для прогнозирования социальных явлений»⁵⁸.

Для развенчания этого «заблуждения» авторы берут в союзники, естественно, Макса Вебера с идеей «понимающей социологии», а также Альфреда Шюца, который, вслед за Вебером, полагал, что социальным явлениям присущ смысл, который порождается только самими людьми. Отсюда авторы делают очевидный вывод, что «социологическое наблюдение представляет собой деятельность наблюдателя, и, как таковое, требует понимания в отличие

⁵⁶ Шматко Н. От редактора // П. Бурдые, Социология социального пространства /Пер. с франц.: отв. ред. перевода Н. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии: СПб, Алетейя, 2005, с. 9

⁵⁷ См. Новые направления в социологической теории. М., «Прогресс», 1978 г. — 391 с.

⁵⁸ Д. Уолш и др. Новые направления в социологической теории, М., Прогресс, 1978, с. 48

от простого наблюдения. Коренной недостаток позитивистской социологии заключается в её неспособности понять смысловое строение социального мира, вследствие чего позитивизм и выработал методологию, совершенно неадекватную природе исследуемого объекта». И далее: «... социальный мир — это экзистенциальный продукт человеческой деятельности. Благодаря этой деятельности он сохраняется и изменяется»⁵⁹. Отсюда и переход к идеям П. Бергера и Т. Лукмана о принципиальной субъективно конструируемой социальной реальности.

Не менее суровы (и не менее убедительны) оценки методов традиционной социологии. «Методы, используемые позитивистами для сбора данных, таковы, что не оставляют респонденту никакой возможности реакции, кроме той, учет и фиксирование которой предполагается этими методами. Далее, практика кодирования данных приводит к тому, что неопределенные реакции истолковываются в терминах, используемой социологом схемы интерпретации и тем самым подгоняются к этой схеме»⁶⁰.

Правда, эти претензии грешат «максимализмом». Во-первых, далеко не все социологи, работающие в русле традиционной (читай — позитивистской) социологии, воспринимают социальные явления как природные и применяют к ним методы естественных наук. Во-вторых, далеко не все социологи, работающие в русле традиционной социологии, не отдают себе отчета в том, что количественные методы не в состоянии совершенно адекватно отразить все особенности социальных явлений. Но в целом, критика авторов манифеста может быть признана принципиально верной и убедительной. Кроме «убойной» критики, в первой части манифеста содержится масса интересных и точных наблюдений и замечаний. Однако, на мой взгляд, здесь имеет место эффект, который может быть описан известной фразой: «Вместе с водой авторы, (может быть, нечаянно) выплеснули и ребенка».

А вот вторая часть — «Феноменологические альтернативы» — представляется гораздо менее убедительной: сказывается «идеологическая» заданность и непоколебимая уверенность в собственной правоте. А правота также требует аргументации: не только «внутренней» уверенности (для себя), но и «внешней» убедительности (для других).

Особенно не убедительными представляются примеры, которые приводят авторы. Хоть опыт Сикурела и Китсьюз⁶¹, хоть эксперименты Гарфинкеля, во-первых, провокативны по своей сути, во-вторых, сомнительны с точки зрения этики, а, в третьих, результаты этих экспериментов вряд ли могут быть признаны удовлетворительными. «Реакция людей, участвующих в этих экспериментах, — пишут авторы, — часто принимала крайнюю форму. Так, из сорока девяти студентов, которым предложили вести себя как чужие в

⁵⁹ Там же, с. 51–52

⁶⁰ Там же, с. 67.

⁶¹ Там же, с. 319

собственном доме, «девять или отказались от эксперимента (пятеро), или не смогли вести себя соответствующим образом (четверо). Четверо из отказавшихся объяснили, что они просто «побоялись», пятый не стал рисковать, ибо у его матери было больное сердце. Реакции членов семей студентов в оставшихся сорока случаях были различны — от «оцепенения» до взрыва «гнева и возмущения»⁶².

Кроме того, объектом и предметом анализа в этих экспериментах оказывается язык, психологическое самочувствие, а не реальное поведение людей в обществе и, уж тем более, не само по себе общество и не социальные отношения. Этот уход от объекта социологии мотивируется интересом к «людям с улицы», а социологам предъявляется обвинение в высокомерии, в том, что себя они не относят к этим «простым» людям⁶³.

Этот манифест произвел большое впечатление на социологическое общество и хорошо вписался в общее и антиамериканские, и антисоциологические (естественно, имеется в виду традиционная эмпирическая позитивистская социология) настроения. Но, — и это, пожалуй, главное, — с одной стороны, манифест привлек внимание к работам Гуссерля, Шюца, Гарфинкля — предшественников постмодернизма, а, с другой, — к теоретическим и методологическим проблемам науки об обществе.

Идейно с этим манифестом перекликаются многие идеи другого лидера европейской социологии Алена Турена, основные интересы которого связаны с социальными движениями 1960–1970-х гг. (антивоенными, рабочими, молодёжными, женскими, регионалистскими, стран «третьего мира» и др.) как новыми коллективными «субъектами» социального действия. В отличие от Бурдьё, Турен выступает как непримиримый критик классической социологии. Он считает, что такие понятия, как «общество», «эволюция», «роль» были актуальны для социологии XIX века, что во второй половине века XX необходимы другие понятия («историчность», «социальные движения», «субъект») и объект социологии, по его мнению, сегодня совершенно иной. Эти представления развиты А. Туреном в книгах «Социология действия» (1965), «Производство общества» (1973), «За социологию» (1977), «Возвращение человека действующего» (1984).

Отдельно стоит остановиться на последней из названных книг. Здесь автор очень резко отзывается о современном состоянии социологии. «Кри-

⁶² Garfinkel, H. *Studies in Ethnomethodology*, Prentice-Hall, Englewood Cliffs, New Jersey, 1967. Цитируется по «Новые направления в социологической теории», с. 361

⁶³ Мой упрек авторам в их идейной ангажированности можно «отпасовать». Конечно, каждый автор — субъективен — и имеет свои убеждения и пристрастия. Но объективность научного знания состоит вовсе не в заданной (и абстрактной) объективности, а в столкновении и взаимодействии разных субъективностей, в силе (или слабости) аргументов. Недаром говорится, что только в споре рождается истина.

тическая социология обнаружила позади порядка — силу, позади консенсуса — репрессии, открыла в модернизации иррациональность, в общих принципах — частный интерес. <...> Центральной в классической социологии была идея соответствия между институционализацией ценностей и социализацией действующих лиц. Теперь ей было противопоставлено отделение системы и действующего лица. Система была понята как совокупность правил и принуждений, каковое действующее лицо должно научиться скорее использовать или обходить, чем уважать. <...>

Идея общества исчезла, и само «социальное» было заменено политикой...»⁶⁴.

«Сегодня именно социология запаздывает сравнительно с другими дисциплинами в этой огромной трансформации общественных наук. Необходимо срочно помочь ей выйти из её печальной изоляции, чтобы она могла участвовать в указанной эволюции. Помнится, что разложение классической социологии началось в период экономической экспансии. Давно пора сегодня перестать смешивать социологию кризиса и кризис социологии, чтобы приступить к решению тех проблем, какие поднимает новый тип общественной жизни, новый уровень историчности, появление которого кажется все менее и менее спорным»⁶⁵.

В то же время А. Турен не ограничивается тотальной критикой, он настаивает на новом представлении об общественной жизни: «В данной книге этот вопрос является исходной точкой. В ней принимается и отстаивается идея, что понятие общества должно быть исключено из анализа общественной жизни. Но при этом считается возможным и необходимым описать другой тип анализа, в центре которого находится идея *социального действия* (курсив — А. Турена)»⁶⁶. И далее: «Социология действия и в особенности метод социологической интервенции (который является её специфической практикой) противятся отмеченному глобализму, стремятся отделять друг от друга различные смыслы поведений и, в частности, конфликтов, выделять в сложности исторического становления простые элементы анализа»⁶⁷. Автор кратко поясняет специфику предложенного им метода социологической интервенции: «Он направлен на то, чтобы помочь людям делать свою историю в тот момент, когда на руинах разрушенных или преданных иллюзий вера в способность общества созидать самих себя ослабела. Не было бы противоречием утверждать, что социологическая интервенция имеет эвристическую ценность, и одновременно признавать, что она свидетельствует о желании выработать сознание возможного действия и способствует, таким образом, защите и укреплению шансов демократии»⁶⁸.

⁶⁴ Ален Турен Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998, с. 15.

⁶⁵ Там же, с. 29

⁶⁶ Там же, с. 18

⁶⁷ Там же, с. 22

⁶⁸ Там же, с. 127.

Однако, если в критической части Ален Турен вполне убедителен, то (как и у авторов английского манифеста) конструктивная часть его книги, посвященная «социологии действия» и «человеку действующему», представляется не только не убедительной, но и весьма спорной. Хотя именно в этой части автор проявил озабоченность судьбой социологии и ту самую страсть, без которой, по мнению М. Вебера, просто невозможна настоящая наука. Но, оказывается, страсть не всегда оказывается убедительной и — главное — не всегда обеспечивает подлинный прорыв к существу дела.

Своим наиболее выдающимся учеником Ален Турен считает Мануэля Кастельса. Кастельс не воспринял проблематику общественных движений⁶⁹, но существенно развил идеи Турана относительно принципиального различия понятий капитализма и индустриализации. По его мнению, общества организованы вокруг человеческих процессов, структурированных и исторически детерминированных в отношении производства, опыта и власти. Его интересует способ и процесс производства, который характеризуется техническими отношениями в производстве, определяющими «способы развития» — это новое понятие, предложенное М. Кастельсом. «Способы развития» — это технологические схемы, через которые труд воздействует на материал, чтобы создать продукт, детерминируя, в конечном счете, величину и качество экономического излишка. Каждый способ развития определяется элементом, который является фундаментальным для повышения производительности производственного процесса. Так, при аграрном способе развития источник растущего экономического излишка есть результат количественного роста трудовых усилий и природных ресурсов... При индустриальном способе развития главный источник производительности заключается во введении новых энергетических источников и в способности децентрализовать использование энергии... В новом, информациональном (также новое понятие, введенное в научный оборот М. Кастельсом) способе развития источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации.»⁷⁰

В предисловии к цитируемой книге профессор О. И. Шкаратан пишет: «Система данных, приведенных М. Кастельсом, подтверждает, что производ-

⁶⁹ На русском языке изданы три его книги : Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. — Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. — 328 с. (Серия «Академический бестселлер»); Кастельс М., Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. / Пер. с англ. А. Калинина, Ю. Подороги. — М.: Логос, 2002. — 219 с.; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Пер. с англ. Под науч. ред. О. И. Шкаратана: — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.

⁷⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Пер. с англ. Под науч. ред. О. И. Шкаратана: — М.: ГУ ВШЭ, 2000, с. 39

ство в развитых экономиках опирается на образованных людей в возрасте 25–40 лет. Практически оказываются ненужными до трети и более человеческих ресурсов. Он считает, что последствием этой ускоряющейся тенденции, скорее всего, станет не массовая безработица, а предельная гибкость, подвижность работы, индивидуализация труда и, наконец, высоко сегментированная социальная структура рынка труда.

Развиваемая в книге теория информационального общества, в отличие от концепции глобальной/информациональной экономики, включает рассмотрение культурной/исторической специфики... Другой ключевой чертой информационального общества является сетевая логика его базовой структуры, что и объясняет название тома I монографии «Подъем сетевого общества»⁷¹.

В фокусе внимания М. Кастельса не вещи, не технические новшества сами по себе, но такие технологии, которые оказывают существенное влияние на изменение социальных процессов и социальной структуры общества. Рассмотрев в первом томе процессы экономической трансформации, во втором томе Кастельс обсуждает процессы политической перестройки, а в третьем — анализирует модели глобальной интеграции, социального неравенства и социальной исключённости.

В заключении автор предисловия приводит авторитетное мнение президента Лондонской школы экономики профессора Энтони Гидденса: «Это выдающийся труд по социальной и экономической теории, вероятно, наиболее значимая попытка по сравнению с любыми другими описать экстраординарные изменения, происходящие ныне в социальном мире»⁷².

С самого начала становления социологии, как самостоятельной науки, возникли, по меньшей мере, две проблемы, вокруг которых до сих пор продолжается то затухающая, то возникающая заново и довольно интенсивная дискуссия. Это, во-первых, проблема доминирования: «человек или общество»; а, во-вторых, позиция и компетенция социального наблюдателя, или — проблема объективности социального познания. Именно решая вторую из этих проблем, Вебер пришел к принципу «свободы от ценностей», т. е. разграничение ценностных суждений (оценок) от актов «отнесения к ценностям». Следующий шаг Вебера на пути к достижению объективности социального познания — введение категории «идеального типа». «Идеальный тип не извлекается из эмпирической реальности, а конструируется как теоретическая схема (это продукт фантазии, «утопия») — близок к «идеальной модели» естествознания»⁷³.

Лидеры европейской социологии, естественно, не могли обойти стороной эти проблемы, и каждый из них внес свою лепту в обсуждение этих «вечных» вопросов. Пожалуй, наиболее обстоятельно первой из этих проблем занимал-

⁷¹ Там же, с. 16.

⁷² Там же, с. 18.

⁷³ Классики теоретической социологии XX века: Рабочая тетрадь по истории социологии /Автор В. Г. Николаев — М.: ГУ ВШЭ, 2001, с. 21

ся Норберт Элиас. Этой проблеме он посвятил один из своих фундаментальных трудов «Общество индивидов». Вот как Элиас объясняет свою задачу: «... речь будет идти о том, что именно затрагивают понятия «индивид» и «общество» в их современной форме, т. е. об определенных аспектах существования человека. Она (книга) предлагает ряд инструментов для размышления о человеке и для его наблюдения. Некоторые из них достаточно новы. Говорить об обществе индивидов непривычно. Но это может оказаться весьма полезным, если постараться освободиться от старого общепринятого употребления этих понятий. Часто их используют просто как пару противоположностей, а этого недостаточно. Освобождение от необходимости понимать оба эти понятия лишь в таком смысле — одна из задач данной книги. Мы сможем действительно ее решить только в том случае, если не станем удовлетворяться чем-то негативным, голой критикой практики употребления обоих понятий как пары противоположностей, но если постараемся получить принципиально новую модель того, каким образом отдельные люди — во благо или во зло — объединяются друг с другом как множество, т. е. как общество»⁷⁴.

Иначе к этому вопросу подходит Э. Гидденс: «Понятие «общество» находится в фокусе многих социологических рассуждений. «Общество», конечно же, является неоднозначным понятием, указывающим как на «социальное объединение» в самом общем смысле, так и на вполне определенную систему социальных отношений. Меня интересует здесь лишь второе из этих значений, которое, несомненно, имеет отношение к основаниям каждой из доминирующих систем социологических воззрений. Хотя авторы марксистского направления иногда предпочитают термину «общество» термин «общественная формация», тем не менее, и у этого выражения сохраняется похожая коннотация «система с фиксированными границами» <...> Мыслители, рассматривающие социологию как изучение обществ, даже если они не говорят об этом прямо, подразумевают общества, связанные с современностью. Осмысляя их, они думают о достаточно четко ограниченных системах, обладающих присущим только им внутренним единством. Но понятые таким образом «общества» являются просто-напросто *национальными государствами* (курсив Э. Гидденса)»⁷⁵.

Яркая фигура европейской социологии этого периода — Петр Штомпка. Его наиболее важные произведения «Структура и функция» (1974), «Социологическая дилемма» (1979), «Роберт Мертон: интеллектуальный профиль» (1986), «Переосмысление прогресса» (совместно с Джефффри Александером, 1990), «Европейская социология» (1993) и фундаментальные новаторские работы «Общество в действии» (*Society in Action*, 1991) и «Деятели и структуры»

⁷⁴ Норберт Элиас *Общество индивидов* /Пер. с нем. — М.: Праксис, 2001, с. 10

⁷⁵ Гидденс, Энтони *Последствия современности*. Пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича, вступит. Статья Т. А. Дмитриева. — М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. — с. 124–125

(Agency and Structures, 1994) посвящены актуальным проблемам современности.

В книге «Социология социальных изменений» П. Штомпка, предпринял попытку разработать новую теорию, более адекватную современным реалиям и современному видению общественных процессов. Его теория социального становления есть теория активного взаимодействия структур социальных взаимосвязей и их созидателей, деятельностных субъектов. В предисловии научного редактора русского перевода этой книги В. А. Ядов пишет: «В своей теории П. Штомпка стремится концептуально социологически раскрыть мысль К. Маркса о том, что человечеству предстоит выйти из «предыстории» и вступить в свою собственную историю, т. е. в «царство свободы» из «царства необходимости». Автор книги развивает эту мысль, но не в терминах естественно-исторического процесса, некоторого направленного формационного развития. Он рассуждает в категориях гуманистической истории, а именно такого процесса, в котором социальные субъекты изменяют не только структуры общественной жизни, но и сам способ их построения. Это значит, что зависимость человека от неподвластных ему сил (природных, экономических, социальных) не является универсальной и вечной, а претерпевает изменения и становится взаимозависимостью»⁷⁶.

Европейские социологи не оставили без внимания и фундаментальные работы одного из корифеев американской теоретической мысли — Толкотта Парсонса. Прежде всего, они обратили внимание на предложенную Парсонсом идею системного подхода к обществу. В этом направлении работали и продолжают работать Мануэль Кастельс, Энтони Гидденс, Петр Штомпка и др.

Практически все «герои» этого периода в истории социологии в той или иной мере ощущают кризисное состояние современной социологии. Так, в предисловии к книге «Soziale Systeme. Grundriss allgeveinen theorie» в 1983 году Никлас Луман писал: «Социология находится в теоретическом кризисе. Эмпирические исследования в целом действительно успешные, увеличили наши знания, но не привели к единой социологической теории. Социология как эмпирическая наука не может не претендовать на пересмотр своих высказываний на основании данных, полученных при исследовании реальности, сколь бы ни были стары или новы бурдюки, в которые разливают полученное знание. Однако именно на этой основе она не может обосновать особенность своей предметной области и своего единства в качестве научной дисциплины. Разочарование зашло так далеко, что этого даже больше не пытаются сделать»⁷⁷.

⁷⁶ Штомпка П. Социология социальных изменений; пер. с англ. М., 1996. 416 с. (Источник: социологическая библиотека www.socioline.ru), с. 7.

⁷⁷ Никлас Луман Социальные системы. Очерк общей теории /Пер. с нем. И. Д. Газиева. Под ред. Н. А. Головина. СПб: «Наука», 2007. — с. 15

Это ощущение кризиса, некоего тупика, несмотря на очевидные достижения европейской социологии в конце 60-х годов, очень характерно для рассматриваемого периода. Начиная с 70-х годов это кризисное состояние постепенно нарастает под влиянием нарождающихся в это время идей так называемого постмодернизма, которому мы посвятим следующую лекцию.

Здесь же стоит отметить ещё одну существенную особенность рассматриваемого периода: активное вхождение в мировое социологическое сообщество новых действующих лиц: в первую очередь скандинавских (норвежских, шведских, финских) и других социологов. Еще более впечатляющим является активное включение в социологическое сообщество стран Латинской Америки (прежде всего, Бразилии и Аргентины), Индии и целого ряда стран малоазиатского региона. В частности, на последних конференциях Европейской социологической ассоциации очень активное участие принимали Турецкие и Израильские социологи. И, наконец, весьма активно участвуют в деятельности международной социологической ассоциации социологи из ЮАР.

Литература

1. Бурдые П., Социология социального пространства /Пер. с франц.: отв. ред. перевода Н. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии: СПб, Алетейя, 2005
2. Гидденс, Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 703 с.
3. Гидденс, Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. — М.: Весь мир, 2004.
4. Гидденс, Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Пер. с англ. В. Анурина. — СПб.: Питер, 2004.
5. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. — М.: Академический проект, 2005.
6. Гоулднер А. «Наступающий кризис западной социологии», СПб.: Наука, 2003. — 576 с.
7. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновна. — Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. — 328 с. (Серия «Академический бестселлер»)
8. Кастельс М., Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. / Пер. с англ. А. Калинина, Ю. Подороги. — М.: Логос, 2002. — 219 с.;
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Пер. с англ. Под науч. ред. О. И. Шкаратана: — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
10. Классики теоретической социологии XX века: Рабочая тетрадь по истории социологии /Автор В. Г. Николаев — М.: ГУ ВШЭ, 2001,
11. Миллс Ч. Р. «Властвующая элита» (1956)

12. Миллс Ч. Р. «Социологическое воображение» (1960),
13. Немецкая социология /Отв. ред. Р. П. Шпакова. — СПб, Наука, 2003. —562 с. (сер. «Классика социологии»)
14. Никлас Луман Социальные системы. Очерк общей теории /Пер. с нем. И. Д. Газиева. Под ред. Н. А. Головина. СПб: «Наука», 2007. — с. 15
15. Новые направления в социологической теории, М., Прогресс, 1978, — 391 с.
16. Норберт Элиас Общество индивидов /Пер. с нем. — М.: Праксис, 2001, — 336 с. — (Серия «Образ общества»)
17. Штомпка П. Социология социальных изменений; пер. с англ. М., 1996. 416 с. (Источник: социологическая библиотека www.socioline.ru)
18. Штомпка Петр, Теоретическая социология и социологическое воображение. //Социологический журнал, 2001, № 1, с. 151.
19. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. — М.: Аспект-Пресс, 1996. — 416 с.
20. Штомпка, П. Социология: анализ современного общества / Пер. с польского С. М. Червонной. — М.: Логос, 2005.

Вопросы к семинару

1. Каковы основные экономические и политические причины перемещения центра социологической мысли из Америки в Европу?
2. Специфика состояния американской теоретической социологии в середине XX века
3. Основные направления современной Европейской социологии.

Приложение к лекции 5

Конференции Европейской социологической ассоциации (ESA)

Год	Дата	Место	Тема	Президент
1992	24–27 августа	Вена, Австрия	Sociological Perspectives on a Changing Europe	Prof. Sylvia Walby, University of Leeds, UK
1995	20 августа — 2 сентября	Бухарест, Румыния	European Societies Fused or Fission?	Prof. Sylvia Walby, University of Leeds, UK
1997	27–30 августа	Ессекс, Англия	20-th Century Europe: Inclusions/Exclusions	Prof. Dr. Martin Kohli, European University Institute (Florence)
1999	18–21 августа	Амстердам, Нидерланды	Will Europe Work?	Prof. Jiri Musil, University of Prague, Czech Republic
2001	28 августа — 1 сентября	Хельсинки, Финляндия	Visions and Division: Challenges to European Sociology	Prof. Yasemin Soysal, University of Essex, UK
2003	23–26 сентября	Мурсия, Испания	Ageing Societies, new Sociology	Prof. J. P. Roos, University of Helsinki, Finland
2005	9–13 сентября	Торун, Польша	Pethinking Inequalities	Prof. Giovanna Procacci, University of Milan, Italy
2007	3–6 сентября	Глазго, Шотландия	Conflict, Citizenship and Civil Society	Prof. Claire Wallace, University of Aberdeen, UK
2009	2–5 сентября	Лиссабон, Португалия	European Society or European Societies?	Prof. Analia Torres, Instituto Universit rio de Lisboa, Portugal
2011	7–10 сентября	Женева, Швейцария	Social Relations in Turbulent Times	Prof. Пекка Sulkunen, Finland
2013	август-сентябрь	Турин, Италия	Crisis, Critique and Change	

ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ: ПОСТМОДЕРН — УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА, ИСЧЕЗАЮЩИЕ ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ

В этой лекции рассмотрим основные причины, приведшие современную социологию в кризисное состояние, а также специфические особенности развития этого кризиса в развитых странах Запада и в России.

Классика — модерн — постмодерн

Начнем с этимологии слов, вынесенных в заглавие.

Классика (от лат. *classicus* — образцовый). Первоначально «классик» — относящийся к первому разряду, «классу» высшей из пяти цензовых категорий, на которые по преданию были разделены граждане древнего Рима. Гуманисты эпохи Возрождения, для которых образцами в области литературы и искусства были все античные писатели, живописцы, скульпторы, архитекторы и т. п. называли их классиками. Слово «классический» наряду со значением образцового, содержит также значение «первоначальности», «программности», «основоположения». В этом смысле, например, говорят о классиках в науке — И. Ньютоне, Ч. Дарвине, Д. Менделееве, О. Конте и др.

Модерн, стиль «модерн» (франц. *moderne* — новейший, современный). Заметим, что это слово изначально родилось в мире художественной культуры. Историки искусства период модерна (как специфического направления) ограничивают 1890–1910 годами. Впрочем, слово (особенно для названия временного периода) выбрано неудачно как для русского, так и для любого другого языка.

Дело в том, что «со-временность», «со-временники» означает людей, которые живут в одно время. Современниками любого живущего в настоящее время человека являются все люди в возрасте от одного дня до ста и более лет. Рассказывая о «героях» социологии, я обычно подчеркиваю, что Э. Дюркгейм не был современником О. Конта, ибо родился на следующий год после смерти последнего. В этом смысле современность — понятие «текущее». Строго говоря, мой родной дед — не мой современник, так как умер до моего рождения, тогда как многие люди, которые гораздо старше его, — в полном и прямом смысле мои современники.

Постмодерн — в буквальном переводе — после модерна. С вышеобозначенной точки зрения, вообще полная бессмыслица — «дурная футурология», т. е. гадание о будущем, — и, на мой взгляд, совершенно неприемлемо для

обозначения какого-либо исторического периода. Ведь дальше начинается механическое прибавление и повторение этой приставки «пост».

Понятие постмодерн также родилось в сфере искусства, но получило более широкое толкование и использование. К тому же стоит отметить, что постмодерн, как определенное течение в культуре (как явление культуры) возник лишь в 60-е — 70-е годы XX века.

Выделение содержательно отличающихся периодов (периодизация) играет важную роль в деле познания того или иного явления. Так, например, историки выделяют доисторический период, античность (ориентировочно с 7 века д. н. э. до I века нашей эры), варварство (также ориентировочно с I по IX–X вв. нашей эры), средние века (мидиевистика), включающие эпоху возрождения (XI–XVI века), новое время, включая эпоху Просвещения (XVII–XVIII века), новейшая история (с начала XX века). Эта классификация ограничивается простым (и, в определенном отношении, бессодержательным) расставлением временных вех, которые, кстати, с таким же успехом можно расставить и совершенно иначе. Марксовы общественно-экономические формации в этом отношении более корректны. К. Маркс рассматривал каждую формацию, исходя из единого основания (принципа) — способа производства и уровня производительности труда, — и тем самым, строго выделяя их (формаций) существенные различия, и привязываясь к историческому времени. И это совершенно верно, ибо разные общества развиваются не равномерно, и в одно и то же время разные общества могут находиться на разных стадиях развития.

Постмодерн как феномен современной культуры

Термин «постмодернизм» впервые появляется в работе Р. Панвица «Кризис европейской культуры» (1917). Значительно позже в 1947 году Арнольд Тойнби в книге «Постижение истории» придаёт ему культурологический смысл: постмодернизм символизирует конец западного господства в религии и культуре. Один из основоположников этого философского направления Ж. -Ф. Лиотар состояние культуры и общества в целом в 70-е годы XX века охарактеризовал, как «состояние постмодерна».

Термин стал популярным благодаря книге «Язык архитектуры постмодернизма» Чарльза Дженкса. Обосновывая антирационализм, антифункционализм и антиконструктивизм в подходе к архитектуре, Ч. Дженкс настаивал на первичности в ней создания эстетизированного артефакта. Затем содержание этого понятия расширяется: от первоначально узкого определения новых тенденций в американской архитектуре и нового течения во французской философии (Ж. Деррида, Ж. -Ф. Лиотар) до определения, охватывающего начавшиеся в 60–70 годы разнообразные процессы во всех областях культуры, включая феминистское и антирасистское движения.

В настоящее время существует ряд взаимодополняющих концепций постмодернизма как феномена культуры, которые подчас носят взаимоисключающий характер:

Юрген Хабермас, Дениел Белл и Зигмунт Бауман трактуют постмодернизм как итог политики и идеологии неоконсерватизма, для которого характерен эстетический эклектизм, фетишизация предметов потребления и другие отличительные черты постиндустриального общества.

В трактовке Умберто Эко постмодернизм в широком понимании — это механизм смены одной культурной эпохи другой, который всякий раз приходит на смену авангардизму (модернизму) («Постмодернизм — это ответ модернизму: раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить, иронично, без наивности»⁷⁸).

Постмодернизм — общий культурный знаменатель второй половины XX века, уникальный период, в основе которого лежит специфическая парадигмальная установка на восприятие мира в качестве хаоса — «постмодернистская чувствительность» (В. Вельш, И. Хассан, Ж. -Ф. Лиотар).

Постмодернизм — самостоятельное направление в искусстве (художественный стиль), означающий радикальный разрыв с парадигмой модернизма (Г. Хоффман, Р. Кунов).

По мнению Х. Летена и С. Сулеймена, постмодернизма как целостного художественного явления не существует. Можно говорить о нём как о переоценке постулатов модернизма, но сама постмодернистская реакция рассматривается ими как миф.

Постмодернизм — эпоха, пришедшая на смену европейскому Новому времени, одной из характерных черт которого была вера в прогресс и всемогущество разума. Надлом ценностной системы Нового времени (модерна) произошёл в период Первой мировой войны. В результате этого европоцентристская картина мира уступила место глобальному полицентризму (Х. Кюнг), модернистская вера в разум уступила место интерпретативному мышлению (Р. Тарнас).

Итак, отличительные черты и признаки постмодернизма, как в философии, так и в искусстве: принципиальная эклектика (все годится), подозрительность к разуму и рациональности, отказ от обобщающих концепций («больших нарративов»), отказ от какого-либо порядка, поскольку он сковывает «творческий полет». А главное — все имеет право на существование, все можно.

Генеалогия постмодерна в социологии

Кризис практически никогда не наступает внезапно. Это только кажется, что «вдруг». На самом деле любой кризис имеет свои «подготовительные»

⁷⁸ Эко У. Заметки на полях «Имени розы»

стадии. Также и в социологии. Недавно один из моих коллег в разговоре об истоках и причинах постмодерна в социологии высказал не лишнюю оснований догадку, что за исходную точку в исследовании этого интеллектуального явления стоит взять Иммануила Канта (1724–1804). А именно его книгу «Антропология с прагматической точки зрения»⁷⁹, где немецкий философ утверждает, что учение о человеке «может быть построено с физиологической и с прагматической точки зрения», причем последняя исследует «то, что он в качестве свободно действующего существа делает или может и должен сделать из себя сам».

И. Ю. Ларионов по поводу этой книги пишет, в частности: «В тексте без труда можно найти множество рассуждений относительно природы языка, сна, игры; описание характеров индивида, пола, народа; ряд остроумных замечаний о типах эгоистов, об отличии самонаблюдения от простого замечания фактов о себе, о различии между простофилей, ясной головой, человеком ограниченного ума и широко образованным, о разных типах заучивания наизусть и т. д.»⁸⁰.

Впрочем, Кант решал вопрос о том, как возможно познание. Человек не мог не интересоваться им, ибо только он является существом, которое обладает разумом и способностью к познанию.

В своих первоначальных рассуждениях об истоках кризиса в социологии в качестве отправной точки я брал другого немецкого мыслителя, социолога — Макса Вебера. Именно Вебер утверждал, что общество (группы, слои, классы) — всего лишь фантом (искусственные категории), что только индивид является действующим лицом истории. Отсюда идея социального действия, отсюда же и идея «понимающей социологии». Человек не только действует (взаимодействует с другими), но только он порождает смыслы и наделяет ими окружающий мир и собственные действия (взаимодействия).

Действительно, Вебер почерпнул эти идеи у Канта, через Риккерта и Виндельбанда и творчески развил их. Но Вебер, в отличие от Канта, решал другую задачу, как возможно общество, которое состоит из индивидов.

Альфред Шюц (1899–1953), один из ярких последователей основателя феноменологии Эдмунда Гуссерля (1869–1938), целиком принял социологическую программу Макса Вебера. При этом он поставил перед собой цель «дополнить» Вебера — создать теоретико-познавательное обоснование веберовской понимающей социологии. Первая и, пожалуй, наиболее значительная книга Шюца так и называлась «Смысловое строение социального мира: Введение в понимающую социологию». В феноменологии А. Шюца акцент ставится, прежде всего, на конкретных ситуациях, в которых действует человек, ибо без учета этих ситуаций невозможно понять действия людей.

⁷⁹ Рус. перевод Н. М. Соколова (1900), М. И. Левиной (1994)

⁸⁰ Электронный ресурс. <http://anthropology.ru/ru/texts/larionov/kantandr.html>

Затем идеи Гуссерля и Шюца подхватили английские социологи Пол Филмер со товарищи, авторы книги «New Directions in Sociological Theory»⁸¹. Во вступительной статье к этой книге, вышедшей на русском языке в 1978 году Л. Ионин и Г. Осипов писали: «Вряд ли, однако, следует обвинять авторов в слишком расширительном толковании или преувеличении роли этого направления. Дело в том, что выход феноменологической социологии на широкую теоретическую арену не только совпал по времени с обострением кризиса современной буржуазной науки об обществе, но и явился одним из важнейших его проявлений. Феноменологическая социология (вместе с такими родственными ей и многое у нее заимствовавшими теориями, как «социология повседневной жизни» Дж. Дугласа, «социология абсурда» С. Лаймена и М. Скотта, «рефлексивная социология» Э. Голднера, «социология социологии» Р. Фридрихса, «экзистенциальная социология» Э. Тиракьяна, «гуманистическая социология» П. Бергера и т. п.) самим фактом своего появления в корне изменила положение в буржуазной социологии, где десятилетиями безраздельно властвовали структурный функционализм в теории и традиционный эмпиризм в практическом исследовании»⁸². (Вынесем за скобки характерное для советского времени употребление словосочетания «буржуазная социология», ибо и тогда, когда авторы писали эти слова, все понимали, что речь идет просто о социологии. Это были своего рода необходимые идеологические реверансы).

Авторы манифеста заявляют, что нужны «попытки создания совершенно новой социологии, которая отказывается принимать на веру и считать узаконенными существующие социологические проблемы и методы. В этом смысле принятие феноменологической критики традиционной социологии открывает безграничное поле для развития социологической теории и исследования, ибо требует коренного переформулирования всех традиционных проблем и методов»⁸³.

Все это можно рассматривать, как нормальное развитие науки, как нормальную научную дискуссию, как поиск новых интерпретаций и объяснительных моделей. Однако тенденция здесь обнаруживается вполне определенная. Чем больше внимания уделяется социологами «нового поколения» человеку и повседневности (конкретным ситуациям существования), тем более пренебрежительные отношения высказывается об обществе, об универсальных социологических категориях, тем детальнее рассматриваются различия и частности. Эта тенденция становится очевидной в творчестве одного из основателей постмодернизма Жака Деррида (1930–2004), который ввел в философский и даже журналистский лексикон понятие деконструкции. Его основной тезис — мир есть текст. Как видим, здесь и индивид оказывается почти не нужен, разве что, как создатель и интерпретатор текстов.

⁸¹ Новые направления в социологической теории. М., «Прогресс», 1978 г.

⁸² Названная книга с. 5–6.

⁸³ Там же, с. 205.

Другой яркий представитель этого направления — Жан Франсуа Лиотар (1924–1998) становится в оппозицию к универсалиям, метанарративам (расказам) и обобщенности. Он неистово критикует многие заявления «универсализма» Просвещения, а несколько его работ специально направлены на то, чтобы подорвать те фундаментальные принципы, на которых зиждутся эти многообещающие претензии.

В книге «Состояние постмодерна» (1979) Лиотар пишет:

«Когда этот метадискурс прибегает эксплицитным образом к тому или иному великому рассказу, как, например, диалектика Духа, герменевтика смысла, эмансипация разумного субъекта или трудящегося, рост богатства и т. п., — то науку, которая соотносится с ним, в целях самолегитимации решают назвать “модерном”. ... Упрощая до крайности, мы считаем “постмодерном” недоверие в отношении метанарративов. ... Существует много различных языковых игр — в силу разнородности их элементов. Они дают возможность своего учреждения только через места сбора и распределения информации — это локальная детерминация. ... Наша рабочая гипотеза состоит в том, что по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры — в эпоху постмодерна, изменяется статус знания. ... В форме информационного товара, необходимого для усиления производительной мощи, знание уже является и будет важнейшей, а может быть, самой значительной ставкой в мировом соперничестве за власть. ... вопрос о двойной легитимации [научного знания] не только не снимается, но напротив, становится все более актуальным. Обращение к великим нарративам исключено; и мы не можем прибегать ни к диалектике Духа, ни к эмансипации человечества как оправданию постмодернистского научного дискурса».

И, наконец, венец этой методологической деконструкции — идея Пола Карла Фейерабенда (1924–1994) — так называемый «эпистемологический (или методологический) анархизм», отрицающий любые методы научного познания. Он выступал против единого, основанного на традиции, научного метода, обосновывая это тем, что любой такой метод ограничивает познавательную деятельность учёных, и, таким образом, ограничивает прогресс. Он также считал, что анархизм в теории желателен, потому что это более гуманистический подход, чем другие научные системы, поскольку он не навязывает учёным жёстких правил.

Вырисовывается такая траектория этого направления социальной мысли: человек (субъект), порождает смыслы и «здесь и сейчас» творит (создает) общество; язык и языковые игры, как инструмент «созидания общества». Таким образом, отрицание любых методов научного познания; отрицание любых научных обобщений, акцент на уникальности и различиях — это и есть постмодерн.

В социологии постмодерн проявляется, во-первых, в переключении внимания с общества, как целого, на частное — индивидов и повседневность;

во-вторых, в переориентации с количественных методов преимущественно на качественные, такие как case study, нарративный анализ, дискурс анализ, «обоснованная теория» (Grounded Theory), которая принципиально должна выводиться из реальных фактов.

Достаточно лаконично и выразительно эти признаки сформулированы в книге В. Семеновича «Качественные методы: введение в гуманистическую социологию» (Добросвет, 1998). Вот как выглядят выводы автора к одной из глав:

«Качественный метод служит для изучения социальных проблем с точки зрения индивидуального, частного (здесь и далее выделено мной — О. Б.). Объектом исследования являются отдельные индивиды или узкое сообщество индивидов с их специфическими социальными характеристиками. Предметом изучения — социальные роли и их исполнение в конкретной практике повседневной жизни.

Это направление является отдельной областью социологии со своей методологией, идеологией, языком исследования, а также уровнем интереса: частное, локальное, микроанализ конкретных ситуаций.

Как исследовательская стратегия качественный метод существенно отличается от количественного, поскольку ориентирован на познание переживания, опыта, чувств людей и их практики, выраженных в их собственных высказываниях.

Это способ познания объекта в естественных условиях; он концентрируется в основном на субъективном видении социальных проблем, которые обобщаются путем аналитического анализа (выделено мной, т. к. здорово сказано — О. Б.) разнохарактерной информации об объекте.

Это поисковая стратегия, «открытая» на входе и формулирующая теоретические концепции в процессе исследования, логика анализа индуктивная — от фактов жизни к их классификации и концептуализации.

Такая стратегия является приоритетной при интересе к детальному описанию объекта, его социальному своеобразию в единстве всех составляющих, при изучении субъективного аспекта социальных проблем. Использование поисковой, мягкой стратегии способствует выявлению инноваций, необычного, особенного в ситуации быстрых социальных изменений»⁸⁴.

Эта линия принципиально расходится с позицией Э. Дюркгейма, который настаивал на том, что социология — наука об обществе как определенной целостности, и понять это целое невозможно через его элементы (индивидов). Если мы имеем намерение изучать социальные факты, нам нужно оставить в стороне индивида с его индивидуальным сознанием и искать объяснение социальных явлений в природе самого общества (социальные факты надо объяснять через такие же социальные факты). Это, если угодно, ключевая идея Дюркгейма.

⁸⁴ Названная книга, с. 45–46.

Так как идеи Макса Вебера выглядели вполне убедительно, уже в XX веке Толкотт Парсонс решил более детально разобраться в природе и структуре социального действия. В описание социального действия он ввел такой существенный элемент, как условия (и/или средства) его осуществления. Но, вот что интересно, в итоге своих теоретических разработок Парсонс пришел, во-первых, к тому, что сами социальные действия — нельзя сводить к отдельным (единичным) актам поведения: они образуют систему; во-вторых, к социальной структуре **общества**, а само общество предложил рассматривать как сложно организованную систему.

Но сегодня и Толкотт Парсонс воспринимается современными социологами как некий мастодонт, а его теоретический взгляд на общество воспринимаются, скорее всего, как ошибочный. Само понятие «общество» (и стоящая за этим понятием реальность) объявляются фантомными. Таким образом, социология лишается и объекта, и предмета познания и, по сути дела, оказывается вовсе не наукой.

Литература

1. Божков О. Социология: ориентир классика. Предварительные итоги. СПб, Эйдос, 2014. — 504 с. Электронное издание <http://socioprognoz.ru.1gb.ru/files/File/2014/Bozhkov.pdf>
2. Лиотар «Состояние постмодерна» (1979)
3. Новые направления в социологической теории. М., «Прогресс», 1978 г.
4. Семенова В. «Качественные методы: введение в гуманистическую социологию», М.: Добросвет, 1998.

Вопросы к семинару

1. Основные характеристики постмодернизма, как явления культуры
2. Почему постмодернизм в социологии ведет в познавательный тупик?
3. Позитивные аспекты постмодернизма

ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ: КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ/СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Введение

Контровская идея социологии, как позитивной науки об обществе в России с самого начала была воспринята положительно. В первых лекциях, посвященных этапу становления социологии, говорилось о множестве направлений и отмечалось, что почти в каждом из них были достойно представлены и российские ученые. Во второй лекции была дана характеристика особенностей российской социологии второй половины XIX века. Поэтому здесь вряд ли стоит повторяться.

Конечно, учитывая общую критическую позицию российской социологии по отношению к существующему в России XIX века политическому и государственному устройству, понятно в целом негативное отношение к ней со стороны властей. Если работы представителей «академической» европейской социологии публиковались в России, то труды Маркса и его последователей с трудом проходили жесткие рамки царской политической цензуры. Социология в России с немалыми трудностями прокладывала себе дорогу. Достаточно отметить один только факт, первое в России образовательное учреждение, где начали преподавать социологию, открылось только в 1909 году в Петербурге в частном психоневрологическом институте Бехтерева.

Октябрь 1917 — социология востребована?

Сегодня вошло в моду отрицание много из того, что, придя к власти, сделали большевики. Конечно, первые три большевистских декрета (Мир — народам! Земля — крестьянам! Фабрики — рабочим!) носили чисто политический, декларативный характер и до сих пор ни в Советском Союзе, ни в постсоветской России — не реализованы. По этому поводу много чего можно сказать и привести немало убедительных аргументов. Эти три гуманистических декрета вбивались в головы не одного поколения советских людей, начиная со школы и кончая высшими учебными заведениями. Но почему-то ни

в школе, ни в вузах не было речи также об одном из первых большевистских декретов, вышедшем в декабре 1917 года.

Этот декрет был посвящен системе образования в России и предписывал, во-первых, начиная с января 1918 года, обеспечить нормальное (насколько это было возможно в тех ненормальных условиях функционирования всех образовательных учреждений на территории России. Во-вторых, всемерно развивать систему ликвидации безграмотности, (а как же: «Безграмотный человек — вне политики»). В-третьих, это постановление предписывало во всех крупных городах (с населением более 250 тыс. человек) создать высшие учебные заведения. Настоящий декрет, в отличие от первых трех, был реализован: в течение пяти лет (с 1918 по 1923 гг.) в стране в целом развернулась современная система высшего образования. Уже в марте 1918 года, в соответствии с этим декретом, в Петрограде был открыт институт подготовки учителей для взрослых (впоследствии Библиотечный ин-т им. Н. К. Крупской, ныне Санкт-Петербургский университет культуры и искусств). Если посмотреть внимательно на историю высших учебных заведений в областных центрах бывшего Советского Союза, то нетрудно заметить, что подавляющее большинство из них было создано именно в эту пятилетку — с 1918 по 1923 гг. Более того, в подавляющем большинстве этих вузов первоначально в программу обучения обязательно включалась социология.

Один из первых учебников по социологии был издан в 1918 году — Бухарин Н. И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. Этот учебник регулярно переиздавался вплоть до 1928 года и был обязательным для вузов.

Среди членов первого большевистского правительства и руководителей высокого ранга были люди, хорошо знакомые с социологией (Бухарин, Луначарский, Шмидт и др.). Петроградский университет собрал в это время многих выдающихся российских социологов, философов, филологов, историков. Обладая аналитическим складом ума и острой социальной рефлексией, многие начинания большевиков они встречали не только не одобрительно, но, подчас, резко критически.

Социология — опасная наука

В мае 1922 года В. И. Ленин предложил заменить применение смертной казни для активно выступавших против советской власти, высылкой за границу. Л. Д. Троцкий так прокомментировал эту акцию: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно». Эта идея Ленина была реализована в акции, получившей в нашей истории имя Философского парохода.

«Философский пароход» в узком смысле — собирательное имя для двух рейсов немецких пассажирских судов *Oberbürgermeister Naken* (29–30 сентября) и *Preussen* (16–17 ноября), доставивших из Петрограда в Штеттин более

160 человек. Высылки осуществлялись также на пароходах из Одессы и Севастополя и поездами из Москвы в Латвию и Германию⁸⁵.

Среди высланных летом — осенью 1922 года наибольшее количество было преподавателей вузов и в целом лиц гуманитарных профессий. Из 225 человек: врачи — 45, профессора, педагоги — 41, экономисты, агрономы, кооператоры — 30, литераторы — 22, юристы — 16, инженеры — 12, политические деятели — 9, религиозные деятели — 2, студенты — 34 (Википедия).

Приведу небольшую статью из журнала «Наука и жизнь», посвященную этому историческому событию

*“Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник.
Польнью пахнет хлеб чужой...”*

Эти стихи Анна Андреевна Ахматова написала в 1922 году, вскоре после того, как от причала на Васильевском острове в Петрограде ушли два парохода — “Обербургомистр Хакен” и “Пруссия”. На пароходах, названных впоследствии “философскими”, были вывезены на чужбину российские ученые — философы, историки, правоведы, литераторы

По мнению специалистов, основной причиной высылки интеллигенции была неуверенность руководителей молодого государства в способности удержать власть после Гражданской войны. Временное отступление: новый экономический курс (НЭП), частная собственность, рыночные отношения — могло спровоцировать и политические требования. Партийное руководство решило беспощадно сражаться с любым общественным движением и инакомыслием в стране.

19 мая 1922 года В. И. Ленин направил Ф. Э. Дзержинскому секретное письмо, где были изложены инструкции по подготовке к высылке “контрреволюционных” писателей и профессоров. Основную работу возложили на ГПУ. В 1921 году для выявления инакомыслящих в важнейших государственных учреждениях страны были созданы “бюро содействия” работе ВЧК, на базе которых появилось “особое бюро по административной высылке антисоветской интеллигенции”. Ленин очень волновался по поводу того, что высылка задерживается. “Арестовывать... без объявления мотивов — выезжайте, господи!”

10 августа 1922 года политбюро утвердило составленные комиссией списки подлежащих высылке научных и общественных деятелей Москвы, Петрограда и Украины. Оставалось лишь подготовить общественное мнение. В резолюции по докладу Г. Е. Зиновьева на XII Всероссийской конферен-

⁸⁵ Несколько лет я рассказывал студентам об этом, а потом выяснилось, что П. А. Сорокин, безусловно, попавший в эту акцию, выехал из России не на пароходе, а на поезде. Но имя его так и осталось в списке пассажиров парохода.

ции РКП(б), состоявшейся в начале августа 1922 года, говорилось: “Нельзя отказаться и от применения репрессий по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции”.

Вскоре из России были высланы около двухсот деятелей культуры, инженеров, агрономов, врачей, названных “особо активными контрреволюционными элементами”. Среди них — Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Питирим Сорокин, Михаил Осоргин и многие другие.

Берлинская газета “Руль” от 21 ноября 1922 года писала, что все высланные из Петрограда были арестованы в ночь с 16 на 17 августа. “Вечером 16 августа, — рассказывают прибывшие в Германию на пароходе “Пруссия”, — многие из нас присутствовали на вечеринке в Петроградском доме литераторов, и, расходясь, никто конечно не думал, что на следующее утро мы окажемся снова все вместе, но не в помещении нашего дома, а в доме предварительного заключения”. Петербуржцы оставались под арестом от 40 до 68 дней, на приготовление к отъезду им было дано значительно меньше времени, чем москвичам. С отъезжающих брали расписку в том, что под страхом смерти они не будут пытаться вернуться на родину. Однако каждый уезжал, надеясь вернуться. Вернулся лишь Лев Карсавин, чтобы умереть в советской тюрьме⁸⁶.

Конечно, высланные представляли цвет российской интеллигенции. И хотя, собственно социологов в их числе было не так много, эта акция нанесла ощутимый удар по российской культуре в целом и по социологии, в частности.

Существует устойчивый миф, что социология в СССР была запрещена. В конце 80-х годов XX века, в начале перестройки, для ученых открылись многие архивы (в том числе, и архив ЦК КПСС). Московский социолог Геннадий Семенович Батыгин обстоятельно интересовался этим вопросом и выяснил, что, в отличие от генетики и кибернетики, социология никогда не запрещалась и все-таки в истории советской социологии есть определенная «мертвая» зона — само слово «социология» оказалось под негласным запретом. Когда именно это произошло, сказать трудно. Но, по некоторым косвенным данным, можно предположительно обозначить это время серединой 30-х годов. Хотя тучи над социологией в СССР начали сгущаться в 1928–1929 годах. Именно к этому времени из учебных программ почти всех вузов социология, как учебная дисциплина была исключена. Её место надолго занял научный коммунизм. Изыскания Г. С. Батыгина завершились изданием замечательной книги («Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах», СПб, Русский христианский гуманитарный институт, 1999. — 683 с.), где описаны важные моменты возрождения или второго рождения социологии в СССР.

⁸⁶ З. Короткова, Философский пароход // Наука и жизнь, № 1, 2005

Второе рождение российской социологии, как советской

Эта книга содержит две части: первая — воспоминания 25 «отцов-основателей»; вторая — документы. Обе части, безусловно, заслуживают и внимания, и интереса. И обе части дают частичный ответ на вопрос: «Почему после столь длительного игнорирования социологии в СССР она вдруг привлекла внимание властей. И почему социология была «реабилитирована»?

В 1958 году была создана Советская социологическая ассоциация (ССА). (См. приложение 1). Это было вызвано целым рядом сугубо политических соображений, что и отражено в этой книге (см., в частности, раздел «Документы»). Но была и другая причина — сугубо внутренняя, — о которой в этой книге есть лишь косвенные упоминания. Странно, откуда в стране, где социология иначе как «буржуазная лженаука» или «прислужница американского империализма», в течение почти 30 лет просто не упоминалась, взялись социологи? Один из вероятных ответов на этот вопрос состоит, в частности, в изменении курса партии на решение, прежде всего, чрезвычайно остро в то время жилищного вопроса. Развертывание массового жилищного строительства (1955 год) обнаружило целый ряд социальных проблем и потребовало строить не только жилые дома, но и поликлиники, детские сады и школы, дома и дворцы культуры и т. п. Подробнее об этом см. в статье «Почему в СССР возродилась социология»⁸⁷.

Таким образом, «возрождение» социологии в СССР имело два типа стимулов: «внешние» (идеологические и политические), и «внутренние» (социально-жизненные). История этого возрождения (или зарождения) в той или иной мере описана в социологической литературе⁸⁸.

Обусловленность прагматической ориентации советской социологии

Прагматическая направленность советской социологии была четко обозначена уже в названии, созданного в 1968 году первого социологического института в рамках АН СССР — Института конкретных социальных исследований. Ключевые слова здесь: «конкретных» и «социальных» (не социоло-

⁸⁷ Божков О. Б. Почему в СССР возродилась социология. //Междисциплинарность в социологических исследованиях. Материалы методологического семинара памяти Г. С. Батыгина (2007–2009 гг.). Учреждение РАН Институт социологии РАН, ГОУ ВПО «Российский Университет Дружбы народов». — М.: РУДН, 2010, — с. 75–88.

⁸⁸ См., в частности, Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах», СПб, Русский христианский гуманитарный институт, 1999, — 683 с.; Б. М. Фирсов История советской социологии. Курс лекций. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. — 294 с.; Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. М.: Логос, 2010, — 408 с.; Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы. СПб.: Алетей, 2010. — 664 с. и др.

гических). В постановлении секретариата ЦК КПСС «Об основных направлениях работы института конкретных социальных исследований АН СССР» от 10 декабря 1968 г. с грифом «Совершенно секретно» (?) говорилось:

1. Считать основными задачами Института конкретных социальных исследований АН СССР:
 - а) разработку на основе диалектического и исторического материализма проблем социальной структуры социалистического общества, совершенствования управления социальными процессами, культурного строительства, коммунистического воспитания трудящихся, социальной психологии, демографии, изучение общественного мнения по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики Советского государства и других социальных проблем, имеющих актуальное значение для коммунистического строительства; критику буржуазных социологических теорий;
 - б) оказание методической помощи в проведении конкретных социальных исследований научным учреждениям Академии наук СССР и академий наук союзных республик, отраслевых академий и высших учебных заведений;
 - в) подготовку высококвалифицированных специалистов в области конкретных социальных исследований.
2. Обязать Институт конкретных социальных исследований АН СССР в установленном порядке направлять в ЦК КПСС и соответствующие центральные ведомства и учреждения научно обоснованные предложения по актуальным социальным проблемам. Определение тематики научных исследований института и утверждение планов его работы проводить по согласованию с соответствующими отделами ЦК КПСС⁸⁹.

Обратите внимание на заключительные слова пункта «а» этого постановления: «...критику буржуазных социологических теорий». Речь идет именно о критике, а не о разработке оригинальной теории социалистического общества или общества «развитого социализма».

Очень характерна «Записка ЦК КПСС о работе ИКСИ АН СССР» от 17 августа 1971 г. «За три года своего существования коллектив института *проделал некоторую работу* (курсив мой — О. Б.) по подбору кадров, по подготовке и проведению VII Международного социологического конгресса в 1970 г. в Болгарии. Вместе с тем институтом еще неудовлетворительно выполняется постановление ЦК КПСС «Об основных направлениях работы института конкретных социальных исследований АН СССР» от 10 декабря 1968 г. Затянулась разработка программ исследований по большинству проблемных групп и отделов. Не выполнено постановление ЦК КПСС (ст. 71/3с от 28 апреля 1969 года) по подготовке научно-методических рекомендаций по планированию социального развития производственных коллективов.

⁸⁹ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах», СПб, Русский христианский гуманитарный институт, 1999, с. 447–448.

В институте наметилась тенденция разрабатывать *не предусмотренные соответствующими постановлениями проблемы* (курсив мой — О. Б.), такие как «социология политики», структура «правлящей элиты» развитых капиталистических стран. Институт слабо осуществляет функции головного учреждения в области конкретных социологических исследований»⁹⁰.

Как видим, вновь созданный институт был под постоянным и довольно жестким контролем партийных органов. Академик А. М. Румянцев — первый директор ИКСИ, — по мнению ЦК КПСС, не справился с поставленными задачами: с сугубо прикладной ориентацией исследований. В 1971 году он был отстранен от должности директора, а на его место нашли другого человека — свердловского философа Н. М. Руткевича, который был наделен широкими полномочиями. И, в первую очередь, новый директор начал «укреплять» кадровый состав института. Это также нашло отражение в книге Батыгина.

Тем не менее, социология в СССР набирала обороты. На многих крупных предприятиях страны (в Ленинграде, Москве, Перми, Свердловске, Уфе и Казани и т. д.) создавались социологические службы; было создано еще несколько институтов социологической направленности, в частности, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР (ИЭиОПП), Институт международного рабочего движения (ИМРД). По инициативе Б. А. Грушина при газете «Комсомольская правда» было начато изучение общественного мнения.

Большой вклад в развитие советской социологии (как академической науки) внесла ленинградская школа эмпирических исследований, у истоков которой стояли В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов.

В журнале «Телескоп» (№ 3, 2010) опубликовано интервью с одним из сотрудников ядовской лаборатории — Эдуардом Беляевым⁹¹, в котором была затронута важная тема методической работы в социологии. В этом же номере журнала есть и публикация Б. З. Докторовой «Как это было — 5. Кто перевел книгу У. Гуда и П. Хатта? И другое»⁹². Эти публикации показывают, какое внимание в ленинградской школе уделялось методологическим и методическим проблемам социологии, и то, что за образец решения этих проблем была взята, наиболее развитая в этом отношении американская эмпирическая социология 1940–1950-х годов.

В этом ключе написаны и первые советские учебники по методологии и методике социологических исследований и «Рабочая книга социолога»⁹³, что

⁹⁰ Там же, с. 551–552.

⁹¹ Е. В. Беляев: «Естественно-научные и социальные интересы — определяющая черта моей личности» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, № 3, 2010, с. 2–11.

⁹² Б. З. Докторов, Как это было — 5. Кто перевел книгу У. Гуда и П. Хатта? И другое. // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, № 3, 2010, с. 12–15

⁹³ В. А. Ядов, Социологическое исследование: Методология. Программа. Методы, Тарту, 1968 (ротاپринтное издание Тартуского ун-та); А. Г. Здравомыс-

вполне соответствовало генеральной установке партии и правительства на конкретные исследования. Перечислим доминирующие тематические направления социологии советского периода: текучесть кадров на предприятиях, отношение к труду, повышение культурного уровня рабочего класса, движение за коммунистический труд, образ жизни советских людей, разработка комплексных планов социально-экономического развития. Эти планы разрабатывались для отдельных цехов, для предприятий, для районов, для городов и, наконец, для областей и республик СССР.

Правда, советская — марксистско-ленинская — социология, с одной стороны, занималась и традиционными для буржуазной социологии проблемами семьи (А. Г. Харчев, С. И. Голод, Э. К. Васильева и др.) труда (В. А. Ядов, З. И. Файнбург, Н. Аитов и др.), социальной структуры (О. И. Шкаратан). А, с другой, — пополнила список социологических теорий среднего уровня. Это — социология молодежи (В. Н. Шубкин, С. Н. Иконникова и В. Т. Лисовский), социология кино (М. Жабский), социология музыки (А. Н. Сохор), социология театра (Г. Г. Дадамян, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Н. А. Хренов, Л. Н. Коган, В. Н. Дмитриевский и А. Н. Алексеев и др.). Но и здесь в основном решались конкретные прагматические задачи: определение престижа различных профессий у школьников, жизненные планы молодежи, повышение посещаемости театров и кинотеатров, социально-демографические характеристики музыкальной аудитории и т. п.

Тем не менее, советская социология заняла достойное место в мировом социологическом сообществе: советские социологи участвовали в международных сравнительных исследованиях, вошли в состав руководящих органов МСА; в СССР были проведены исследования, по праву вошедшие в фонд мировой социологической классики. Это «Человек и его работа» (под руководством В. А. Ядова, А. Г. Здравомыслова и В. Я Рожина), «Человек после работы» (Л. А. Гордон и Э. Клопов), «Престиж профессий в представлениях школьников» (В. Н. Шубкин), а также исследования села (Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина и др.), исследования социальной структуры (О. И. Шкаратан) и др.

Случались отдельные прорывы и в области социологической теории, в частности, диспозиционная теория В. А. Ядова, разработки в области теории конфликта (А. Г. Здравомыслов, А. В. Дмитриев), некоторые работы Ю. А. Левады. Но в целом теоретические изыскания в СССР отнюдь не приветствовались. Впрочем, и методологические и даже методические разработки иногда подвергались жесткому идеологическому разгрому⁹⁴.

лов, Методология и процедура социологических исследований, М.: 1969; Рабочая книга социолога, М.: «Наука», 1976.

⁹⁴ В частности, по непонятным причинам резкой критике подверглась книга из серии «Социология и Математика» — «Моделирование социальных процессов, М., «Наука» (1970) и, по сути дела была изъята из научного обращения.

И хотя социологов время от времени приглашали на правительственные дачи для написания аналитических записок по тем или иным вопросам, партийные органы периодически заказывали опросы по зондажу общественного мнения, похоже, что результаты исследований никого на самом деле не интересовали и не использовались. Вот как характеризует отношение власти к социологическим данным Б. М. Фирсов: «Социология появилась на свет как дитя интеллигенции <...> Однако желание «верха» иметь как можно больше сведений пришло в противоречие с генетической привычкой контролировать все, а информацию — прежде всего. Сказалась природа власти. Чем дольше она существовала, тем сильнее становился контроль из-за боязни утечки данных и тем энергичнее режим сопротивлялся опровержениям реальности, исходившим от социологов. Логично было в таких условиях избавиться от источников «беспокойства», вызывавшего дискомфорт власти. Стагнация общественной жизни в период правления Л. И. Брежнева породила меры сдерживания социологии, большое число открытых и латентных ограничений, с помощью которых замораживалось развитие социологической мысли»⁹⁵.

Социология в период перестройки

«Плох или хорош был Ю. Андропов, но от него исходил импульс интереса к социологическому изучению общества, хотя в данном случае, по-видимому, имела значение определенная оппозиция нового лидера к наследию, оставленному его предшественником.

Образ социологии в стране с самого начала периода её возрождения зависел от природы партийного прагматизма, от целей деятельности и настроений лидеров страны. Однако все они с большей или меньшей очевидностью осознавали, что социология может оказывать сильное влияние на общественные взгляды (приводить их в колебание, изменять, сохранять нетронутыми и т. д.)»⁹⁶.

Период горбачевской перестройки кардинально сместил многие ориентиры. И для социологии наступили другие времена — она, вроде бы, оказалась вновь действительно востребованной. Но... вот беда — ни на один из вопросов, выдвинутых перед обществом перестройкой, социология не имела ответа.

Стоит отметить, что Перестройка, на мой взгляд, принесла больше вреда, нежели пользы именно социологии. Во-первых, будучи по природе своей граждански и политически активными, социологи ринулись в политику. В результате первых «демократических», свободных выборов, на всех уровнях представительной власти оказалось изрядное число социологов. Социологи

⁹⁵ Б. М. Фирсов История советской социологии. Курс лекций. — Спб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001, с. 98–99.

⁹⁶ Там же, с. 99.

лидировали и в общественных организациях. Так, в руководстве Народного фронта Эстонии («Рахва Ринна») оказались почти все известные эстонские социологи. В состав первого постсоветского правительства Эстонии вошла социолог Марью Лауристин, мэром Таллинна также стал социолог Яак Алик. Значительное число социологов стали депутатами Верховного Совета СССР и Верховных Советов республик, а также представительных органов власти во многих городах. В руководстве Народного Руха Украины также присутствовали социологи. Лишь незначительная часть социологов, в разном качестве вошедших во властные структуры, затем вернулись к своей профессии.

Другая беда пришла с неожиданной стороны. Социологическое образование долгое время практически не развивалось в стране. Первые действенные шаги в этом направлении были сделаны в 1983–1984 гг., когда в номенклатуру ВАК⁹⁷ были введены две новые специальности: социология и политология. Таким образом, только в 1984 году появились первые российские кандидаты и доктора социологических наук. Хотя просто социологов (т. е. лиц с высшим образованием, у которых в дипломе было бы написано «социолог») в стране не было. Только в 1989 году были созданы факультеты социологии в Ленинградском и Московском университетах, на кафедре истории и теории культуры ленинградского библиотечного института им. Н. К. Крупской в этом же году был сделан первый набор социологов. Это были первые ласточки и первые дипломированные социологи появились в постсоветской России — в 1994 году.

Но перестройка проходила «под знаменем» антикоммунизма (в этот период худшего ругательства, чем «коммуняка», наверное, не было). На первых демократических выборах руководители партийных органов с треском проигрывали совершенно неизвестным, новым людям (например, 1-й секретарь ленинградского горкома партии Герасимов с большим отрывом проиграл выборы молодому активисту клуба «Перестройка» Юрию Болдыреву). Среди депутатов всех уровней появилось много людей, которые в советские времена ни при каких обстоятельствах не могли быть избраны в органы представительной власти.

Во время перестройки выяснилось, что коммунизм — большая утопия, а научный коммунизм — просто профанация науки. Но во всех вузах кафедры научного коммунизма были обязательными и самыми многочисленными. Скажем, в ЛГУ, где обучалось более 12 тысяч студентов, на всех факультетах надо было читать многочасовые курсы научного коммунизма, принять у каждого студента зачеты и экзамены. Более того, научный коммунизм входил в программу государственных экзаменов.

И вдруг в одночасье все эти многочисленные кафедры оказались неudel. И в одночасье же только в Ленинградских вузах появилось около 60 кафедр со-

⁹⁷ ВАК — Высшая аттестационная комиссия — орган, утверждавший присуждение ученых степеней и научных званий.

циологии, некоторое количество кафедр политологии, менеджмента и маркетинга. Откуда они взялись? Да очень просто, так переименовались кафедры научного коммунизма. Но преподавали социологию и политологию бывшие преподаватели научного коммунизма и преподносили они своим студентам то, что знали, а именно, — научный коммунизм, только под другим именем. А это означало полную профанацию и социологии, и политологии. Больше повезло тем студентам, где на месте кафедр научного коммунизма появились кафедры маркетинга или менеджмента. Ибо здесь нельзя было читать все то же самое, что прежде. Преподаватели здесь сами были вынуждены осваивать новую профессию, новую терминологию, новые теоретические подходы.

Введение образовательных государственных стандартов и обязательно лицензирования образовательных учреждений несколько нормализовало ситуацию, сегодня в Санкт-Петербурге кафедры социологии сохранились не более, чем в двух десятках вузов. Но проблема социологического образования так и не решена до сих пор, ибо возник сильный дефицит квалифицированных преподавателей и социологии, и политологии. В какой-то мере уменьшению этого дефицита способствует Европейский университет в Санкт-Петербурге и активная работа социологической аспирантуры в ведущих вузах и академических институтах.

Впрочем, и подлинная востребованность социологии имела место. Взять хотя бы передачу ленинградского телевидения «Общественное мнение» (1987–1988 гг.), в структуре которой социология и социологи выполняли очень важную функцию. Эта передача воплощала провозглашенную М. С. Горбачевым идею гласности, а благодаря социологии, в том числе, способствовала проявлению гражданской активности населения. Один из первых опытов осмысления этого социального явления был предпринят в ходе социологических чтений «Социология и проблемы перестройки»⁹⁸ состоявшихся в 1988 году институте социально-экономических проблем АН СССР в Ленинграде.

Естественно, с развалом СССР многие структуры и организации, возникшие в советское время как всесоюзные, неизбежно были вынуждены тем или иным образом трансформироваться. В марте 1989 года на Пленуме Советской социологической ассоциации выступил Н. И. Лапин с предложением о создании Российского общества социологов (РОС) в качестве регионального Российского отделения ССА. На первом съезде социологов СССР в 1991 году были внесены изменения в устав и форму правления ассоциации, а также избраны тайным голосованием три сопредседателя ассоциации — В. А. Ядов, Ж. Т. Тощенко и А. Г. Здравомыслов.

⁹⁸ О. Б. Божков. *Формировать общественное мнение или изучать его? (опыт социологического анализа передачи «Общественное мнение» 1987–1989 гг.) // Мониторинг общественного мнения, № 2, 2015, с.*

В конце 1991 — начале 1992 года из-за развала СССР Советская социологическая ассоциация перестала существовать, её правопреемником стало Российское общество социологов (РОС).

Специфика кризисных явлений в российской социологии

Кризис мировой социологии своеобразно преломился на российской почве. Так, если на Западе акценты в декларациях сместились к полному отрицанию «больших нарративов» (или больших теорий), то в корпусе теоретических текстов как раз преобладает противоположная тенденция. Почти все крупные современные социологи тяготеют к проблемам макросоциологии и заняты поисками новой программы этой дисциплины. Э. Гидденс — идея структуриации, Дж. Александер — идея культуральной социологии, А. Турен — идея возвращения человека действующего, М. Буравой — идея публичной социологии, Л. Тевено также озабочен поисками новой «парадигмы». Думается, не случайно центр внимания мировой социологии прикован к проблемам глобализации (Э. Гидденс, З. Бауман, П. Штомпка и др.), изменяющим взгляд и отношение к национальным государствам.

Но и микросоциологические сюжеты в Западной социологии становятся все более и более «микро». Интерес здесь смещается в сторону отдельного человека, в сторону повседневности, «текущего реализма». В этом отношении очень характерны примеры, вокруг которых возводятся постмодернистские теоретические построения⁹⁹.

Практически во всех развитых странах эмпирические количественные исследования вышли или выходят из моды. В России эмпирические исследования меняют методические «одежды». Если на Западе дискуссии имеют преимущественно содержательный (в том числе, — теоретический) характер, в России дискутируется проблема методов: в центре внимания оказалась оппозиция: «количественное против качественного». Аргументация в пользу и тех, и других методов строится на «прагматических» основаниях, прежде всего, на противопоставлении служения государству или гражданскому обществу. Широкий спектр аргументов в этом споре представлен в обширной публикации журнала «Неприкосновенный запас», № 3 (35) за 2004 год.

Своеобразный «запах» этой дискуссии содержался в тексте В. М. Воронкова. Вот, пожалуй, центральная мысль этого текста: «Вообще российские социальные исследователи в силу своей даже неявной ангажированности или, скажем, в силу наличия общих «нерефлексивных допущений» считают своей обязанностью освящать авторитетом науки те дилетантские построения, которые производит политическая власть, «объективно» эти построения анализируя. Никаких сознательных подтасовок может и не быть, просто дизайн

⁹⁹ См. Лекция шестая. Постмодернизм — углубление кризиса, исчезающие объект и предмет социологии...

исследования строится на тех самых допущениях, которые являются общими для исследователей и некоторой части политиков. И это уже вопрос рефлексии по поводу оснований и последствий нашей профессиональной деятельности, вопрос осознания наших политических предпочтений и того, как они влияют на структуру исследования и его результаты». И заключение: «Итак, я хотел бы сформулировать тезисы для дискуссии, которую все-таки придется провести хотя бы для того, чтобы точно позиционировать свои исследования в социологической науке.

1. Если мы ставим перед собой задачу *понять*, почему люди, принадлежащие к разным *мильё*, действуют так или иначе, по каким правилам совершают они эти действия, то следует критически оценить позитивистский подход в социальных науках, не позволяющий прийти к такому пониманию.
2. Статистику возможно использовать в социологии крайне редко, поскольку чаще всего невозможно понять, какую «реальность» она отражает. Что касается опросов «общественного мнения», то эту область деятельности следует и вовсе вывести из социологической дискуссии в принципе.
3. Количественные методы в социологии ведут к созданию артефактов и оперированию этими артефактами. Таким образом, социологический мир все больше расходится с социальным.
4. Социолог не в состоянии сделать результаты своих исследований достоянием исключительно социологического сообщества. Поэтому он должен считаться с тем, что власть может использовать эти результаты в своих целях, даже если он не имел в виду сотрудничества с властью. Именно «количественники» являются здесь группой риска. С другой стороны, в силу исторически сложившегося в нашей стране «предназначения» социологии, социологи-«количественники» особенно приспособлены и склонны сотрудничать с политиками и чиновниками в деле управления государством»¹⁰⁰.

Очевидна определенная идейная ангажированность автора, а вопросы, предлагаемые для обсуждения, требуют безоговорочного осуждения «количественников». Но дело вовсе не в методах. Дело в том, насколько наука (в данном случае — социология) выполняет свои функции — познание неочевидного, познание действительности. Ибо не все действительное реально, и не все реальное — действительно.

К сожалению, беда отечественной социологии в том, что на протяжении многих лет она (в силу разных причин) не занималась всерьёз теоретическими вопросами и не выработала навыков теоретического мышления. Беда не в том, что чиновниками (то бишь государством) не востребован этот тип мыш-

¹⁰⁰ Виктор Воронков. Этот безумный, безумный, безумный количественный мир. // Неприкосновенный запас, № 3(35), 2004

ления. Беда в том, что он не востребован самим социологическим сообществом. Голоса нескольких человек (Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, А. Б. Гофман), обеспокоенных дефицитом этого мышления, звучат как голоса вопиющих в пустыне.

В последние десятилетия среди российских социологов появилась целая плеяда молодых людей, получивших социологическое образование в Европе и в Америке. Они хорошо начитаны, хорошо ориентируются в теоретическом арсенале западной социологии, но в основном занимаются пересказом (интерпретацией, причем, далеко не всегда адекватной) западных концепций. «Несут нам свет западной мысли», но почти никто из этой плеяды не сказал ни одного «своего собственного слова», не продвинулся ни на шаг в теоретической области. Пожалуй, наиболее продуктивным в этой области оказался в своих последних работах один из патриархов отечественной социологии — Андрей Григорьевич Здравомыслов.

Повальное увлечение «качественными» исследованиями нисколько не продвигает вперед отечественную социологию. Но ведь и «количественные» исследования все больше ограничиваются опросами общественного мнения, электоральными опросами и маркетингом. Хотя и то, и другое, и третье (здесь я соглашусь с В. М. Воронковым) не имеет прямого отношения к социологической науке. Да и реализация количественных исследований становится все более примитивной, ограничивается уровнем простых процентных распределений, в лучшем случае — двумерных (пол на возраст; политические ориентации на пол, возраст и образование и т. п.).

Пренебрежение «школой», азами социологического интеллектуального мастерства, приводит к утрате профессионализма. Нынешние выпускники социологических факультетов более или менее прилично ориентируются в чехарде социологических концепций и концептуальных изысков, но пасуют перед элементарными вопросами и не могут объяснить различие между номинальными, ранговыми и метрическими признаками. А главное, искренне не понимают, зачем это надо знать.

И, тем не менее, (может быть исключительно в силу моего оптимистического характера) я думаю, что у российской социологии есть и внутренние силы, и интеллектуальный потенциал для преодоления этого глубокого кризиса.

Литература

1. З. Короткова, *Философский пароход // Наука и жизнь*, № 1, 2005
2. Виктор Воронков. *Этот безумный, безумный, безумный количественный мир. // Неприкосновенный запас*, № 3(35), 2004
3. Е. В. Беляев: «Естественно-научные и социальные интересы — определяющая черта моей личности» // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, № 3, 2010, с. 2–11.

4. Б. З. Докторов, Как это было — 5. Кто перевел книгу У. Гуда и П. Хатта? И другое. // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, № 3, 2010, с. 12–15
5. В. А. Ядов, Социологическое исследование: Методология. Программа. Методы, Тарту, 1968 (ротапринтное издание Тартусского ун-та);
6. А. Г. Здравомыслов, Методология и процедура социологических исследований, М.: 1969; Рабочая книга социолога, М.: «Наука», 1976.
7. Божков О. Б. Почему в СССР возродилась социология. //Междисциплинарность в социологических исследованиях. Материалы методологического семинара памяти Г. С. Батыгина (2007–2009 гг.). Учреждение РАН Институт социологии РАН, ГОУ ВПО «Российский Университет Дружбы народов». — М.: РУДН, 2010, — с. 75–88.
8. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах», СПб, Русский христианский гуманитарный институт, 1999, — 683 с.;
9. Б. М. Фирсов История советской социологии. Курс лекций. — Спб.,: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. — 294 с.;
10. Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. М.: Логос, 2010, — 408 с.;
11. Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы. СПб.: Алетейя, 2010. — 664 с. и др.

Вопросы к семинару

1. Почему социология оказалась востребованной в России после Великой Октябрьской социалистической революции?
2. Причины потери интереса к социологии в конце 20-х годов XX века
3. Почему социология родилась заново в 50–60-е годы?
4. Причины отсутствия интереса к теоретическим вопросам социологии в СССР
5. Содержание актуальных проблем становления и развития российской социологии в XXI веке.

Приложение.

Президенты Советской социологической Ассоциации

13 июня 1958 года было принято Постановление Президиума АН СССР о создании *Советской социологической ассоциации (ССА)*. Председателем был избран Юрий Павлович Францев, его заместителем — Геннадий Васильевич Осипов.

1958–1959 — акад. Ю. П. Францев

1959–1972 — акад. Г. В. Осипов

1972–1976 — член-корр. РАН М. Н. Руткевич

1976–1986 — д. филос. н. Х. Н. Момджян

1986–1991 — акад. Т. И. Заславская

1991 — член-корр. РАН Ж. Т. Тощенко, д. филос. н. А. Г. Здравомыслов и д. филос. н. В. А. Ядов.

ЛЕКЦИЯ ВОСЬМАЯ: ОБ ОБЪЕКТИВНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ. ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРКИ И ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А теперь спустимся с горних высей общих представлений о том, что такое общество, и перейдем к трудовым будням социологического познания. К социологическим исследованиям предъявляется много претензий: они, дескать, субъективны, недостоверны, и на человека социологи смотрят «сверху вниз», как на объект, да мало ли чего еще. Попробуем заглянуть на социологическую «кухню», где это варево — социологические исследования — собственно и «варится».

Проблема языка

Как ни странно это может показаться, но разговор придется начать с обыкновенного (в нашем случае — русского) языка. Должен отметить, что постмодернисты нащупали очень важную проблему социального познания — проблему языка. Но в разработке этой проблемы ушли в дебри лингвистики, психологии и психолингвистики, оставив собственно социальные проблемы для философских изысков и спекуляций. Я бы сказал, — измельчили саму проблему.

Впрочем, и социологи (не постмодернистского толка) не обходят вниманием эту проблему. Очень ярко и внятно в предисловии к книге «Социологическая интуиция. Введение в неочевидную социологию» её ставит Рэндалл Коллинз:

«Реальное знание должно быть коммуникабельным. Оно должно заявить о себе так, чтобы было понятно. И если вы уже обладаете этим знанием, должно иметься, что сказать такого, чего вы не знали бы уже прежде.

У социологии плохая репутация и в том и в другом смысле. Она повинна в абстрактном жаргоне. Социологическая проза в худшем своем выражении считается, в сущности, недоступной. А уж если читатели проникают, наконец, в дебри абстракций и специальной терминологии, то слишком часто обнаруживают, что там мало что сказано. Представляется, что социологи сообщают о том, что и без того уже известно каждому, что они документируют очевидные факты нашего мира, что они просто дают новые имена тому, что уже и так знакомо. Стоит ли удивляться, когда заявляют, что социологам приходится прятаться за специальным языком их же собствен-

ного изготовления: если им придется говорить на простом/английском/ языке, то не будет сказано вообще ничего.

В таком утверждении есть определенная доля истины. Социология стала временами без нужды бестолковой, и добрая доля ее имеет тенденцию выглядеть довольно пустой. Поле исследования содержит ответвления в новые формы технического жаргона, простирающегося от философии до математики. И люди, включая самих социологов, удивляются, если вообще говорится что-то дельное.

Тем не менее, я думаю, что против социологии выдвигаются несправедливые обвинения. И в этом она, может быть, в значительной степени виновата сама. За дымовой завесой понятий и дефиниций, философских дебатов и пространственных методологий скрыт один важный факт: в социологии существует реальная сердцевина, где сделаны весьма значимые открытия. Социология и в самом деле знает некоторые важные принципы устройства этого мира. Эти принципы не являются делом концептуализации и дефиниций. Они сообщают нам о том, почему случаются те или иные вещи, и почему это происходит скорее таким-то путем, нежели другим, и они лежат под покровом обычных верований. Эти принципы открывались профессиональными учеными, включая некоторых ведущих мыслителей прошлого; они никоим образом не очевидны.

<...> Проверкой реального знания является то, что его можно изложить так, чтобы любой мыслящий человек смог понять, о чем идет речь»¹⁰¹.

Столь же впечатляюще и ярко о способе социологического письма (о языке, на котором должен говорить социолог) пишет Чарльз Райт Миллс в приложении к книге «Социологическое воображение». Вот несколько фрагментов, прямо относящихся к нашей теме:

«Уверен, многие согласятся с тем, что свою научную работу надо представлять настолько просто и понятно, насколько это позволяет **сложность предмета и ясность ваших мыслей** (выделено мной — О. Б.). Но, как нетрудно заметить, сегодня в общественных науках доминирует напыщенный и многословный стиль. Могу предположить, что использующие его авторы думают, что подражают “физикам”, не подозревая о том, что основная масса такой литературы никому не нужна. Можно ли считать, что появление такой манеры изъясняться, которую М. Коули удачно назвал “социоязом” [Cowley], вызвано особенной глубиной и тонкостью обсуждаемых социально-политических проблем, понятий, методов? Действительно ли “социояз” так необходим для работы? <...>

В некоторых научных кругах любого, кто старается писать доступно для широкой аудитории, зачастую клеймят “просто литератором” или “журналистом”. <...> Называться “простым журналистом” для такого челове-

¹⁰¹ Личностно-ориентированная социология. — М.: Академический проект, 2004, с. 399–400.

ка — недостойно, мелко. Именно в этом, я думаю, заключается причина выработки специального языка и манеры речи (устной и письменной), овладение которой не требует большого труда. <...>

Чтобы отказаться от академической прозы, прежде надо отказаться от академической позы. Выучить грамматику с лексикой легче, чем ясно и четко ответить на следующие три вопроса: 1) насколько труден для изучения предмет вашего исследования? 2) на какой статус вы претендуете, когда пишете? 3) зачем вы публикуетесь? <...>

Социология важна лишь в той мере, в какой ей удастся понять взаимоотношения индивидов и общества, отдельных биографий и исторического процесса. Только развитие социологического воображения дает нам шанс выявить особенности условий человеческого существования, присущих нашей эпохе. <...>

2) Избегайте чрезмерно сложных ассоциаций, диссоциации понятий, мажорности в изложении. Требуйте от себя и других простоты и ясности изложения. Вводите узкоспециальные термины только тогда, когда вы твердо убеждены в том, что они расширяют границы познания, точнее отражают предметную реальность и более адекватно передают ваши мысли. Не прибегайте к невразумительности как к средству уклониться от определенности суждений об обществе и избежать оценки вашей работы читателями.

<...>

95% книг по общественным наукам прекрасно переводятся на нормальный, общедоступный язык.

Но вы вправе спросить: неужели можно совсем обойтись без специальных терминов? ... <Они — специальные термины> Конечно, нужны, но “специальные” — не значит “трудные для понимания”, и жаргон здесь просто неуместен. Если специальные термины ясны и точны, их нетрудно употреблять в контексте общедоступного языка так, чтобы для читателя был понятен их смысл¹⁰².

Продолжим про язык: качество и количество

Однако проблемы с языком (а, стало быть, и со смыслом) возникают не только и не столько, когда социолог сообщает миру о полученных результатах или о ходе своих теоретических рассуждений. Они возникают уже на этапе проектирования эмпирического исследования. Мы рассмотрим эти проблемы применительно к так называемым количественным исследованиям. Но предварительно стоит сказать несколько слов о принципиальном различии «количественных» и «качественных» исследований. В последние годы в отечественной социологии ведется оживленная дискуссия об этих методах

¹⁰² Миллс Ч. Р. Об интеллектуальном мастерстве (и социологическом воображении) // Социальная реальность, 2008, № 5

(подходах, исследованиях, парадигмах — все это сплошь и рядом употребляется как синонимы). Именно эти понятия, на мой взгляд, требуют уточнения.

Не будем рассматривать «Качество» и «Количество» как философские категории. Здесь, казалось бы, все ясно, существует море философской литературы. Остановимся на бытовании этих понятий в современной социологии и попытаемся понять, о чем идет речь. Прежде всего о том, что мы называем с помощью этих слов?

Совершенно бессмысленно разделять на качественные и количественные **научные парадигмы**. Хотя бы потому, что парадигма — это общая модель науки, «включающая общепризнанные в данной науке представления о том, какими должны быть общие подходы, теории, методы исследования и элементы мировоззрения (называемые иногда мифологией науки)»¹⁰³. Кроме того, я абсолютно согласен с А. Б. Гофманом, который говорит о том, что не может в науке одновременно сосуществовать множество парадигм¹⁰⁴.

Столь же бессмысленно делить на количественные и качественные **исследования**, хотя бы по той причине, что в любом исследовании никуда не деться от качественной определенности объекта и предмета, от качественной определенности переменных, которые в нем используются: в числе последних могут быть такие, которые легко поддаются количественной оценке и счету, но есть и такие, которые нельзя представить количественно.

Не столь категорично, но могу сказать, что и применительно к методам (особенно к методам сбора первичной информации) использование оценок «качественный» и «количественный» вряд ли принесет какую-либо пользу.

С определенной осторожностью, на мой взгляд, (который я не хочу никому навязывать) допустимо говорить о качественном и количественном подходах к исследованию. Потому, что «подход» включает в себя определенные методологические и методические принципы и нормы. И уж совершенно уверен, что следует различать качественные и количественные **данные**, качественную и количественную исходную (первичную) информацию, которую получает социолог в ходе исследования.

Количественными данными будем называть исходную информацию, которая приведена к форме удобной для счета. А это такая информация, которая фиксируется в виде шкал, хотя бы номинальных или ранговых. Стоит напомнить, что эти типы шкал по сути своей — качественные, описательные, а не измерительные.

Таким образом, количественные данные специально проектируются исследователем на стадии разработки исследования. Движение этого конструирования имеет направление от понятия (концепта) к его эмпирическим референтам (эмпирическим индикаторам). Важный элемент этого движе-

¹⁰³ В. Ф. Чеснокова Язык социологии. Курс лекций. М.: ОГИ, 2010, с. 7

¹⁰⁴ А. Б. Гофман «О теоретической социологии в России и за ее пределами» // http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=431

ния — операционализация понятий. Естественно, за качественную определенность и корректность реализации этих процедур полную ответственность несет сам исследователь. Как правило, количественные данные содержатся в форме анкетных опросов или стандартизованных интервью, в ходе которых всем респондентам предъявляются одни и те же вопросы с единообразными вариантами ответов. Это и обеспечивает возможность счета и проверки статистических гипотез.

Качественными данными будем называть исходную информацию, которая (в силу разных причин) не может быть простыми способами приведена к форме удобной для счета. Типичным примером качественных данных являются: ответы на открытые вопросы, материалы глубоких интервью, фокус групп, а также разнообразные личные документы. Трудность формализации здесь обусловлена тем, что об одном и том же разные респонденты говорят «разными словами»; на одну и ту же формулировку вопроса разные респонденты реагируют по-разному; а в личных документах каждый говорит (или — точнее — пишет) о своем, так что даже одни и те же предметы могут быть описаны по-разному и разными словами.

Таким образом, качественные данные являются «сырыми» данными, которые требуют серьезной предварительной подготовки к анализу. Движение этой подготовки: от конкретных фактов, описаний к понятиям (концептам). Или, иначе, от эмпирических референтов к концептам, то есть концептуализация эмпирических данных.

Иными словами, социолог должен быть в определенном смысле «полиглотом», т. е. владеть несколькими — как минимум, тремя — языками (вовсе не иностранными). Во-первых, обычным русским языком, на котором разговаривают все остальные люди; во-вторых, языком социологической теории (научными терминами и категориями); в-третьих, языком эмпирических (наблюдаемых, надежно фиксируемых) фактов и явлений. Мало того, он должен владеть навыками и умениями перевода с одного из этих языков на любой другой. И это проблемы отнюдь не только лингвистические, это проблемы качественной определенности того, что социолог эмпирически изучает.

Пока качественно не определено какое-либо, интересующее социолога свойство, его просто невозможно корректно ни наблюдать (неизбежны «разночтения»), ни, тем более, — измерить (или хотя бы сосчитать). Для социолога (как, впрочем, и для любого ученого) качество и количество теснейшим образом связаны, но первично именно качество, как качественная определенность, а не как оценка (хорошее или плохое качество).

У меня на руке часы. Кто мне скажет, сколько это предметов? Я утверждаю, что два: собственно часы и ремешок. Почему? Да потому, что этот ремешок я могу пристроить к любым другим часам. Его суть (т. е. качество) от этого не изменится. А часы я могу положить в карман и без ремешка. Они и в кармане будут показывать время. Правда, кто-то может возразить, что часы — это не один предмет. У часов есть корпус, стекло, стрелки, а внутри

еще много-много деталей. Так сколько же это предметов? Пока мы не договорились (на простом русском языке), что мы называем предметом (на качественном или, если угодно — на понятийном уровне), мы ничего не сможем сосчитать так, чтобы у всех получился один и тот же результат счета.

Возьмем другой, более сложный пример. Разные люди по-разному относятся к своей работе. Стоп. К работе или к труду? А какая разница (опять таки, на качественном или содержательном уровне) между работой и трудом? На основании каких проявлений (признаков, переменных) мы можем судить об отношении человека к труду? Пока мы в этом не разобрались, пока не нашли точных слов для описания, ни качественное, ни — тем более — количественное исследование просто невозможно.

При разработке программы исследования, получившего название «Человек и его работа» возник вопрос о том, как измерить такое явление, как степень вовлеченности человека в свою работу. Один из сотрудников предложил, казалось бы, очень простой индикатор вовлеченности — количество времени, затрачиваемое человеком на свою работу сверх установленного времени. Его логика была проста: если человек готов отдавать своей работе больше времени, следовательно, он в большей степени вовлечен в свою работу. Но... Он может работать сверхурочно не только потому, что вовлечен в сам процесс труда, но по той причине, что за сверхурочные часы больше платят, а ему очень нужны деньги. Или другая ситуация: у него дома очень непростая обстановка и ему не хочется идти домой — уж лучше еще немного поработать. Один из участников обсуждения этого вопроса на семинаре сектора (кстати, заместитель директора завода по кадрам и режиму) сказал, что все это глупости потому, что сверхурочные работы не предусмотрены КЗОТ, что это показатель не вовлеченности людей в процесс труда, а плохого уровня организации производства. Теперь спросим, о чем же говорит такой ясный и хорошо наблюдаемый факт, как количество добровольно проработанных человеком сверхурочных часов? Это к вопросу о **качественном** содержании самого понятия «вовлеченность в процесс труда». Какие вопросы надо задать человеку, с помощью каких именно слов, да так, чтобы нас этот человек правильно понял — это отдельная тема, до которой еще надо добраться. В этом и состоит работа социолога, который действительно хочет понять, как устроено общество и как оно существует.

О «навязывании» респондентам своего языка социологами

Поскольку этот сюжет постоянно присутствует в дискуссиях между «качественниками» и «количественниками», его нельзя обойти молчанием. Это серьезная проблема, но мировая социология нашла её решение — это так называемые пилотажные (т. е. пробные) исследования или попросту «пилотаж».

Можно, конечно, придумать много замечательных вопросов. Но это еще не значит, что вопросы эти будут адекватно восприняты и правильно поняты.

А если еще до того, как придумывать вопросы, «подслушать», какими словами люди говорят о том, что ты — социолог — хочешь изучать? А если посмотреть, как люди, которым мы собираемся задать наши вопросы, их воспринимают и понимают? Тогда и язык вопросов не будет им «навязан», не будет для них ни «чужим», ни «казенным». В этом и есть смысл пилотажа.

Беда в другом: кто из социологов сегодня проводит обстоятельные, вдумчивые пилотажные обследования? Социологи не проводят эту работу по разным причинам. Кто-то из-за лени (ведь это хлопотно и требует немало времени), кого-то сильно поджимают сроки, отпущенные на исследование, кто-то из-за излишней самоуверенности (у меня такой огромный опыт), но в основном из-за того, что нынешних социологов на соответствующих факультетах этому просто не учили или учили, но плохо.

Мало кто из выпускников социологических факультетов нынче знает, что пилотажу следует подвергать отдельные вопросы, а затем и полностью скомпонованную анкету. Кроме того, очень полезно «пилотировать» не только анкету, но и процедуры опроса. Можно, например, предложить респондентам возможные варианты ответов в виде списка, а можно в виде набора карточек, которые респондент может упорядочить по своему усмотрению или отобрать из них наиболее важные для него. Такой пилотаж поможет понять, какая из этих процедур (работа со списком или с карточками) окажется удобнее (привычнее или понятнее) для респондентов. Да и результаты применения той или другой процедуры могут оказаться очень различными. При этом нет (и не может быть) единой рекомендации, ибо все зависит от того, что именно изучает социолог, какие исследовательские вопросы решает.

Когда мы (группа «Социология и театр» при ленинградском отделении Всероссийского театрального общества)¹⁰⁵ в середине 70-х годов занимались изучением зрителей в театре, то «пилотировали» и сам процесс опроса людей в театре. Этот пилотаж помог нам понять, где следует раздавать зрителям анкеты, как они обращаются с анкетами (в какой момент и где заполняют) и т. п. В частности, мы поняли, что необходимо заранее позаботиться о том, чтобы людям было чем заполнять анкеты и для массового опроса пришлось закупить несколько тысяч карандашей и заранее заточить их. Наконец, мы поняли, что собирать заполненные анкеты надо не там, где мы их раздавали, а в каждом из обследуемых театров, необходимо искать наиболее удобные для этого места. В серьезном и профессиональном социологическом исследовании все имеет значение. И скольких бы пядей во лбу ни был социолог, все предусмотреть просто невозможно. Пилотаж здесь очень даже полезен.

И, наконец, просто необходимо в ходе пилотажного исследования провести и математическую обработку данных, хотя бы на уровне простых распре-

¹⁰⁵ См. Зритель в театре // Театр и публика. Опыт социологического исследования 1960–1970-х годов / отв. ред. В. Н. Дмитриевский. — М.: Государственный институт искусствознания, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013, с. 224–398.

делений по всем зафиксированным в опросе признакам. Теперь уже не для того, чтобы понять, как «работают» наши вопросы. Здесь важно убедиться, нет ли среди вариантов ответов таких, которые никто не выбирает или такие, в которых все респонденты выбирают один единственный вариант, или такие вопросы, от ответа на которые «уклоняется» большинство опрошенных. Даже если на первых уровнях пилотажа мы убедились, что все слова респондентам понятны и вовсе не «навязаны» им.

О смысле выборочных исследований, т. е. опять же — о языке

Приводя результаты своих исследований, социологи, как правило, утверждают, например, что среди петербургских рабочих преобладает добросовестное отношение к труду. И далее приводят конкретные цифры, скажем, такие:

Оценка отношения к труду	Доля данной группы (в %)
Добросовестное	54
Недобросовестное	32
Неопределенное	14
Итого:	100

Но ведь они не опрашивали **всех** петербургских рабочих. Наверняка, опросили лишь какую-то (относительно небольшую) их часть. Можно ли верить этим цифрам? Скажу сразу: иногда можно, а иногда — нельзя.

Ситуация, когда нет возможности опросить всех людей, или обследовать все интересующие нас объекты, характерна не только для социологии. Сельские жители перед весенним севом проверяют посадочный материал на всхожесть, чтобы убедиться в его качестве, а, стало быть, и в том, что по осени соберут хороший урожай. Если для посева у них заготовлено, скажем, 2 тонны семян, они берут совсем небольшую часть из них и проращивают. А по результатам этого опыта дают оценку всему семенному фонду.

Или возьмем массовое производство. Нет ни возможности, ни смысла проверять качество каждой из миллиона произведенных гаек. Поэтому в процессе работы, рабочий время от времени проверяет, например, каждую тысячную гайку. А затем контролер ОТК из всей партии отбирает совсем небольшую часть произведенной продукции и тщательно проверяет каждую отобранную деталь.

И в первом, и во втором случаях проверяемые множества (семена или детали) весьма однородны. Поэтому контролю может подвергаться очень маленькая часть и это не отразится на качестве оценки всего множества. Конечно, при условии, что соблюдены некоторые правила отбора, если в выборку

попали и детали, сделанные в самом начале смены, и те, что были сделаны до обеда, и те, которые пришлось на конец смены.

Таким образом, выборочные исследования применяются широко в самых разных сферах деятельности. Но, прежде чем, перейти к социологии, введем некоторые существенные понятия выборочного метода.

То, относительно чего мы должны вынести какое-либо оценочное суждение, называется **генеральной совокупностью**. Та часть генеральной совокупности, которая подлежит детальному описанию и проверке, называется **выборочной совокупностью** (или просто **выборкой**). Наше суждение будет основательным и справедливым, если наша выборка **репрезентативна** (представительна), т. е. если выборка точно (адекватно) представляет (отражает) нашу генеральную совокупность, если каждый элемент генеральной совокупности на стадии формирования выборки имел равную с другими элементами вероятность попасть в выборочную совокупность. Еще одно важное понятие выборочного метода — **основа выборки**. В одних случаях выделение основы не составляет никакого труда, — например, семенной фонд — вот он тут, что называется налицо. В других случаях основу выборки приходится специально конструировать¹⁰⁶.

Теперь вернемся к примеру про изучение отношения к труду. Совершенно очевидно, что рабочие — не гайки, и не семена — они очень разные, да и вообще каждый человек (не только рабочий) — уникален. Сразу возникает ряд простых вопросов. Во-первых, о каких рабочих идет речь: только о тех, кто трудится в промышленности, или имеются в виду и рабочие, занятые в других отраслях экономики? Во-вторых, все ли возрастные и квалификационные группы рабочих учтены и представлены в выборочной совокупности? В-третьих, какую долю в генеральной совокупности составляют труднодоступные элементы?¹⁰⁷ И представлены ли они в выборке?

Возьмем другой типичный пример. Социологи сообщают, что провели исследование занятого населения Петербурга, с целью выяснить, как это население воспринимает происходящие в городе социально-экономические перемены. Таким образом, можно подумать, что «занятое население» и есть генеральная совокупность. Но, смею утверждать, что это не точное определение генеральной совокупности. Во-первых, какое население именуется за-

¹⁰⁶ Шляпентох В. Э. Проблема качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. — М.: ЦСП, 2006. — 664 с. (В частности, см. раздел «Репрезентативность информации в выборочных исследованиях, с. 184–369).

¹⁰⁷ Под труднодоступными единицами генеральной совокупности в данном случае имеются ввиду рабочие, занятые преимущественно в ночные смены, а также работающие преимущественно «на выезде, например, сборщики и наладчики сложного оборудования, которое собирается уже у заказчика или потребителя. Ведь социологические опросы, как правило, проводятся в рабочее (дневное) время.

нятым, притом, что указано, что опрашивались люди в возрасте от 18 лет? А школьники разве не относятся к «занятому населению», разве все они — поголовно «бездельники»? Во-вторых, совершенно не ясно, включают ли исследователи в эту генеральную совокупность мигрантов, которые работают в нашем городе? Уж они-то точно «занятые» люди.

Да, еще не мешало бы уточнить, какое население Петербурга имеют в виду исследователи. Население составляют люди, которые живут в этом городе. А точнее — те, кто постоянно или временно прописаны здесь. Назовем это население «списочным» по той простой причине, что в соответствующих государственных службах имеются полные списки всех, кто прописан в Петербурге. Кстати, база данных паспортного стола милиции и является реальной «основной» данной выборки. Про списочное население известно многое: общее число жителей (оно составляет сегодня около 5 млн. чел), доля мужчин и женщин, доли разных возрастных групп, доли занятых в разных отраслях экономики и т. п.

Но, кроме списочного населения, социологи (и не только они) говорят о так называемом дневном или суточном населении города. Это люди, находящиеся в городе в течение дня (или суток) вне зависимости от того, прописаны они здесь или нет.

Соотношение этих двух видов (типов) населения представлено на рис. 1.

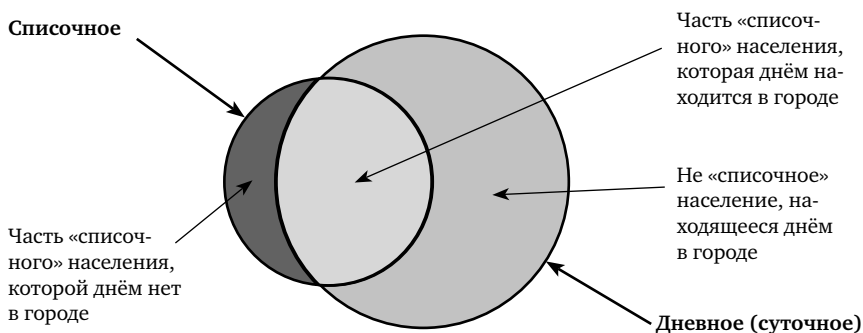

Рис. 1. Соотношение списочного и дневного населения.

С «дневным населением» все значительно сложнее, хотя бы потому, что для него не существует единой основы выборки и для того, чтобы получить представительную (репрезентативную) выборку, её (основу) еще надо сконструировать. Т. е. необходимо понять, где можно найти хоть какие-нибудь более или менее надежные и достоверные данные об этой генеральной совокупности. Частично эти данные могут находиться в отделах кадров петербургских предприятий (для тех, кто работает в нашем городе), частично

они могут находиться в журналах регистрации проживающих в гостиницах города; некоторые данные можно найти в визовых службах, которые ведут учет, приехавших в город иностранных граждан. Но какая-то часть «дневного» населения никаким образом не попадает даже в специально сконструированную основу выборки. Это те люди, которые приехали к нам в гости из других российских городов и весей: поскольку они граждане России, им не требуется никакая специальная регистрация, да и живут они в гостях у своих родственников или друзей, а не в гостиницах. Однако известно, что «дневное население» Петербурга по объему существенно превышает списочное.

Но если мы хотим выяснить, как население воспринимает происходящие в городе социально-экономические перемены, или оценить нагрузку на городскую инфраструктуру, то скидывать со счетов «дневное население» нет никакого резона. И тогда вопрос о том, какое же все-таки население принимается нами за генеральную совокупность, становится чрезвычайно актуальным. А полученные в ходе исследования, данные должны быть представительными, иначе им — грош цена.

Как видим, и здесь очень важное значение имеет язык, т. е. точное и внятное определение на качественном (содержательном, смысловом) уровне самой генеральной совокупности. Недостаточно сказать, что генеральная совокупность — это студенты. Обязательно надо уточнить, какие студенты: только ли российские или и иностранные тоже; только очной формы обучения или «вечерники» и «заочники» также входят в генеральную совокупность; только обучающиеся на бюджетной основе или те, кто учится «за свои деньги» (т. е. на коммерческой основе); всех мыслимых специальностей или только гуманитарии или, например, только «технари» и т. п. Ведь только тогда, когда Вы точно определили, что есть ваша генеральная совокупность, появляется возможность построить хорошую представительную выборку.

Конечно, представительная выборка необходима в тех случаях, когда для исследователя важно получить картину распределения тех или иных важных для него признаков и/или характеристик опрошенных, по которой можно судить обо всей генеральной совокупности.

Кроме репрезентативных, используются также и целевые выборки, когда социолог изучает фундаментальные взаимосвязи различных характеристик социальной жизни.

И, наконец, стоит особо остановиться на тех случаях, когда «генеральная совокупность» сама по себе является предметом исследования, когда в её существовании нет сомнений, но нет (и, подчас, не может быть) никаких данных о её составе (т. е. основу выборки не удастся непротиворечиво и надежно сконструировать). Например, никто не сомневается в том, что есть генеральная совокупность под именем «театральная публика». Однако, параметры этой совокупности, во-первых, чрезвычайно подвижны; во-вторых, эти параметры не фиксируются ни в государственной, ни в какой-либо иной статистике. Такие «неуловимые» генеральные совокупности характерны для

сферы культуры. Это и зрители кинотеатров, и читатели библиотек, и посетители парков и т. п. И, тем не менее, задача корректного и точного (в том числе и статистического) описания такого рода генеральных совокупностей вполне актуальна. Эту задачу назовем «обратной задачей выборки»¹⁰⁸. Замечу, что задачи этого типа присутствуют не только в социологии, но и во многих других науках. В геологии — это задача оценки мощности месторождений полезных ископаемых; в ихтиологии — задача оценки объемов популяции рыб и морских животных и т. п.

Еще несколько слов о «субъективности» социологической информации

Типичное и до сих пор не преодоленное (даже среди самих социологов) предубеждение относительно социологических данных состоит в следующем. «Люди, которые отвечают на вопросы социологических анкет, могут не только «уклоняться» от ответов, но и говорить неправду, т. е. просто врать». К этому можно добавить, что они могут не понять (или плохо понять), о чем их спрашивают; могут сказать не всю правду. Не только могут, но и *имеют на это полное право*. Ведь социолог — не следователь, он не берет с респондентов подписку о преследовании за «дачу ложных показаний».

Был период в истории, прежде всего американской, социологии, когда этой проблеме уделялось большое внимание. Разрабатывались весьма изощренные приемы достижения искренних, правдивых ответов: специальные правила компоновки анкеты, вопросы-фильтры, вопросы-«ловушки», разнообразные контрольные вопросы и т. п. Разрабатывались также специальные приемы и сложные процедуры для того, чтобы получить искренние ответы на так называемые «опасные» или интимные вопросы.

В 1978 году на русском языке вышла книга немецкого социолога Элизабет Ноэль-Нойман «Массовые опросы. Введение в методiku демоскопии»¹⁰⁹, в которой «по-деловому» говорится о «кухне» массовых опросов». Автор тщательно проанализировала весь процесс массовых социологических опросов и пришла к ряду важных наблюдений. Во-первых, социологический опрос — сложное предприятие, в котором задействовано много людей. Во-вторых, у подавляющего большинства этих людей имеется достаточная положительная мотивация для участия в этом предприятии. В-третьих, есть только один элемент (участник) этого предприятия, у которого эта мотивация или отсут-

¹⁰⁸ См. Божков О. Б... : Эта неуловимая генеральная совокупность. // Социологические исследования, № 3, 1987 г. Poleмика по поводу этой статьи — там же, № 3, 1988.

¹⁰⁹ В 2007 году эта книга была издана на русском языке после того, как Э. Ноэль вместе со своим аспирантом Т. Петерсен переработала её, оснастив более свежими данными. См. Ноэль-Нойман Э., Петерсен Т. Введение в методы демоскопии. М.: МГУКИ, 2007. — 616 с.

ствуется, или является негативной — это респондент. Своими вопросами социолог отрывает его (респондента) от насущных дел, врывается в его частную жизнь, задает вопросы, о которых человек вообще никогда не задумывается, которые лежат не только вне сферы его (респондента) компетенции, но и вне сферы актуальных интересов.

Э. Ноэль делает из этих наблюдений ряд существенных выводов. В частности, она утверждает, «что цель исследования не можем быть выражена в вопросах анкеты «прямо», что исследовательский (целевой) вопрос должен быть переведен в вопрос анкеты, обращенный к опрашиваемому. Это положение, по нашему мнению, заслуживает особого внимания социологов, поскольку от правильного понимания того, как социологическая задача, стоящая перед исследователем, «переведена» на язык респондента и преобразована в задачу, которую социолог ставит перед опрашиваемыми, зависит успех всей работы. Эти задачи неоднозначны, и тот, кто не понимает этого, допускает ошибку, проявляющуюся в качестве полученных результатов»¹¹⁰. Важнейший вывод Э. Нойман в том, что задача социолога — создать у респондента положительную мотивацию к участию в опросах. Более того, она предлагает целый комплекс мероприятий и процедур, которые и направлены на формирование положительной мотивации респондента. В частности, говорит и об оптимальной продолжительности интервью, и о корректной формулировке вопросов, не забывает и о том, что тематика опросов должна быть не только значима, но и интересна для респондентов. А если ничего этого не сделано, утверждает Э. Ноэль, то устраивать «ловушки» для респондентов — просто не этично.

Кроме анализа самого процесса (включая организационные моменты) массовых опросов, Э. Ноэль провела детальный разбор типичных ошибок, содержащихся в социологических анкетах и убедительно показала, что в большинстве случаев, сетования социологов на то, что респонденты, якобы, врут, совершенно не обоснованы. Сами исследователи не всегда отдают себе отчет в том, что же они хотят узнать, задавая тот или иной вопрос; не замечают того, что в их вопросе, подчас содержатся два, а то и три вопроса сразу, а место для ответа предусмотрено только одно; в формулировках вопросов используют научные термины, которые респонденты вовсе не обязаны знать и т. д. и т. п.

В итоге — жесткий вывод: *респондент никогда не врёт*, и «неча на зеркало пенять, коли рожа крива». Можно этот вывод переформулировать — необходимо глубже вникать в проблему, которую изучаешь, а также в психологию людей, которых намереваешься опрашивать. Эта книга, на мой взгляд, и сегодня очень актуальна для отечественных социологов, которые все еще сомневаются относительно объективности, получаемой ими социологической

¹¹⁰ Н. С. Мансуров — вступительная статья к книге: Элизабет Ноэль, Массовые опросы, М.: «Прогресс», 1978, с. 14

информации. За 40 лет работы в институте социологии, проведя не один десяток эмпирических исследований, я имел многократную возможность убедиться в абсолютной правоте этого вывода. Респондент может уклониться от ответа, может что-то забыть, может ошибиться, наконец, он может «приколоться», если социолог ему «подставился». И почти во всех этих случаях вина (если речь идет о вине) за это лежит, прежде всего, на социологе. Значит это он что-то не додумал, не предусмотрел или просморел. Но... респондент никогда не врет. Впрочем, даже если и врет — виноват в этом ни кто иной, как сам социолог.

Литература

1. Ноэль-Нойман Э., Петерсен Т. Все, но не каждый. — М.: МГУКИ, 2007. — 616 с.
2. Божков О. Б...: Эта неуловимая генеральная совокупность. // Социологические исследования, № 3, 1987 г. Poleмика по поводу этой статьи — там же, № 3, 1988.
3. Шляпентох В. Э. Проблема качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. — М.: ЦСП, 2006. — 664 с. (В частности, см. раздел «Репрезентативность информации в выборочных исследованиях», с. 184–369)
4. «Зритель в театре» // Театр и публика: Опыт социологического исследования 1960–1970-х годов, М.: Государственный институт искусствознания. Канон-Плюс, 2013 г., с. 224–398
5. Миллс Ч. Р. Об интеллектуальном мастерстве (и социологическом воображении) // Социальная реальность, 2008, № 5
6. В. Ф. Чеснокова Язык социологии. Курс лекций. М.: ОГИ, 2010, с. 7
7. А. Б. Гофман «О теоретической социологии в России и за ее пределами» // http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=431
8. Личностно-ориентированная социология. — М.: Академический проект, 2004, с. 399–400.

Вопросы к семинару

1. Основные характеристики качественных и количественных данных
2. О природе выборочных методов в социологии. Чем отличаются выборки в технике и в социологии?
3. В чем суть проблемы достоверности и надежности социологических данных?
4. Значение языка для социологических исследований.
5. Почему нельзя считать состоятельными претензии к субъективизму социологических исследований?

**ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТАЯ:
О МЕТОДИЧЕСКОМ АРСЕНАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ
ЧАСТЬ 1. ОПЫТ ЕГО СИСТЕМАТИЗАЦИИ.
ОБЪЕКТНЫЕ МЕТОДЫ.**

Несмотря на то, что методический арсенал современной социологии постоянно пополняется, методологическое (и, в каком-то смысле, теоретическое) осмысление этого арсенала остается на уровне 50-х годов прошлого века. Т. е. на уровне «высших» методологических и методических достижений американской социологии (П. Лазарфельд, Б. Берельсон, Г. Д. Лассуэл¹¹¹ и др.). В современных основательных учебниках по социологии до сих пор общее описание методического арсенала «укладывается» всего в три позиции: анализ документов, наблюдение и опросы.

Социологический эксперимент добавился несколько позже, но как добавился, так и «отпал». Впрочем, вполне обоснованно¹¹². Если психологические лабораторные эксперименты еще кое-как отстояли право на существование, то социальные эксперименты всем научным сообществом были признаны недопустимыми по гуманистическим и этическим соображениям. И даже некоторые психологические и социально-психологические эксперименты все-таки были отнесены к разряду принципиально недопустимых¹¹³.

¹¹¹ Гарольд Дуайт Лассуэл одним из первых исследует проблему количественного контент-анализа политической (в т. ч. и массовой) коммуникации; предлагает ставшую классической в социологии массовой коммуникации формулировку, согласно которой «акт коммуникации» рассматривается по мере ответа на вопрос: «КТО сообщает — ЧТО — по какому КАНАЛУ — КОМУ — с каким ЭФФЕКТОМ?»

¹¹² Сегодня мы хорошо знаем результаты масштабных социальных экспериментов, таких, как Великая Октябрьская социалистическая революция, как победа нацизма в Германии и т. п. И, наконец, на себе испытываем еще один глобальный эксперимент — «возвращение» в капитализм (а кое-где и в феодализм) на территории бывшего СССР

¹¹³ Достаточно вспомнить бурную реакцию общественности на эксперименты, в которых испытуемые «играли» роль тюремщиков и в качестве инструмента влияния на «подследственных» могли использовать электрический ток. Результаты этих экспериментов шокировали общество: значительная доля испытуемых — вполне нормальных молодых людей, заранее предупрежденных о смысле тех действий, которые находились в их распоряжении, — тем не менее, применяли смертельные дозы даже в «игровой» ситуации.

Кстати, пожалуй, только один социальный эксперимент, внес определенный позитивный вклад в развитие познания и осмысления общества. Я имею в виду знаменитый «Хотторнский эксперимент» Элтона Мэйо. Однако стоит заметить, что Мэйо не занимался социологией — он был «тейлористом»¹¹⁴, т. е. специалистом по научной организации труда, и экспериментально исследовал факторы, способствующие повышению производительности труда. Вклад Э. Мэйо в социологию состоял в том, что он обнаружил следующий важнейший факт: в наибольшей степени на повышение производительности труда в его эксперименте играли не «физические» и не физиологические факторы (освещенность, температурный режим, удобство рабочего места и т. п.). А чисто «человеческий» фактор: «человеческое» (внимательное, сочувствующее, заинтересованное) отношение со стороны экспериментаторов и руководства предприятия к тому, как чувствуют себя рабочие, участвующие в эксперименте.

Пожалуй, первым, кто не только задумался об упорядочивании и систематизации наличного методического арсенала современной социологии, но и предложил схему такого упорядочивания, был Валерий Борисович Голофаст¹¹⁵, который в 1981 году написал статью «Континуум опросных методов» (см. рис. 1)¹¹⁶. Эта небольшая публикация касалась преимущественно опросных методов.

Этот ход мысли потребовал развития, и возникла идея построить такое пространство, в котором можно было бы упорядочить не только опросные, но и другие методы, которые используются в социологии и других социальных науках. Однако сразу же выяснилось, что различие проходит вовсе не только по линии: опросные — не опросные.

Во-первых, речь должна идти не вообще о научных методах (их много, и они «обслуживают» разные этапы исследования), но исключительно о методах сбора первичной информации. Во-вторых, в одних случаях при сборе первичной информации социологи имеют дело с объектами (документы, вещи и т. п.), а в других — с субъектами, т. е. с людьми. В первом случае, социологи «работают» почти как представители естественных наук, во-втором, — существенно от них отличаются. Ибо люди обладают чувствами, предпочтениями,

¹¹⁴ Фредерик Тейлор (1856–1915) — основатель научной дисциплины «научная организация труда» в США

¹¹⁵ В. Б. Голофаст (1941–2004) — ленинградский социолог, кандидат философских наук, с 1989 года руководитель сектора социально-культурных изменений ленинградского филиала ИС РАН, создатель биографического фонда при этом институте.

¹¹⁶ Голофаст В. Б. Континуум опросных методов // Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Советско-венгерские исследования массовой коммуникации. Том III. Материалы 4-го советско-венгерского симпозиума Ленинград 2–6 июня 1980 г. — Л.: «Наука», 1981. — с. 105–111.

Таблица 1. Схема описания опросных методов (В. Б. Голофаст, 1980 г.)

Роль не важна	Роль определена исследователем				Роль — предмет наблюдения, догадки, выводы	
Наблюдение клиническое	Опросные методы				Наблюдение социальное	
Состояния, измерения организма	Зона 1	Зона 2	Зона 3		Зона 4	Действия, поступки, высказывания личности
	реакции индивида		квазиреакции	а		
	статистика однородных тестовых заданий	статистика однородных признаков (батарея индикаторов)	отдельные признаки, простейшие шкалы, естественная валидность языка			

наделяют свои поступки разными смыслами. Отсюда ясно, что другим критерием разделения методов сбора первичной информации является именно то обстоятельство, с чем (или с кем) имеет дело социолог: с объектами или субъектами.

Стало быть, среди известных методов сбора социальной информации могут быть выделены, по меньшей мере, два класса: объектные и субъектные (или интерактивные). Оба класса могут быть представлены схематично (см. рис. 2, 3-а и 3-б).

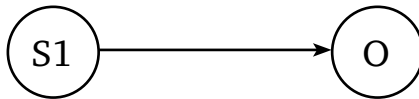
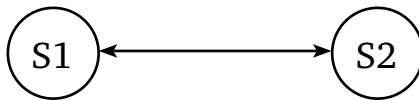
Рис. 2. Схематическое отображение объектных методов¹¹⁷

Рис. 3-а. Схематическое отображение субъектных методов: прямое взаимодействии

¹¹⁷ На рис. 2, 3-а и 3-б символ S1 — означает познающего субъекта (исследователя); символ O — объект; символ S2 — другой субъект, источник первичной информации (например, респондент), выступающий в качестве изучаемого объекта

Рис. 3-б. Схематическое отображение субъектных методов: опосредованное взаимодействие¹¹⁸

Обратим внимание на направленность стрелок в этих схемах. Естественно, на рисунке 2 стрелка направлена в сторону объекта, поскольку объект не может ничего «сказать сам за себя». Все суждения об объекте принадлежат только исследователю (S1). На рисунках 3-а и 3-б стрелки «обоюдные» — поскольку мы имеем дело с двумя чувствующими, воспринимающими субъектами S1 и S2. Стало быть и ошибки возможны, как с одной, так и с другой стороны.

Объектные методы

Рождение науки в современном её понимании, как специфического вида человеческой деятельности, датируется историками примерно с XVII века. Пожалуй, самое первое научное сообщество (как некий социальный институт) — это английское общество естествоиспытателей, более известное как Королевское научное общество Великобритании (ориентировочно — первая половина 1600-х гг.).

Члены этого общества (в основном — частные любознательные лица) преимущественно интересовались окружающим их физическим миром. Интересные сведения об этом времени сообщает в книге для детей наш современник (к сожалению, уже покойный) доктор биологических наук Лев Германович Лейбсон¹¹⁹. В этой книге речь о разгадке простейшей вещи — воздухе. Сегодня каждый школьник знает, что атмосферный воздух — это смесь газов: кислорода, углекислого газа, аргона, азота, неона, криптона, ксенона, водорода, озона и др. Но для того, чтобы выяснить состав воздуха и его основные свойства, понадобилось около ста лет. (В скобках замечу, если вам случайно (или не случайно) попадет эта книжка, прочтите её, она стоит того, в том числе, и для понимания того, что такое наука).

Интерес ученых был преимущественно направлен на устройство окружающего физического мира, они имели дело исключительно с «безмолвными» объектами. Но эти объекты много «говорили» о себе, они оказались познаваемы.

¹¹⁸ В качестве посредника здесь могут выступать: документы (например, анкета), какие-либо технические средства (телефон, компьютер, видеокамера и т. п.), а также третьи лица, например, анкетер или интервьюер. Как правило, эти элементы могут «работать» как по отдельности, так и в различных сочетаниях.

¹¹⁹ Л. Лейбсон, Разгаданный воздух. Повесть из истории химии и физиологии, Л.: «Детгиз», 1963

Но не только физики, ботаники и химики имеют дело исключительно с «немыми» объектами. Объекты, с которыми имеют дело археологи, например, также безмолвны — это захоронения, вещи, которые были изготовлены и принадлежали людям, жившим в очень далекие времена. Однако, именно с помощью этих объектов археологи рассказывают не только о том, как выглядели эти древние люди, но и об их быте, обрядах и даже взаимоотношениях. Таким образом, даже безгласные вещи могут много поведать и об обществах, которые существовали в незапамятные времена.

Но не только археологи, обращаясь исключительно к объектам, получают важную информацию о людях. Для криминалистов «вещественные доказательства» сплошь и рядом оказываются куда более надежными и достоверными источниками информации, нежели «лукавые» и не всегда точные, а иногда и просто лживые показания свидетелей. Или, взять тех же профессиональных охотников, которые по следам, по мятой траве и сломанным веткам, по экскрементам, оставленных животными, могут подробно реконструировать поведение зверей.

В рамках исторической науки есть дисциплина — источниковедение. Здесь основным объектом для ученого являются тексты — по сути дела — те же объекты. И этот класс объектов также содержит немало информации о тех, кто эти тексты произвел. И не только об авторах, но и об уровне культуры и даже об уровне производства того времени, когда эти тексты были созданы. Впрочем, и вещи могут оказаться символическими объектами.

Таким образом, бессловесные объекты много чего могут рассказать не только физику, химику или астроному, но и историку, и криминалисту, и социологу. Во время раскопок археолог почему-то одни камешки или косточки отбрасывает в сторону, а другие аккуратно складывает отдельно. Почему? Да потому, что ему показалось, что некоторые камешки являются не просто камнями, а скорее артефактами. И когда он находит такой же «не естественный» камушек притороченный к палке, его гипотеза подтверждается — этот камушек оказывается наконечником стрелы. Таким образом, объекты, интересные для исследователей общества, обладают одним существенным свойством — они являются *следами* или *продуктами деятельности* людей и имеют социальный и социологический смысл. В некотором смысле тексты тоже являются и следами, и продуктами деятельности людей. Но, кроме физических свойств, тексты обладают еще и символическими свойствами, которые также важны для исследователя.

Итак, объектами, которые являются следами и продуктами деятельности людей могут выступать как **вещи** (материальные объекты), так и **тексты**, в том числе, разнообразные документы, а также символические объекты.

Вещи

В последнее время появилось немало публикаций под рубрикой «социология вещей», преимущественно теоретического (скорее — спекулятивного) характера. Мне на память приходит только одно эмпирическое исследование,

целиком построенное на анализе вещей, его автор принципиально отказался от чем-либо спрашивать людей, хотя занимался изучением образа жизни.

Много лет назад (где-то в начале 70-х) мне попалась одна публикация об этом исследовании, в которой довольно подробно излагалась его содержание. К сожалению, тогда я нигде не записал ни источник, ни автора этой публикации? а теперь не могу её найти¹²⁰.

Суть исследования заключалась в том, что изучая образ жизни американцев в среднем городе, его автор подошел к проблеме «от обратного»: он решил анализировать мусор, т. е. материальные отходы обычной жизнедеятельности горожан. Он договорился с мусорщиками, чтобы они не просто забирали мусор из тех районов, которые он им указал, но делали по относительно простой схеме подробное описание этого мусора. Кроме обычного бытового мусора, он изучал содержание «новых поступлений» на специализированные (мебельные, автомобильные и т. п.) городские свалки. Так как вещи имеют разную продолжительность жизни, сбором эмпирических данных автор занимался несколько лет.

Один единственный случай заставил его изменить своему правилу. Около одного из домов было взято несколько пластиковых пакетов, в которых в качестве мусора оказались вещи, которые обычно среди мусора не попадались: а именно, письма, фотографии, дневники и некоторые мелкие вполне исправные вещи. Исследователь нашел этот дом и выяснил, что в этом доме жил человек, у которого после его смерти не нашлось никаких родственников: освободившееся жилье перешло в собственность муниципалитета, мало-мальски ценные вещи были проданы «с молотка», а всякие мелочи были просто выброшены на помойку.

Этот случай обратил внимание исследователя на тот факт, что есть просто вещи, но есть и то, что можно назвать семейными реликвиями, которые не просто хранятся, но передаются из поколения в поколение и поэтому крайне редко оказываются «мусором». Вещи этого класса чрезвычайно разнообразны. Это может быть прапрабабушкина ступка с пестиком (или колокольчик), это могут быть сережки или заколка для мужского галстука (не обязательно драгоценные), это может быть прапрадедушкино кресло и кухонный буфет, это может быть книга, а может быть и цветок засушенный между страницами этой книги. Но как отличить обычную чайную чашку от прапрабабушкиной, из которой уже много лет никто не пьет чай и которая является такой семейной реликвией? Автор статьи уверял, что исследователю удалось выделить ряд признаков, которые, конечно, с некоторой долей погрешности, тем не менее, позволяли идентифицировать вещи этого класса.

¹²⁰ Мне помнится, что автора этого исследования звали Майкл Рич, но не уверен, что я хорошо запомнил его имя. Попытки найти информацию об этом исследовании, и обращение к моему коллеге и другу, проживающему нынче в США Б. З. Докторову, к сожалению, не увенчалось успехом.

Кроме того, автор изначально выделил и другой класс вещей, который назвал «одноразовыми». В этот класс он включал бумажные салфетки, зубочистки, бумажные манжеты и манишки (имитирующие рубашки), затем этот класс пополнился бумажной (а потом и пластиковой) посудой, а затем и довольно сложными техническими устройствами, которые изготавливались таким образом, что они принципиально не подлежали ремонту.

В течение многих лет, наблюдая за мусором, автор пришел к важным выводам, которые показались ему тревожными, свидетельствующими о некотором неблагополучии в американском обществе. Во-первых, он обратил внимание на то обстоятельство, что доля «одноразовых» вещей постоянно увеличивается, что американское общество становится не просто обществом изобилия, но обществом бездумно расточительным. Дело не только в том, что увеличивалась доля одноразовых вещей, росла их «номенклатура». Да и сами вещи становились менее долговечными. Если на прапрадедушкином кресле скакали и кувыркались сам прапрадедушка, прадедушка, дедушка, а потом папа, а потом его дети и внуки, то современные кресла вряд ли могут выдержать такое испытание. Если раньше вещи служили много-много лет, то в XX веке срок их службы сократился на порядок. И это не просто ностальгия по «старому доброму времени», — это констатация глубоких изменений в образе жизни американцев¹²¹.

Во-вторых, исследователь пришел к выводу, что американцы в средних городах вместе со старыми вещами (и семейными реликвиями) теряют свои «корни»: их семейная и историческая память становится короче. Пока семейная реликвия (неважно, как она выглядит) находится в доме, её постоянно сопровождает семейная легенда о ней и о людях, которым эта вещь принадлежала. Когда вещь уходит из дома — постепенно умирает и легенда, а вместе с ней и память о тех людях, кто дал жизнь этим вещам и жил с ними. А вы говорите — мусор! Не просто мусор, а следы, свидетельствующие о том, как жили наши предки, как было устроено общество.

К сожалению, других, столь же глубоких и серьезных социологических исследований, основанных на объектных методах, мне обнаружить не удалось.

Впрочем, в середине 70-х — начале 80-х годов я и мой друг, и коллега Валерий Борисович Голофаст приобрели некоторый опыт, в том числе и социологического, наблюдения за вещами. Примерно два раза в год мы из личного интереса объезжали вузовские свалки, где можно было найти много полезных вещей для реализации наших увлечений¹²². С одной стороны, мы действительно, находили там много полезного: материалы для наших хобби,

¹²¹ Этот процесс превращения человека в «машину потребления» ярко описан в кн. Веркор; Коронель «Квота» или «Сторонники изобилия», Издательство: М.: Прогресс; 224 страниц; 1970 г.

¹²² Я в то время увлекался «производством мебели» для дома для семьи, и всяческим другим рукодельем, у Валерия круг увлечений был очень широк: от постройки телескопа, до ремонта часов и коллекционирования часового инструмента.

инструмент и т. п. А, с другой, наблюдали почти катастрофическую бедность и отсталость системы отечественного высшего образования. На свалке политехнического института в конце 70-х — начале 80-х гг. XX века мы находили станки и детали станков, сделанных в конце века XIX или в самом начале века XX. На свалке (физического факультета университета) мы находили микроскопы и лабораторное оборудование XVIII–XIX веков. А это значит, что еще совсем недавно (годов до 60-х XX века) студентов учили на этом и морально, и физически устаревшем оборудовании. А это, хотите или не хотите, характеристика общества, а не отдельно взятого вуза.

Опыт исследования мусора свидетельствует о том, что суть метода сосредоточена на систематизации и классификации исследуемых объектов и последующем определении частот встречаемости разных классов. В ряде отечественных исследований при изучении образа жизни социологи (в рамках традиционных анкетных опросов) интересовались вещной стороной материального благосостояния людей. Однако наборы вещей, предлагаемые для оценки, были либо чрезмерно агрегированы, либо в определенной мере случайны — содержательно (и теоретически и методологически) эти наборы слабо «прорабатывались».

Например, в анкетах были вопросы о наличии в семье мебельных гарнитуров. Но не было вопроса о том, все ли члены семьи имеют свое собственное стационарное спальное место (кровать или диван). В сравнительных (особенно межстрановых) исследованиях обычно присутствовал вопрос о том, сколько в семье имеется электрических моторов. При этом имелись в виду самые разные моторы. Например, электробритва — тоже имеет электромотор, и кофемолка, и электромясорубка и т. п. Этот показатель говорил о фондовооруженности быта и позволял сравнивать уровень и качество образа жизни людей.

Документы

С документами виртуозно работал В. И. Ленин, например, анализ статистики взносов на газеты разной политической направленности позволял ему делать убедительные выводы о социальной базе этих газет. Социология массовой коммуникации обогатила методический арсенал методом, получившим название «контент-анализ». И в том, и в другом случае мы, безусловно, имеем дело с объектными методами.

В учебниках по методам социологических исследований раздел «анализ документов», как правило, ограничивается классификацией (по разным основаниям) самих документов: официальные, неофициальные, личные; рукописные или типографские и т. п. Упоминается также, что анализ документов полезно сочетать с другими методами исследования. Но не обсуждаются вопросы отбора документов (проблема выборки), определения критериев полноты и достаточности массива документов, собственно приемов работы с документами. В этом отношении более полезными для понимания методов оказываются работы В. И. Ленина, его опыт сведения данных в таблицы и т. п.

Более детально разработан метод контент-анализа именно с точки зрения аналитических процедур. Вопросы же собственно сбора текстовых данных, формирования массива для контент-анализа, также остаются вне поля зрения авторов учебников. Тем не менее, этому объектному методу «повезло» гораздо больше и он получил широкое распространение, как за рубежом, так и в нашей стране. В 1970 году в Новосибирске прошел первый семинар, на котором обсуждались вопросы применения этого метода в отечественной социологии¹²³. В этом семинаре приняли участие около 40 ученых из Москвы, Ленинграда, Эстонии, Новосибирска и др. городов Сибири. А в 1973 году в Ленинграде прошла всесоюзная конференция, посвященная методологическим и методическим проблемам контент-анализа¹²⁴, в которой участвовали более 100 человек, представлявших практически все социологические центры СССР. В 70-е годы появилось большое количество публикаций на эти темы.

Любой текст «имеет обыкновение» отрываться от своего творца и далее жить своей собственной жизнью. Даже когда автор жив и здоров, чаще всего (особенно если читатель — посторонний для автора человек, а именно таким оказывается социолог) нет реальной возможности расспросить его об этом тексте. Текст говорит «сам за себя». Вопрос в том, о чем и о ком говорит текст. В «идеологии» контент-анализа текст говорит, прежде всего, о коммуникаторе и канале информации, об их политике, идеологии, и в меньшей степени — о том конкретном человеке, который создал этот текст. Но в какой-то степени и о состоянии социума в целом.

В последние годы в социологических кругах вошло в моду словосочетание «визуальная социология»¹²⁵, и все большее внимание социологов привлекают такие объекты для анализа, как фотографии, рисунки и другие изобразительные материалы (включая и объекты архитектуры), т. е. тексты в широком смысле этого слова. В рамках этого направления социологической деятельности (и социологического интереса) также оказывается уместным применением именно объектных методов исследования.

У объектных методов в социологии, несомненно, широкие перспективы. Но и работы здесь непочатый край. Несмотря на то, что этот класс методов, казалось бы, имеет длинную историю в естественных науках, простой перенос их в социологию вряд ли возможен. Далеко не всякие вещи должны (и

¹²³ Проблемы контент-анализа в социологии. Материалы Сибирского социологического семинара. Новосибирск, 1970. — 144 с. Сейчас эта книжка — библиографическая редкость.

¹²⁴ Методологические и методические проблемы контент-анализа (тезисы докладов рабочего совещания социологов. Вып. I, Вып. II. М. -Л., 1973. Нынче это тоже один из редких раритетов.

¹²⁵ См., например, П. Штомпка Визуальная социология. Фотография как метод исследования. Учебник. — М.: Логос, 2007. — 168 с. (Впрочем, стоит обратить внимание на неточность в названии этой книги: фотография — все-таки не метод, а скорее объект исследования — О. Б.)

могут) стать объектом социологического внимания, но лишь те, в которых отчетливо можно выделить их социальную (функциональную или структурную) составляющую, которым люди приписывают определенный социальный или социологический смысл.

Два принципиальных замечания относительно объектных методов

Первое касается таких понятий как «социология вещей» и «визуальная социология». Смее утверждать, что эти понятия неправомерны и, если они имеют отношение к социологии, то лишь косвенное. Мы уже говорили о том, что составляет предмет социологии. И «социология вещей», и «визуальная социология» не обладают ни одним из элементов этого предмета. Но что же тогда это такое?

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что это всего лишь относительно новые **объекты внимания** социолога. Действительно, вещи способны влиять на поведение людей, они способны влиять также на изменения социальной структуры общества. Об этом, в частности, говорит Мануэль Кафельс. Да, вещи — особенно способы их функционирования — много «говорят» об обществе, если смотреть на них социологически.

Точно также визуальный ряд потенциально содержит много информации именно об обществе и его состоянии в те или иные моменты времени. Но просто смешно, когда социолог путем простого описания одной единственной фотографии (так называемый метод case study) пытается судить о состоянии общества или даже о каких-либо социальных ситуациях. Замечательный польский социолог Петр Штомпка написал учебник по визуальной социологии¹²⁶. Естественно, ему пришлось привести некоторые «визуальные» примеры. Эту роль он приписал отдельным случайным фотографиям, которые по большому счету не говорят ни о чем: это просто бессмысленные иллюстрации.

Визуальный материал, безусловно, может стать источником важной информации для социолога. Но для этого его (визуальный материал) необходимо классифицировать исходя из некоей социологической (в том числе, и теоретической) концепции или проблемы; его необходимо систематизировать, доказать его типичность (не случайность); выстроить некоторый динамический ряд, который позволил бы обнаружить направленные изменения в определенных (теоретически обоснованных) социальных явлениях или процессах. Если этого не сделать, то социологически осмыслить и интерпретировать фотографии или картинки просто не получится. Если что и получится, то — «сапоги всмятку». Что мы и наблюдаем в дискурсе социологов о т. н. визуальной социологии.

¹²⁶ П. Штомпка Визуальная социология. Фотография как метод исследования. Учебник. — М.: Логос, 2007. — 168 с.

Второе замечание относится к проблеме выборки или к репрезентативности данных, которыми оперируют в рамках и той, и другой «социологии». Здесь авторы вообще даже не ставят вопроса ни о выборке, ни о репрезентативности, ни о типичности тех объектов, которые они обсуждают и пытаются встроить в социологические размышления.

Разработка принципов и критериев выборки при обращении к вещам или визуальному ряду — это очень непростая, но, думаю, вполне разрешимая проблема. Беда в том, что в современной (в том числе, и в западной) социологии этот вопрос вообще даже не упоминается. А здесь все должно быть другое. Скажем, понятие генеральной совокупности для такого рода исследований надо либо определять заново, либо обоснованно отказываться от него. Как это сделал, например, исследователь образа жизни в среднем американском городе, о котором мы говорили ранее.

В начале 90-х годов прошлого века мне довелось заниматься профессиональной ориентацией школьников, и обучать их основам такой, например, профессии, как лаборант-социолог (кстати, и сегодня никто не готовит таких специалистов, хотя потребность в них чрезвычайно высока). Я попросил своих слушателей принести фотографии их домашних альбомов, на которых были бы хорошо представлены бытовые интерьеры (хорошо бы и вовсе без людей). Когда это задание было выполнено в нашем распоряжении оказалось более сотни фотографий разных лет, представляющих интерьеры (внутреннюю обстановку жилых помещений) разных слоев общества от крестьян до военных и ученых.

Я поочередно предъявлял эти фотографии и спрашивал учащихся, как вы думаете, кто (рабочие, инженеры, учителя, военные, ученые или художники) живет в этом интерьере. По фотографиям 30–40-х годов «правильные» ответы не вызывали затруднений почти ни у кого. Фотографии 50–60-х и даже 70-х годов уже вызывали некоторые затруднения и довольно часто ответы были ошибочными. А когда дело дошло до интерьеров 80–90-х, здесь учащиеся сами поразились тому, что не было почти никакой возможности определить социальную принадлежность хозяев представленного на фотографиях жилья. Школьники сами сделали правильный социологический вывод — эти фотографии в совокупности отразили процесс унификации, стандартизации повседневной жизни, нивелирования социальных различий.

Но это была не визуальная социология, просто в качестве объекта нашего исследования были использованы случайным образом собранные фотографии, но не случайным образом представленные учащимся для оценки и анализа. Мне перед этим пришлось разложить их по годам съемки и обратить внимание учащихся на это обстоятельство. Да, на какие-то года пришлось меньшее количество фотографий, на какие-то большее. И, конечно, этот массив визуального материала — с точки зрения традиционной социологии — не был репрезентативен (да я и сейчас не знаю, как оценить его репрезентативность). Но для такого рода исследования это оказалось не так важно: существенные различия обнаружило само упорядочивание матери-

ала в хронологической последовательности. Если бы мы рассматривали эти фотографии в том порядке, в каком они случайно попадались под руки, вряд ли мы могли бы что-либо существенное заметить. Хотя занятие прошло бы и интересно, и весело.

В другой группе я усложнил задание — не говорил учащимся, когда были сделаны те или иные снимки, но просил высказать их собственные предположения о времени съемки. Результат был точно такой же, как и в первой группе.

Что еще важно в этом примере, так это то, что наше исследование можно отнести как к «визуальной социологии», так и к «социологии вещей». На самом деле внимание наблюдателей было привлечено именно к вещам, изображенным на фотографиях и составляющих бытовые интерьеры. Но выводы были именно **социологические**: по вещам мы определяли социальный статус обладателей этих интерьеров, по характеру меняющихся вещей был определен и процесс унификации быта, а, следовательно, и переход социальной структуры общества к более однородному, более «плоскому» состоянию. Здесь были явлены все элементы предмета социологии.

Литература

1. Голофаст В. Б. Континуум опросных методов //Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Советско-венгерские исследования массовой коммуникации. Том III. Материалы 4-го советско-венгерского симпозиума Ленинград 2–6 июня 1980 г. — Л.: «Наука», 1981. — с. 105–111.
2. Л. Лейбсон, Разгаданный воздух. Повесть из истории химии и физиологии, Л.: «Детгиз», 1963
3. Веркор; Коронель «Квота» или «Сторонники изобилия», Издательство: М.: Прогресс; 224 страниц; 1970 г.
4. П. Штомпка Визуальная социология. Фотография как метод исследования. Учебник. — М.: Логос, 2007. — 168 с.

Вопросы к семинару

1. В чем сущность объектных методов?
2. О чем могут рассказать вещи социологу? Найти примеры из материалов социологических исследований
3. О каких явлениях в обществе могут рассказать социологу фотографии, карикатуры, рисунки и другие визуальные материалы?
4. В чем специфика текстов, как объектов социологического анализа?
5. Каковы, на ваш взгляд, перспективы развития объектных методов в социологии?

ЛЕКЦИЯ ДЕСЯТАЯ: О МЕТОДИЧЕСКОМ АРСЕНАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ. ЧАСТЬ 2. «КОЛЬЦО ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ»¹²⁷.

В предыдущей лекции речь шла об объектных методах. Теперь рассмотрим специфику субъектных методов и продолжим опыт В. Б. Голофаства¹²⁸ по упорядочиванию и систематизации этой группы методов сбора первичной социологической информации.

«Нулевой цикл»

При любом упорядочивании чего-либо важно выбрать точные критерии. В нашем случае один из критериев очень прост, он имеет дихотомический характер: два субъекта могут взаимодействовать либо непосредственно (лицом к лицу), либо опосредованно, с помощью каких-либо посредников. Мы уже говорили о том, что в качестве посредника могут выступать: документы (например, анкета), технические средства (телефон, видеокамера и т. п.), «третьи лица» (например, анкетеры или интервьюеры — технические исполнители).

В. Голофаств вообще не учитывал этот дихотомический критерий, но использовал одновременно разные критерии, взятые, к тому же, по разным основаниям. Он пытался одновременно учесть и характер взаимодействия двух субъектов, и задачу взаимодействия (он называет её «ролью наблюдения»), и способы и формы анализа полученных данных. Мы остановились на одном критерии — степени свободы (или меры ответственности, которую берет на себя исследователь, т. е. S1). При этом степень свободы понимается достаточно широко. Однако при использовании разных методов сбора информации эта свобода ограничивается разными факторами и с разной силой. Тем не менее, можно полагать, что если эта свобода ограничивается большим числом факторов, то и суммарная степень ограничения будет больше. Если предста-

¹²⁷ Эта лекция (а точнее — тема), как правило, не укладывается в одну лекционную пару, и требует двух или трех пар (полуторачасовых занятий).

¹²⁸ Голофаств В. Б. *Континуум опросных методов // Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Советско-венгерские исследования массовой коммуникации. Том III. Материалы 4-го советско-венгерского симпозиума Ленинград 2–6 июня 1980 г.* — Л.: «Наука», 1981. — с. 105–111.

вить, что степень свободы ограничивается постепенно, то именно степени свободы исследователя и могут стать упорядочивающим критерием.

Эти два критерия: непосредственное или опосредованное взаимодействие и убывание степеней свободы исследователя и легли в основу нашей «классификации»¹²⁹. И вот что интересно. Оказалось, что подразделение методов, используемых социологами при сборе первичной информации на три класса (анализ документов, наблюдение и опрос) не отражают существенных особенностей разновидностей каждого из этих классов и не позволяют в полной мере осмыслить (осознать) природу каждого конкретного метода. Тем более, что уменьшение степеней свободы исследователя проявляется в увеличении степеней свободы второго субъекта, т. е. источника информации.

Также можно предположить, что методы, которые будут расположены дальше от начала нашего вектора, окажутся более сложными, требующими более четкой организации и большего самоконтроля со стороны исследователя (S1).

Итак, пространство, в котором мы будем упорядочивать многочисленные субъектные (или интерактивные) методы, располагается вдоль вектора степеней свободы субъекта-1 (S1). **Над** этим вектором будем помещать методы, допускающие **опосредованное** взаимодействие субъектов S1 и S2, а **под** этим вектором — методы, при которых взаимодействие осуществляется **лицом к лицу**. Таким образом, на выходе получим пространство, которое назовем: «Кольцом интерактивных (субъектных) методов» (см. схему 1)¹³⁰.

Начинаем строительство, или «Игра в пазлы»

Наша задача состоит в том, чтобы на подготовленной «строительной площадке» так разместить известные методы сбора социологической информации, чтобы не было вопиющих противоречий с заявленными принципами (основаниями). Это, конечно же, не строительство — скорее «игра в пазлы».

Еще одно предварительное замечание. Все методы, которые предстоит выстроить в определенном порядке, (по замыслу) будут описаны по единой схеме: «возраст» метода, его «происхождение», основные признаки, имманентные¹³¹ достоинства и недостатки, основные ограничения свободы субъекта

¹²⁹ Слово «классификация» взято в кавычки по той причине, что, строго говоря, это именно упорядочивание, а не классификация и тем более — не типология рассматриваемых здесь методов. Однако такое упорядочивание помогает лучше понять особенности и природу каждого метода.

¹³⁰ Конечно, во время аудиторной лекции сначала задается «пустое» пространство, а потом оно **постепенно** заполняется разными методами. Такое последовательное заполнение оказывается еще более доходчивым и становится понятным, почему, например, разновидности наблюдения находятся так далеко друг от друга в этом пространстве.

¹³¹ Имманентные, т. е. внутренне присущие, неотъемлемые, не привнесенные.

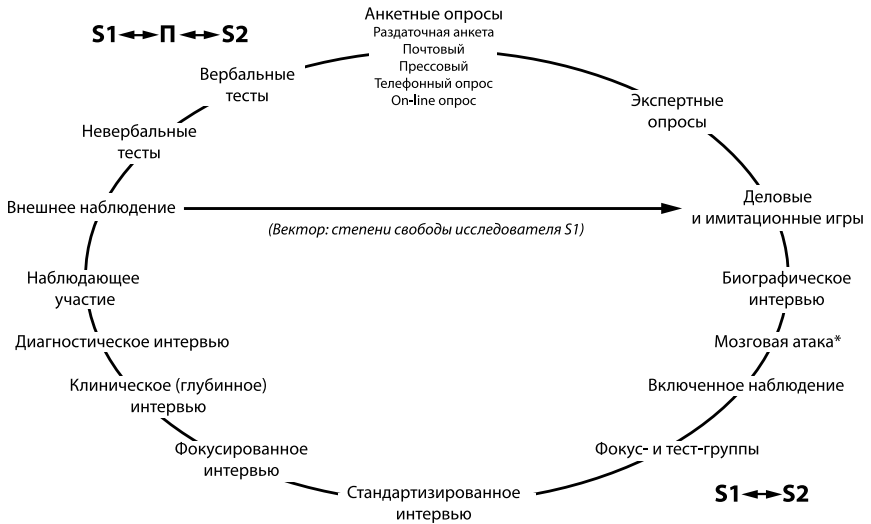

Схема 1. «Кольцо субъектных (интерактивных) методов сбора первичной социальной информации»

* Мозговая атака — один из видов экспертного опроса. Помещён здесь, так как в этом случае взаимодействие субъектов непосредственное.

екта-1. Эти признаки и определяют его место в подготовленном пространстве. Работать с этим пространством можно, начиная с любого метода. Главное — правильно определить его место. И все-таки, начнем последовательно, слева направо.

Крайнюю позицию слева (на одном уровне с вектором) занимает **внешнее наблюдение**. Люди, собственно говоря, с того и начинали познание мира, что смотрели на него. Целенаправленно наблюдение, как специфический вид поведения, использовали охотники. Затем наблюдение активно применялось в военном деле. В «мирных» целях и именно, как метод сбора информации, наблюдение начали применять путешественники и журналисты. И только в конце XIX — начале XX века — социологи.

Почему мы начинаем именно с внешнего наблюдения? Да потому, что внешний наблюдатель для успешного наблюдения не должен обращать на себя внимания. Это — исключительно его «свобода» и его ответственность.

Наверняка, вы сталкивались с простой ситуацией: человек фотографирует людей. Совершенно неважно, знакомые это люди или нет. Пока они не видят, что на них направлен фотоаппарат, они ведут себя так, как ведут. Но как только они заметили, что на них направлен объектив фотоаппарата, их поведение резко меняется. Одни начинают «приводить себя в порядок», дру-

гие пытаются спрятаться от объектива (хотя бы прикрыть лицо рукой или повернуться к вам спиной), третьи — направляются в сторону фотографа с явно агрессивными намерениями.

Можно представить иную ситуацию: Вы почувствовали, что на вас кто-то пристально смотрит. Обернулись и увидели, что некто быстро отвернулся. Уверяю вас, что с этого момента вы либо постараетесь «оторваться» от наблюдения, либо попытаетесь выяснить, что этому человеку от вас надо. Вывод здесь простой — наблюдатель (если он наблюдатель) — обладает очень низкой квалификацией, он не умеет наблюдать скрытно, не вызывая возмущения и/или нарушения привычного состояния наблюдаемого объекта (или субъекта), проще говоря, — не в состоянии контролировать и организовать ситуацию. А внешнее наблюдение — всегда скрытное наблюдение, что на охоте, что в разведке, что в журналистике, что в социологии, т. е. S2 в идеале даже догадываться не должен, что за ним наблюдают, что он выступает в качестве объекта. Именно в этом искусство и ответственность наблюдателя (субъекта 1).

Конечно, наблюдение (как метод сбора информации) всегда имеет определенную цель. Вы должны отчетливо понимать, что вы наблюдаете, что вы хотите узнать. Первый стимул к использованию наблюдения может быть случайным (или спонтанным), но второй — должен быть осмыслен исследователем, его внимание должно быть сосредоточено на совершенно определенных ситуациях, формах поведения и т. п. То есть он должен сформировать четкое представление о признаковом пространстве поля наблюдения. Он должен уметь отделять существенное и важное, от не существенного и второстепенного. Что же касается, суждений о тех или иных ситуациях, отношения самих наблюдаемых к собственным действиям и действиям других людей, то для внешнего наблюдения они практически недоступны.

Раз уж мы начали с наблюдения, обозначим и другие его разновидности. **Включенное наблюдение**¹³² — также известно с незапамятных времен. Издавна оно использовалось в военном деле (шпионы, лазутчики, агенты и т. п.) В «мирных» целях в начале и середине XIX века этот метод стали использовать те же журналисты¹³³, а в 30-е годы XX века — социологи¹³⁴. Мы,

¹³² Термин «включенное» (участвующее) наблюдение впервые был предложен американским социологом Эдуардом Линдemanом в середине 20-х годов.

¹³³ См., например, — Язвы Петербурга, Издательство: Ленинградское отделение Советского фонда культуры, 1990. Эта книга представляет собой сборник фельетонов о Петербурге из наиболее распространенных столичных газет конца XIX — начала XX в. Авторы очерков — популярные петербургские фельетонисты и репортеры — В. Михневич, А. Бахтияров, Н. Животов и др., произведения которых не переиздавались с начала XX века. Очерки объединены общей темой — бытом и нравами петербургского простонародья, описанием «дна» северной столицы.

¹³⁴ В научную практику этот метод в 1936–1939 гг. ввел американский социолог Уильям Уайт, который исследовал трущобы одного из американских горо-

конечно же, будем говорить о включенном наблюдении исключительно как об одном из социологических методов.

Как правило (и преимущественно), этот метод используется при изучении «закрытых» общностей, не заинтересованных в привлечении «чужаков» (например, национальных диаспор, криминальных групп и т. п.).

Однако, где бы ни применялся этот метод, наблюдатель никогда не выдает своего «истинного» лица: всегда разрабатывается «легенда», которая помогает наблюдателю «внедриться» в изучаемую группу. «Разоблачение» наблюдателя — это всегда не только неуспех в исследовании, но, очень часто и реальная опасность для исследователя. Особого внимания требует период адаптации в новой среде. Зато для исследователя «открываются» глубинные основания жизни закрытых общностей: не только внешнее поведение, но и его обоснование и мотивации.

Э. Петров обращает внимание на существенные особенности метода: «Как видно из названия метода, исследователи принимают непосредственное участие в деятельности той организации или коллектива, которые они изучают. Таким образом, исследователь должен постоянно балансировать две роли: участника и наблюдателя. Особенно важно избежать полного «вливания» в коллектив, когда *исследователь начинает идентифицировать себя с теми, кого изучает* (курсив и выделение мои — О. Б.)»¹³⁵.

Почему же «включенное наблюдение» на схеме мы поместили так далеко от внешнего? По той причине, что здесь свобода исследователя существенно ограничена. И условия его работы весьма специфичны.

Одна из серьезных проблем включенного наблюдателя — фиксация результатов наблюдения: они (записи, заметки) ни в коем случае не должны попасть в руки (или на глаза) членам того сообщества, куда включен наблюдатель.

Здесь нет задачи, преподать все методические тонкости современной социологии. Тем не менее, стоит упомянуть еще одну разновидность метода наблюдения. В отличие от рассмотренных ранее, эта разновидность вполне современна и имеет автора — человека, который использовал этот метод и методологически осмыслил его. Речь идет о «**наблюдающем участии**» или «познании через действие».

Предоставим слово автору этой разновидности наблюдения, Андрею Николаевичу Алексееву: «Разумеется, эта формула — всего лишь одно из выражений фундаментальной эпистемологической идеи, восходящей еще к ан-

дов. Его основные сочинения: 1) Street corner society. Chic. . 1943. 2) Man and organization. N. Y., 1959. 3) Men at work. N. Y., 1961. В нашей стране одним из первых, кто использовал этот метод был В. Б. Ольшанский, изучая ценностные ориентации и идеалы рабочих.

¹³⁵ Петров Э. П. Метод наблюдения в социологическом исследовании. (Глава 1, Глава 2) // Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн. 2. М.: Наука, 1990,

тичности. Но особенно актуализировалась эта идея в последние десятилетия. Нашим собственным вкладом и частно-научным применением столь общего тезиса (в рамках социологической науки) является, по-видимому, то, что в книге названо **наблюдающим участием**¹³⁶ (в отличие от традиционного метода включенного или участвующего наблюдения). ... наблюдающее участие предполагает исследование социальных ситуаций через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования. Причем, в отличие от известных образцов социального эксперимента, в случае наблюдающего участия новые факторы вводятся не «извне», а «изнутри» ситуации»¹³⁷.

Таким образом, принципиальным отличием этой разновидности наблюдения от описанных выше является, во-первых, тот факт, что исследователь (S1) «не прячется» от наблюдаемых (как в ситуации внешнего наблюдения); а, во-вторых, не выдает себя за кого-то иного (как в ситуации включенного наблюдения), и работает «в открытую». Более того, оставляет за собой право на известную провокацию. «Особое место здесь занимает исследовательская практика, названная нами методом **моделирующих ситуаций**. Под таковыми понимаются ситуации, отчасти организованные самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса»¹³⁸.

Не буду обсуждать достоинства и недостатки этой разновидности наблюдения, скажу только, что этот метод, кроме высокого профессионализма, требует от исследователя и столь же высокого человеческого и гражданского мужества¹³⁹.

Следующий метод — **диагностическое интервью**. Его поместим в нижней части схемы сразу за методом наблюдающего участия. Уже само название говорит о его медицинском происхождении. Впрочем, этот вид интервью характерен не только для медицины, он используется также в образовании и в криминалистике, может применяться и в других областях. Действительно, что такое школьный ответ у доски в классе, или студенческий зачет, или экзамен, как не диагностическое интервью. Разница лишь в том, что диагностируется не состояние здоровья, а состояние знаний. Или, что такое допрос следователя?

¹³⁶ Здесь и далее в цитатах — выделения шрифтом принадлежат А. Алексееву

¹³⁷ Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1 — СПб.: Норма, 2003, с. 13. См. так же А. Н. Алексеев Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: 1997. — 76 с.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Если Вы возьмете на себя труд внимательно прочесть хотя бы первый (из четырех) том книги А. Н. Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», то сможете понять справедливость данной здесь оценки.

Между ними есть много принципиально общего. Во-первых, есть два субъекта, права и обязанности (роли) каждого из них четко «прописаны» в культуре и, что особенно важно — практически безоговорочно приняты обоими субъектами. Если вам не нравится ваш участковый врач, вы имеете возможность либо пойти на прием к другому, либо вообще пойти на прием к знахарке бабе Нюре. Но суть ничуть не изменится: вам нужна помощь и вы хотите её получить. И даже если вы очень застенчивый человек, врачу или знахарке вы ответите даже на интимные, неудобные для вас вопросы. Потому, что вы приняли свою роль пациента и признали за партнером роль лекаря.

Во-вторых, диагностическое интервью основано на знании, которым обладает S1. В соответствии с этим знанием, он(а), основываясь на ваших сообщениях, выдвигает гипотезы. Последующие его (её) вопросы направлены на оперативную проверку этих гипотез. Понятно, что кроме вопросов, врач может направить вас на сдачу каких-либо анализов, он может посмотреть на ваше горло, или послушать ваши легкие. Но это уже «побочные» или дополнительные действия, без которых проверить оперативные гипотезы и поставить точный диагноз трудно, а может быть и невозможно.

И хотя для социологии диагностическое интервью не характерно, сказать о нем здесь необходимо именно для того, чтобы лучше понять фундаментальные свойства и особенности интервью, как метода познания, как метода сбора первичной информации.

Теперь на некоторое время оставим нижнюю часть схемы и перейдем к её верхней части. Примерно на уровне диагностического интервью разместим **невербальные тесты** или «тесты действия». Свое начало этот метод обретает в психологии. Его задача — изучение (измерение, оценка) различных психологических свойств человека, прежде всего, реакций на внешние раздражители. Собственно в социологических исследованиях эти тесты практически не используются.

Психологические тесты, как правило, включают серию тестовых заданий, направленных на описание, изучение или измерение какого-либо определенного психологического свойства индивида. Другое дело, что затем, обобщая результаты тестирования, можно обнаружить некоторые специфические особенности проявления изучаемого свойства у каких-либо групп испытуемых, т. е. «подняться» от индивидуальных оценок, к групповым. Опосредующим элементом выступают само тестовое задание и инструктор, который дает пояснения, как работать с этим заданием и контролирует процесс тестирования.

Простейший пример теста. На экране прибора с определенной регулярностью появляются цифры. Задача испытуемого состоит в том, чтобы определить четность, появившегося на экране числа и нажать на пульте правую кнопку, если число четное, или левую — если число нечетное. Прибор фиксирует скорость и правильность реакции, т. е. замеряет время между появлением числа на экране и нажатием кнопки испытуемым. Вторая серия ис-

пытаний чуть сложнее: на экране появляются два числа. Задача испытуемого состоит в том, чтобы определить четность суммы этих чисел¹⁴⁰.

подавляющее большинство психологических тестов предполагают индивидуальные испытания. Впрочем, есть и групповые тесты. Так, в начале 70-х годов психологи тартуского университета разработали прибор для тестовой оценки согласованности поведения в небольших (от 3 до 6 человек) группах. На металлической пластине изолятором нанесен рисунок (например, спираль). Иглу специального бегунка испытуемые с помощью веревочек должны провести по этой спирали с наименьшим числом ошибок. В случае ошибки (когда игла соскальзывает с изолятора), замыкается электрическая цепь, на бегунке начинает резким светом мигать лампочка и громко звенеть школьный звонок (который и мертвого разбудит). Естественно, эти эффекты создают у испытуемых определенный стресс. Руками трогать бегунок запрещено, но испытуемые могут общаться друг с другом, давать советы и т. п. Исследования психологов показали, что группа, которая успешно справляется с этим заданием, столь же успешно может работать и в условиях длительной изоляции (скажем, в космическом полете или в отсеке подводной лодки).

Очевидно, что субъект-1 обладает здесь большой степенью свободы: именно он создает тестовые задания, он руководит процессом тестирования. Его взаимодействие с испытуемыми носит функциональный характер, особенно если испытуемые дали добровольное согласие на участие в тестировании. Собственно их свобода этим согласием и ограничивается.

Вербальные тесты, т. е. тесты словесные ограничивают свободу субъекта-1 в большей степени и требуют учета ряда важных факторов: прежде всего, состояния культуры общества. Вербальные тесты можно квалифицировать как тесты квази-действия¹⁴¹. Наиболее популярными вербальными тестами являются IQ, тест Кеттела и ММПИ (Миннесотское многофакторное персональное интервью). На примере последнего мы и рассмотрим особенности этого метода. Дело в том, что в отличие от многих других вербальных тестов, ММПИ основан на очень простых теоретических основаниях, а в большей мере — на опыте практикующих психиатров.

¹⁴⁰ Правда, стоит заметить, что результаты второй серии могут быть интерпретированы в том же ключе, что и результаты первой, но могут свидетельствовать всего лишь о знании испытуемым правила четности. Если испытуемый знает эти правила, то промежуток времени между появлением чисел на экране и нажатием кнопки на пульте увеличится, но незначительно. Если же не знает, то этот промежуток будет существенно больше за счет того, что он сначала будет складывать эти числа.

¹⁴¹ В предыдущей лекции была приведена таблица «Континуум опросных методов» В. Голофаства. Там, в частности, употреблялись такие слова: ответы респондента, квази-ответы и т. п. Ответы на вербальные тесты могут не совпадать с реальным поведением человека в схожей ситуации, поэтому мы и говорим здесь о квази- (как бы) ответах.

Во-первых, к тому времени, когда создавался этот тест, было известно, что существует 10 психических заболеваний; во-вторых, у любого человека можно обнаружить симптомы (признаки) любого из этих заболеваний. Когда эти симптомы обнаруживаются в стрессовых (экстремальных) ситуациях — это не свидетельствует о заболевании. Но когда симптомы проявляются в обычных ситуациях, когда разные симптомы какого-либо из этих заболеваний проявляются более или менее регулярно, то человек либо предрасположен к данному психическому заболеванию, либо уже болен. Вот и все теоретические предпосылки, стоящие за этим тестом.

Однако диагностика психических заболеваний в конце XIX — начале XX веков представляла большую проблему для психиатров. И когда в конце XIX века было создано американское психиатрическое общество, одной из первых своих задач это общество посчитало облегчение и совершенствование диагностики психических заболеваний. Была создана рабочая группа для решения этой задачи. Члены этой группы предложили членам общества (практикующим психиатрам) взять 10 листов бумаги, на каждом из них написать название одной из десяти известных болезней и под этим названием выписать симптомы, которые позволяют им ставить именно этот диагноз.

Поскольку проблема точной диагностики волновала всех участников этой работы, то эксперты (практикующие психиатры) отнеслись к ней вполне серьезно. В результате был создан список, содержащий несколько тысяч симптомов. Упорядочив этот список (по заболеваниям и по частоте упоминаний), члены рабочей группы разослали их экспертам с просьбой оставить в списке по 50 симптомов на каждое заболевание, которые, по их мнению, оказываются наиболее эффективными для диагностики. Это была первая итерация. В конечном счете, список был доведен до тысячи симптомов (примерно по 100 на каждое из 10 основных психических заболеваний).

Но ведь эксперты описывали эти симптомы весьма пространно. Эта тысяча симптомов занимала больше десятка страниц, и работать с этим списком было чрезвычайно трудно. Тогда решили переформулировать описание этих симптомов в дихотомические вопросы, на которые нужно было дать ответ «да» или «нет». В первом варианте, который был допущен к клиническим испытаниям, содержалось около 800 вопросов. (Т. е. около 200 симптомов оказалось невозможно привести к форме дихотомического вопроса). После клинических испытаний в каноническом тесте осталось 656 вопросов, требующих простого ответа «да» или «нет». Естественно, в одних случаях ответ «да» свидетельствовал о наличии данного симптома, а в других случаях об этом свидетельствовал ответ «нет». Поэтому к списку вопросов прилагался «ключ».

Клинические испытания показали, что вопросник дал возможность построить 10 основных надежных диагностических шкал (по числу заболеваний), заметно повысивших точность их диагностики. Но, кроме основных, психиатры, построили еще более 200 дополнительных шкал, которые дали

возможность оценить (измерить) отдельные психологические характеристики пациентов. Итак, этот тест, созданный на базе английского языка, оказался весьма эффективным инструментом диагностики психических заболеваний и оценки психологических черт человека. Применяются разные формы работы с тестом: либо его заполняет самостоятельно сам пациент, либо заполнение происходит в форме опроса: врач задает вопросы и фиксирует в бланке ответы пациента. Таким образом, здесь имеем дело, как и в первом случае, с комбинированным посредником между S1 и S2.

Вдохновленные эффективностью американского теста европейские психиатры с энтузиазмом перевели вопросы теста на соответствующие языки и... тест перестал работать. Пришлось вернуться к исходному описанию симптомов, и их переводить на соответствующие языки, а затем уже самостоятельно приводить их к форме дихотомических вопросов на языке соответствующей страны. Эта процедура получила название адаптации теста. Во многих европейских (и не только европейских) 50-е — 60-е годы психиатры и психологи активно занимались адаптацией этого теста.

И дело здесь в том, что за каждым языком стоит *другая* культура. Скажем, в русском языке есть не более полутора десятка слов, обозначающих снег. А в языках народов севера для обозначения снега существует около сотни слов. Когда мы хотим сказать, что человек делает глупость, мы говорим: «Ты бы еще прошлогодний снег поискал!». А в языках северных народов, живущих в заполярье, есть специальное слово, обозначающее именно прошлогодний снег. Потому что прошлогодний снег в заполярье — это реальность, и он обладает свойствами, которых нет у свежего снега.

Или другой пример, в русском языке есть менее десятка слов для обозначения верблюда, тогда как в арабских языках их больше полусотни. А для обозначения основного корма верблюдов — верблюжьей колючки — в арабских языках более сотни слов. Еще пример, в русском языке очень мало слов для обозначения цветов и их оттенков: подавляющее большинство таких слов заимствовано русским языком из других языков (арабского, французского, индийского и т. д.).

И вот пример из опыта адаптации теста ММРП к русскоязычной культуре. В первом варианте русскоязычного теста (ориентировочно начало 1970-х) среди вопросов был и такой: «Любите ли Вы охотиться на львов в Африке?». Как бы человек не ответил — он, определенно, не очень здоров. Ответ «да» — а где это Вы, любезнейший, успели полюбить это занятие? Ответ «нет» — а когда это Вы, любезнейший, сумели разлюбить это занятие и почему? И такого рода несурзностей в первом варианте русскоязычного теста было немало. Теперь их уже нет, и русскоязычный тест работает не хуже англоязычного.

В социологических исследованиях, конечно же, вербальные тесты такого типа и такого уровня не используются (очень уж «дорогое» удовольствие, да и дисциплина, и теоретические её основания совершенно другие). Функции вербальных тестов в социологии выполняют проективные (или проектив-

ные, т. е. условные) вопросы и их блоки. Такие вопросы начинаются со слов «Представьте, что...». Впрочем, есть специалисты, которые разрабатывают для социологии относительно короткие вербальные тесты, содержащие блоки (не более 30–40) вопросов. Так, широко используются в социологии методики «локус-контроля» (или контроля ответственности), для исследования социальных установок и ценностных ориентаций в форме вербальных текстов. Например, в исследовании «Ваша семья» (1978)¹⁴² использовался следующий блок вопросов (своеобразный вербальный тест):

Как, по вашему мнению, нужно вести домашние дела?

Кто-то один должен управлять всеми домашними делами

Все домашние дела нужно распределять поровну между всеми членами семьи

Всеми домашними делами должна руководить женщина

Всеми домашними делами должен заведовать мужчина

Каждый должен делать дома только то, что ему нравится

Каждый должен делать дома то, что нужно другим членам семьи

Нет дел в доме только мужских или только женских

Любую проблему в семье супруги должны решать только вместе.

Каждое суждение сопровождалось однотипной шкалой согласия следующего вида:

- Совершенно неправильно
- Пожалуй, неправильно
- Это так и не так
- Пожалуй, правильно
- Совершенно правильно.

Результаты обработки этого блока вопросов (теста) позволили выявить доминантную ориентацию на традиционные или современные семейные ценности.

Анкетные опросы

С анкетами человек сталкивается часто. Даже для получения свидетельства о рождении нового человека, его родители заполняют анкету, т. е. официальный бланк, куда надо вставить свои данные и данные о ребенке. А потом — разные государственные и негосударственные службы опрашивают нас бесчисленное множество раз, и каждый раз мы заполняем разнообразные анкеты. Поэтому не очень понятно, почему анкетный опрос считается *социологическим* методом.

Пожалуй, первый анкетный опрос, который упоминается в исторической литературе, состоялся в Китае чуть ли не в третьем веке до нашей эры, когда

¹⁴² Голофаст В. Б. Социология семьи. Статьи разных лет. СПб.: Алетейя, 2006. — с. 220–233

один из китайских императоров решил узнать, сколько же у него поданных и приказал провести перепись населения. Естественно, ни о какой социологии тогда и речи не было.

И все-таки не только в массовом, но и в профессиональном сознании социология четко ассоциируется именно с анкетными опросами, хотя «родина» этого метода — государственное управление в любых его формах. У разработчика анкеты (S1) много степеней свободы, но немало и ограничений. Кстати, сам метод является источником этих ограничений¹⁴³. На схеме 1 центральное место этому методу отводится по ряду причин. Во-первых, это действительно самый популярный среди социологов метод (хорошо это или плохо — другой вопрос). Во-вторых, как видно по нашей схеме, у него много разновидностей. В-третьих, социологические анкеты существенно отличаются от анкет, исходящих от бюрократии. И, наконец, в-четвертых, и по избранному критерию, этот метод, с моей точки зрения, должен находиться именно в этом месте на схеме.

В подавляющем большинстве случаев анкета заполняется респондентом самостоятельно и сама анкета выполняет функцию посредника между S1 и S2.

Раздаточная анкета получила свое название потому, что её действительно раздают респондентам анкеты, которые дают также необходимые пояснения и инструкции. Каждый анкетер получает как называемое квотное задание или список респондентов, которых он должен опросить. Таким образом, опрос с помощью раздаточной анкеты позволяет заранее четко планировать выборку и оперативно получать большие объемы репрезентативных данных.

Почтовый опрос. Из этого названия с очевидностью следует, что анкета доставляется респондентам по почте. Мировой опыт свидетельствует о том, что простая рассылка анкет по почте, обеспечивает возврат порядка 30% анкет. Понятно, что в этом случае контролировать процесс опроса значительно труднее, чем при раздаточной анкете. И, тем не менее, в мировой практике выработан ряд процедур, который позволяет значительно повысить возврат анкет. Обобщение и обогащение этого опыта содержится в небольшом препринте, который вышел в Ленинграде в 1986 году под грифом Института социально-экономических проблем АН СССР¹⁴⁴.

Но, кроме определенных технических и организационных приемов, существенным фактором повышения эффективности этого метода является актуальность тематики самого опроса. В 1988–1989 гг. по заказу Союза Финских

¹⁴³ Об этом мы говорили на предыдущем занятии, когда речь шла о достоверности и надежности социологической информации, которую мы получаем непосредственно от людей (респондентов). Естественно, речь идет об анкетах, которые не содержат тех ошибок, о которых говорила Элизабет Ноэль-Нойман — мы имеем в виду профессионально и квалифицированно разработанные анкеты.

¹⁴⁴ Докторов Б. З. Подготовка и проведение почтового опроса. (Препринт). Л., 1986.

предпринимателей мы проводили исследование, которое назвали «Что Вы знаете о Финляндии?» и решили провести его с помощью почтового опроса. Поскольку опрос проходил среди ленинградцев и жителей Выборга (вблизи от границы с Финляндией), мы решили, что почтовый опрос будет наиболее адекватным этой теме методом. И не ошиблись: тема оказалась настолько актуальной, что возврат анкет по почте составил более 80 %. Более того, примерно через полгода после того, как мы уже обработали материалы этого исследования, мы получили еще около 12 % анкет. Оказалось, что в момент рассылки анкет, эти люди были в длительных командировках или в отпусках, а вернувшись, получили наши анкеты и тут же ответили на все вопросы и прислали нам свои анкеты. Таким образом, суммарный возврат анкет составил около 92 %.

Прессовый опрос¹⁴⁵, т. е. опрос, в котором анкеты публикуются в средствах массовой информации (СМИ), газетах или журналах. Первое существенное ограничение свободы исследователя — количество вопросов, которое можно включить в прессовую анкету (особенно через газеты, которые имеют ограниченную площадь). Второе ограничение состоит в том, что тема исследования должна соответствовать основной тематике издания. Третье, и, пожалуй, самое главное — с помощью прессовых опросов очень трудно получить репрезентативные данные: «естественные» выборки прессовых опросов, как правило, оказываются «скошенными»: во-первых, в сторону лиц более солидного возраста; во-вторых, в сторону женщин (они — активнее мужчин отвечают на вопросы анкет) и, наконец, в третьих, на прессовые анкеты реагируют наиболее активные и наиболее радикально настроенные граждане.

Здесь исследователь практически лишен возможности эффективно контролировать сам процесс опроса. Тем не менее, и здесь есть надежный инструмент воздействия на респондентов — актуальная для них тематика. В 1983–1984 гг. мы проводили опрос ленинградцев по чрезвычайно актуальной проблеме: «Жилище — 2000» (научный руководитель исследования — В. Б. Голофаст). И опубликовали одну и ту же анкету в двух городских газетах («Ленинградская правда», орган ОК КПСС, и «Вечерний Ленинград», орган ГК КПСС). Аудитории этих газет пересекались, но не совпадали. Кроме того, в Ленинграде в то время выходили еще несколько газет: молодежная газета «Смена», газета «Ленинградский рабочий», газета ленинградского военного округа «На страже Родины» и газета управления внутренних дел «Ленинградская милиция», которая имела довольно широкую подписку. Проанализировав социальную структуру подписчиков всех этих газет, мы пришли к выводу, что для того, чтобы получить удовлетворительную репрезентацию городского (списочного) населения, достаточно аудиторий именно двух газет, которые названы выше. И, действительно, в течение очень короткого времени мы

¹⁴⁵ Все, что сказано ниже имеет прямое отношение и к опросам с помощью электронной почты (e-mail)

получили более 12 тысяч полностью заполненных анкет. Конечно, эта выборка тоже была «скошена», но большой объем позволил с минимальными потерями «отремонтировать» её (т. е. привести её в соответствие с параметрами генеральной совокупности — «списочного» населения Ленинграда) и получить право на распространение результатов опроса на все население Ленинграда (в обработку было принято более 10 тыс. анкет).

Телефонный опрос. Первое ограничение для использования данной разновидности опроса — не везде есть телефон, но даже там, где телефоны в принципе есть, телефонная связь не везде устойчива. Второе существенное ограничение — продолжительность опроса по телефону (это эмпирически установлено) не может продолжаться более 15–20 минут. Третье состоит в том, что респондент в любую минуту может прекратить разговор — просто бросить трубку.

Несомненное достоинство этой разновидности опроса состоит в том, что если при этом используются современные машинно-программные комплексы типа САТИ или BellWev, удается избежать массы рутинных операций (кодирования, ввода данных), а, стало быть, и лишних ошибок. Кроме того, при использовании таких комплексов заметно сокращаются сроки проведения опроса

Кстати, в 1989 году, когда мы в Хельсинки представляли результаты своего исследования «Что Вы знаете о Финляндии?», после того, как журналисты разошлись с брифинга, мы остались один на один с финскими и шведскими социологами. Наконец-то, состоялся серьезный профессиональный разговор. Зашла речь и о телефонных опросах. Наши западные коллеги высказывали много сомнений в достоверности результатов телефонных опросов. Должен сказать, что нам удалось убедить их в том, что дело не в способе общения, а в квалификации исследователей-социологов, в том, насколько корректно составлены вопросы, насколько учтен в самой методике менталитет потенциальных респондентов, насколько квалифицированы и корректны анкеты.

On-line опросы — опросы через интернет. Если еще относительно недавно его распространение было ограничено по причине низкой доступности интернета для большинства российских пользователей, сегодня это препятствие энергично преодолевается за счет прогресса компьютерной техники, и современных средств связи. К сожалению, еще не преодолено другое препятствие — низкая квалификация тех, кто прибегает к on-line опросам, а также возможность (не всегда умышленной) фальсификации, полученных таким образом данных. К числу типичных ошибок можно отнести, прежде всего, длительность предъявления анкеты на сайтах. Когда анкета «висит» на сайте больше месяца, доверие к результатам весьма сомнительно. Нет уверенности, что на анкету ответило, указанное счетчиком число респондентов: наверняка, кто-то ответил на неё не один раз (память-то у нас — «девичья», кто же точно вспомнит, что именно эту анкету уже заполнял). Во-вторых, авторы on-line анкет часто ошибаются с определением типа признака: для многоаль-

тернативных признаков задают формат «радио-кнопки» вместо формата «логическое поле» или не оставляют достаточного места для ответа на открытые вопросы.

Тем не менее, у этой разновидности анкетных опросов видится богатая перспектива.

Специфический сюжет — **экспертные опросы**. Задумаемся над смыслом слова «эксперт». Это не просто специалист, это — специалист самой высокой квалификации. Врачей у нас в стране сотни тысяч, но когда медики встречаются с действительно сложным случаем, созывается консилиум, на который приглашают самых квалифицированных, самых опытных врачей соответствующих узких специализаций — экспертов. Должен заметить, что эксперт — «довольно редкий зверь». Поэтому, если социолог заявляет, что он проводит экспертный опрос, он обязан четко сформулировать критерии, которые позволяют ему того или иного специалиста считать экспертом. Это первое и очень важное ограничение свободы субъекта-1. Другая особенность экспертного опроса состоит в том, что при общении с экспертами (высококвалифицированными специалистами из других областей деятельности) социолог должен найти с ними такой язык, который будет понятен и социологу, и эксперту, работающему в другой области. Иначе это будет диалог глухих.

Третья особенность экспертного опроса: взаимодействие с экспертами практически никогда не бывает одномоментным, но — в идеале, — всегда разворачивается, как определенная последовательность шагов. Эксперт по своему статусу (по квалификации, по уровню знаний), как минимум, равен, привлекающему его к сотрудничеству, социологу. Его нельзя использовать «в темную», он должен знать, что хочет исследовать социолог, понимать, какую именно помощь он может оказать социологу, какие именно профессиональные знания он для этого должен актуализировать.

И, наконец, четвертая особенность экспертного опроса состоит в том, что эксперты (в силу своей уникальности) каким-то образом распределены на территории нашей необъятной Родины и практически нет возможности собрать их в одном месте. Поэтому (для оперативности) экспертные опросы — это, как правило, опосредованное взаимодействие между двумя субъектами (с помощью почты или — теперь — по электронной связи).

В начале перестройки нам с И. И. Травиним¹⁴⁶ довелось участвовать в проекте под руководством В. С. Глазычева¹⁴⁷, посвященном социальным аспектам градостроительства. Мы решили, что экспертный опрос для этого проекта —

¹⁴⁶ Игорь Иванович Травин, к. ф. н., в то время зав. сектором социальной структуры и образа жизни СИ РАН

¹⁴⁷ Вячеслав Леонидович Глазычев (26 февраля 1940 — 5 июня 2012) — доктор искусствоведения, профессор Московского архитектурного института, Был секретарём правления Союза архитекторов СССР, ведущим научным сотрудником Научного центра теории и истории архитектуры и градостроительства.

наиболее адекватный метод. В качестве экспертов были избраны главные архитекторы крупных городов, а также директора и главные архитекторы институтов, разрабатывающих именно градостроительные проекты. Однако в число экспертов не включались руководители отраслевых институтов, таких как «Ги-проникель», «Гипробум», «Гипроинжпроект» и т. п. Кроме того, были использованы некоторые дополнительные критерии, в частности, наличие у экспертов не менее десяти лет стажа именно в области градостроительства и т. п.

На первом этапе были разосланы очень простые анкеты, которые должны были помочь сформировать корпус экспертов. На втором этапе (уже только экспертам) было разослано информационное письмо, в котором излагались основные программные положения проекта, и просьба дать согласие для участия в нем именно в качестве экспертов. На третьем шаге эксперты получили первые содержательные вопросы и задания. В частности, мы просили экспертов нарисовать план-схемы их городов и провести зонирование по разным основаниям: историческим, функциональным, географическим и т. п. . И только на четвертом этапе экспертам были заданы конкретные вопросы по главной теме проекта. Но и на этом работа с экспертами не заканчивалась.

Несколько иначе строилась работа с экспертами в исследовании театральной жизни Ленинграда (1974–1988 гг.)¹⁴⁸, здесь собирать вместе экспертов — театральных критиков и театроведов — не было необходимости.

Однако экспертный опрос может найти место и в нижней части схемы 1, это, в частности, **Метод мозгового штурма** (мозговой штурм, мозговая атака, англ. *brain storming*) — оперативный метод решения проблемы на основе стимулирования творческой активности, при котором участникам обсуждения предлагают высказывать как можно большее количество вариантов решения, в том числе самых фантастичных. Затем из общего числа высказанных идей отбирают наиболее удачные, которые могут быть использованы на практике.

Правильно организованный мозговой штурм включает три обязательных этапа. Этапы отличаются организацией и правилами их проведения:

Постановка проблемы. Предварительный этап. В начале этого этапа проблема должна быть четко сформулирована. Происходит отбор участников штурма, определение ведущего и распределение прочих ролей участников в зависимости от поставленной проблемы и выбранного способа проведения штурма.

Генерация идей. Основной этап, от которого во многом зависит успех всего мозгового штурма. Поэтому очень важно соблюдать правила для этого этапа:

Главное — количество идей.

Полный запрет на критику и любую (в том числе положительную) оценку. Необычные и даже абсурдные идеи приветствуются.

Группировка, отбор и оценка идей. Этот этап часто забывают, но именно он позволяет выделить наиболее ценные идеи и дать окончательный результат

¹⁴⁸ См. труды группы «Социология и театр» при ЛО ВТО.

мозгового штурма. На этом этапе, в отличие от второго, оценка не ограничивается, а наоборот, приветствуется. Методы анализа и оценки идей могут быть очень разными. Успешность этого этапа напрямую зависит от того, насколько «одинаково» участники понимают критерии отбора и оценки идей.

Для проведения мозговой атаки обычно создают две группы: участники, предлагающие новые варианты решения задачи; члены комиссии, обрабатывающие предложенные решения.

В процессе мозгового штурма, как правило, вначале решения не отличаются высокой оригинальностью, но через некоторое время типовые, шаблонные решения исчерпываются, и у участников начинают возникать необычные идеи. Ведущий записывает или как-то иначе регистрирует все идеи, возникшие в ходе мозгового штурма. Затем, когда все идеи высказаны, производится их анализ, развитие и отбор. В итоге находится максимально эффективное и часто нетривиальное решение задачи.

Успех мозгового штурма сильно зависит от психологической атмосферы и активности обсуждения, поэтому роль ведущего в мозговом штурме очень важна. Именно он может «вывести из тупика» и вдохнуть свежие силы в процесс.

Изобретателем метода мозгового штурма считается Алекс Осборн, сотрудник рекламного агентства BBD&O¹⁴⁹.

В социологии этот метод может быть чрезвычайно полезен вначале исследования при формировании общего замысла, если проблема, которую вы собираетесь исследовать, имеет еще очень размытые контуры и скорее ощущается, нежели четко осознается исследовательским коллективом.

В отличие от экспертных опросов **деловые и имитационные игры** не требуют тщательного отбора экспертов, но личное взаимодействие всех участников является обязательным. В начале 80-х годов прошлого века деловые и имитационные игры вошли в моду и были очень популярны. Их основная функция состояла не столько в исследовании той или иной социальной проблемы, сколько в организации ускоренного и интерактивного обучения. В структуре этих игр субъект-1 («игротехник») выполнял скорее функцию диспетчера и контролера за соблюдением правил игры, выработанных самими участниками.

Интервью

Клиническое (или глубокое) интервью. Как специфический познавательный метод этот тип интервью сформировался в рамках психологии, психиатрии и психоанализа в конце XIX — начале XX вв. В этих научных дисциплинах глубокое интервью выполняло, прежде всего, задачу обнаруже-

¹⁴⁹ Для лаконичности здесь использован интернет-ресурс Википедии: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F2%E4_%D7%E3%E2%E3%E8%F2%F3%F0%E0

ния причин психологических (и психических) расстройств. В определенном смысле — оно обладает всеми признаками диагностического интервью, с той лишь разницей, что жалобы пациента, как правило, не очень внятно сформулированы, и субъект-1 не располагает необходимой и достаточной информацией для выдвижения обоснованной гипотезы, которую можно было бы проверить. Поэтому он свободен, как в формулировке вопросов, так и в их последовательности. Кроме того, он непременно должен учитывать и манеру разговора пациента, и его лексический багаж, и привычный для него способ общения. Таким образом, каждое такое интервью оказывается уникальным и неповторимым.

Конечно, у социологов, взявших на вооружение этот метод, задачи другие. Думается, их в этом методе прельстили именно многие степени свободы, возможность в «свободном полете» улавливать нестандартные, своеобразные точки зрения и позиции респондентов. И хотя многие авторы утверждают, что использовали в своем исследовании глубокое интервью, думаю все-таки, что этот тип интервью в социологии встречается крайне редко. В подавляющем большинстве случаев под этим именем выступает другая разновидность, а именно **фокусированное интервью**.

Эта, последняя, разновидность интервью родилась также в недрах психоанализа и представляет собой как бы второй шаг в работе психоаналитика. Если ему на стадии глубокого (клинического) интервью удалось выдвинуть определенную гипотезу относительно причин психического расстройства пациента, он **фокусирует** свое внимание именно на них. Естественно, степеней свободы здесь меньше, прежде всего, они ограничиваются тематической ориентацией. В отличие от психоаналитика, внимание социолога всегда априори сфокусировано на определенной проблеме. Не случайно в книге С. А. Белановского, адресованной именно социологам, которая называется «Глубокое интервью», речь в основном идет о фокусированном интервью. Так что содержание этой книги не соответствует её названию, хотя она, безусловно, заслуживает самого пристального внимания.

В первых главах книги Белановский сетует на пренебрежительное отношение к так называемым качественным методам, которые воспринимаются как дополнительные (подготовительные) по отношению к количественным. Однако в последней главе, тем не менее, рекомендует использовать глубокое интервью «для повышения адекватности количественного инструментария» в качестве пилотажа опросных методик.

Следующая разновидность — **стандартизованное интервью** — первоначально и являлось именно такой, вспомогательной процедурой, которая основываясь на «жесткой» анкете дополнялась наблюдением за реакциями респондента, возможностью задавать уточняющие вопросы. И, тем не менее, степени свободы исследователя здесь ограничены пилотируемой (отрабатываемой) анкетой: вопросы он обязан задавать в одних и тех же формулировках, в одной и той же последовательности всем респондентам.

Впоследствии функция пилотажа как бы утратила свое доминирующее значение, и стандартизованное интервью приобрело самостоятельный характер. Этому способствовали два обстоятельства: во-первых, усложнение исследовательских задач (кстати, не всегда оправданное), а, во-вторых, «жадность» исследователя (часто весьма обоснованная)¹⁵⁰. В этой ситуации анкеты оказывались перенасыщенными информацией и выглядели как объемистая брошюра (до 30–40, а то и больше страниц). Ни один нормальный человек был не в состоянии самостоятельно и добровольно заполнить такие анкеты, а отказать анктеру, который находится «при исполнении» для вежливого человека как-то неловко. Конечно, я слегка утрирую ситуацию. Тем более, что стандартизованные интервью (как основной метод сбора первичной информации) применялись не только отечественными, но и западными социологами.

В качестве примера, сошлюсь на исследование 1974 года «100 вопросов о Вашей жизни», проведенное в Ленинграде под руководством А. Н. Алексеева именно с помощью стандартизованного интервью¹⁵¹. Методика занимала 106 страниц, опрос одного респондента продолжался в среднем 1,5–2 часа (самое короткое интервью уложилось в 50 минут, самое долгое заняло более шести часов). Правда, стоит отметить, что в этом исследовании, кроме основных задач, решались задачи и методического характера. Впервые в этом интервью традиционные вопросы о частоте поведения задавались респондентам в форме «лесенки», которая строилась следующим образом:

«86. а) Сколько раз Вы были в кино:

за последнюю неделю

(т. е. за последние 7 дней)?

_____ раз. Ни разу

(если ни разу} за последние 2 недели?

_____ раз. Ни разу

(если ни разу) за последний месяц?

(если ни разу) за последние 3 месяца?

_____ раз. Ни разу

(если ни разу) Припомните, пожалуйста, когда

в последний раз Вы были в кино.

б) Обычно Вы бываете в кино:

¹⁵⁰ В советское время, чтобы получить доступ к респондентам (разрешение), социологи должны были пройти много инстанций. Поэтому, получив это разрешение и не будучи уверенными в том, что в скором времени снова смогут его получить, они были вынуждены действовать по незатейливому принципу, формулировку которого я вычитал в одном из девичьих альбомов 50-х годов: «Ура! И мы в альбом попали! Пиши рука, пиши нога! Пока нас в шею не прогнали».

¹⁵¹ Было получено 501 интервью в трех районах Ленинграда. Опрос проходил на дому у респондентов. Дома и квартиры отбирались по специальному алгоритму случайным механическим образом.

Чаще. Реже. Примерно столько же
в) 3 года назад Вы бывали в кино:
Чаще. Реже. Примерно столько же»¹⁵².

Очевидно, что и респондентам существенно легче вспомнить события последних дней и недель, и исследователь получает более точное представление о частоте и периодичности разных форм поведения. Были в этой методике и другие новации, которые затем неоднократно использовались при разработке анкет для массовых опросов.

В исследованиях образа жизни социологи традиционно задают вопрос о наличии и размерах домашней библиотеки, предлагая при этом произвольно сформулированную интервальную шкалу, каждая позиция которой является интервалом «от... до». Начиная это исследование, мы подумали о том, что вряд ли кто-либо из нормальных людей когда-либо пересчитывал книги в своей библиотеке. Следовательно, ответы на вопросы такого рода всегда очень и очень приблизительны, что называется «от фонаря». Чтобы получить более точную информацию было решено «помочь респондентам» в определении объема их личных библиотек. С этой целью мы сосчитали, сколько книг в среднем помещается на погонном метре обычной книжной полки, оказалось — около 40. Поскольку отечественная промышленность выпускала книжные полки, книжные шкафы и серванты (часто используемые для хранения книг) трех основных типоразмеров: 94 см., 104 и 114 см. мы договорились, что все их будем считать равными одному метру. Ведь нам нужна не абсолютная точность, а лишь порядок.

Когда мы задавали респондентам этот вопрос, многие честно отвечали, что понятия не имеют об этом. Интервьюер предлагал простой способ подсчета: «Давайте посчитаем, сколько метров книжных полок занято у вас книгами и умножим их на 40, ибо ровно столько книг помещается на одном метре книжной полки». Это предложение вызывало неподдельный интерес и люди с удовольствием вспоминали, где у них хранятся книги, некоторые с помощью обычной рулетки измеряли длину занятых книгами полок (или стопок книг) и, таким образом, получали и для себя нелишнюю информацию о своей «книговооруженности».

До сих пор мы говорили исключительно о разновидностях индивидуального интервью. В последние годы широкую популярность среди социологов (особенно приверженцев качественных методов) получило групповое интервью — **метод Фокус-групп**¹⁵³ (и его разновидность тест-группы).

¹⁵² 100 вопросов о Вашей жизни, Социологическое интервью, Л.: 1974 г. Руководитель проекта — д. и. н. О. И. Шкаратан. Составители вопросника: к. ф. н. А. Н. Алексеев (руководитель группы), В. Д. Глухов, Т. З. Протасенко, И. В. Рябинова. Куратор сектора методик и техники социологических исследований ИСИ АН СССР О. Б. Божков.

¹⁵³ См. Белановский С. А. Метод фокус-групп / С. А. Белановский; Ин-т «Открытое общество» (Фонд Сороса) . - М.: Магистр, 1996 . - 272 с.

Этот метод родился в рамках исследований рынка, для определения и описания «целевых групп» покупателей определенных товаров, для оценки емкости определенных сегментов рынка. Затем этот метод начал достаточно эффективно использоваться в избирательных кампаниях (примерно с теми же целями, что и в изучении рынка). А затем уже был воспринят и социологами. Этот метод стал одним из основных в международном проекте Европейского союза EUREQUAL¹⁵⁴: «Социальное неравенство и что оно означает для жителей Восточной и Центральной Европы». В 2006–2007 гг. были проведены восемь фокус-групп (четыре в России и четыре в Белоруссии), по две в крупном городе и сельской местности¹⁵⁵.

Специфика этого метода состоит не только в том, что он имеет дело с группой респондентов, но также в том, что и субъект-1 представлен группой, в которой четко разделены функции и обязанности. Это воистину комплексный метод. В команду, проводящую фокус-группу входят: рекрутер, человек, формирующий группы респондентов; модератор — тот, кто ведет и направляет групповую беседу; супервайзер, наблюдающий за поведением и реакциями участников фокус-группы; инженер аудио- и видеозаписи. Понятно, что в случае фокус-группы степени свободы исследователей ограничены тематикой беседы и особенностями участников, ибо главные фигуры здесь именно участники. И даже в этом — качественном — методе возможны две стратегии поведения модератора: «жесткая», когда он ориентирует участников на себя и не допускает дискуссии между ними; и «мягкая», когда он стимулирует участников именно к дискуссии по поводу любого высказанного ими суждения.

Завершим обзор интерактивных методов **биографическим интервью**, которое обладает уникальными свойствами. В частности, одна из принципиальных особенностей этого типа интервью состоит в том, что здесь вопросы респонденту — неуместны. Это не значит, что вообще нельзя задавать вопросы, но вопросы могут быть лишь уточняющими, такими, чтобы они не вводили в структуру нарратива новые темы, которые не ввел в оборот сам информант (слово респондент здесь явно не подходит).

Это обстоятельство требует более пространного комментария. Описать свою жизнь (биографию) невозможно по той простой причине, что очень многое в нашей жизни происходит незаметно для нас самих — на «автомате», на стереотипах. И когда мы все-таки пытаемся описывать свою жизнь, в это описание попадают, как правило, отдельные события, которые по разным причинам «зацепились» в нашей памяти. С другой стороны, рассказ о своей жизни — это всегда презентация себя, т. е. некоторая конструкция. И таких конструкций у каждого из нас много. Для отдела кадров — одна, для своих де-

¹⁵⁴ <http://eurequal.politics.ox.ac.uk>

¹⁵⁵ В каждой фокус-группе участвовало по 12 человек, четыре группы проведены с респондентами со средним доходом, четыре — с низким доходом. Выборка была выровнена по полу, возрасту и занятости.

тей — другая, для себя самого — третья, для социолога — четвертая. Каждая из них не только имеет полное право на существование, но и обладает определенной ценностью. Но даже когда некто рассказывает о себе социологу, например, он не только репрезентирует, но и узнает себя. Кроме того, для социолога в биографическом нарративе важна не только фабула, сколько сама конструкция нарратива, важно не только то, что говорит информант, но и то, о чем он умалчивает. Вопрос «любопытного» социолога нарушает эту конструкцию — искажает её (а иногда пытается разрушить эти «фазы умолчания» и лишает биографическое интервью вообще всякого смысла).

Еще одно важное обстоятельство состоит в том, что биографический нарратив — требует определенной стимулирующей ситуации и в том, что это всегда — диалог. Даже когда человек пишет свою биографию для себя самого (а это бывает) или для своих детей — он ведет негласный диалог. И любой вопрос «со стороны» может невзначай этот диалог разрушить.

Собственно говоря, социологи не часто интересуются полным жизнеописанием людей. Как правило, и те интервью, которые именуются биографическими, в той или иной мере тематизированы. Одни социологи акцентируют внимание на жизни людей во время войн, другие — во времена каких-либо социальных потрясений, третьи — на каких-либо определенных жизненных ситуациях (индивидуальных или общественных — социальных), разворачивающихся во времени. Т. е. чаще всего информантам задается определенный ракурс описания их жизни. Это та минимальная тематизация, которая все-таки оставляет информанту пространство для собственной конструкции самопрезентации, не затрагивающей фундамент самоидентификации информанта.

Интерес к личным документам (и автобиографии, и дневники, и биографические интервью можно отнести именно к этому классу документов) у социологов пробудился в начале XX века. Достаточно вспомнить классику мировой социологии — книгу У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и в Америке» (1918–1920 гг.) почти исключительно основанную на личных документах эмигрантов из Польши.

Однако довольно долго исследователи, прибегая к биографическим интервью, пытались выстроить их по универсальным «реперным» точкам: младенчество, детство, школа, получение послешкольного образования (или отсутствие такового), трудовая карьера, построение своей семьи, рождение детей, перемещения в пространстве и т. д. Но материал оказывался бедным и плоским. В то время как конкурсы биографий, которые активно проводились в Польше (особенно в промежутке между двумя мировыми войнами) давали гораздо более объемную и содержательную информацию. И то обстоятельство, что вопросы нарушают «естественную» самопрезентацию информантов, было осознано только в конце 60-х — середине 70-х годов прошлого века. Это осознание стимулировало новое направление в современной социологии «Устная история» (Oral History).

Сегодня и в западной, и в отечественной социологии биографическая проблематика привлекает внимание многих исследователей. И в рамках международной социологической ассоциации, и в аналогичной европейской, созданы исследовательские комитеты «Биография и общество», которые очень активны, издают специальные журналы, проводят многочисленные конференции и семинары.

Б. З. Докторов и профессор социологии Университета штата Невада в Лас-Вегасе Дмитрий Шалин (оба бывшие наши соотечественники) в 2005 г. содали онлайн-проект «Международная биографическая инициатива», который концентрируется на истории российской социологии постхрущевского периода и методологии биографического метода.¹⁵⁶ Борис Зусманович Докторов (в прошлом советский социолог, ныне проживающий в США) недавно издал трехтомник «Современная российская социология. Историко-биографические поиски».¹⁵⁷ Эта книга содержит не только 44 развернутых биографических интервью представителей четырех поколений российских социологов, но теоретическое и методологическое обоснование биографических исследований и опыт социологического анализа биографических данных. В предисловии к этому изданию автор пишет и о самом методе биографических интервью «через океан».

Самое трудное в биографическом интервью — начало. Ибо не вопросы здесь приходится задавать, а лаконично и внятно поставить задачу перед информантом. Так, чтобы его рассказ не превратился ни в анкету для отдела кадров, ни в описание своих «героических подвигов», ни в занудный «самоанализ».

Резюме

Итак, мы разместили на нашей «стройплощадке» почти два десятка методов сбора первичной социологической (и не только социологической) информации. Как видим, у современной социологии достаточно обширный методический арсенал. Конечно, опросные методы (если считать не только анкетные опросы и несколько разновидностей интервью) составляют почти половину этого арсенала. Но ведь и кроме них есть немало других методов.

Да и собственно опросные методы требуют дифференцированного подхода: на каждую исследовательскую ситуацию в зависимости от задачи ис-

¹⁵⁶ <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=237>

¹⁵⁷ Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 1: Биографии и история PDF, М.: ЦСПиМ, 2012. — 418 с.; Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 2: Беседы с социологами четырех поколений PDF, М.: ЦСПиМ, 2012. — 1343 с.; Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 3: Биографическое и автобиографическое PDF, М.: ЦСПиМ, 2012. — 400 с.

следования, его объекта для успеха дела необходимо не просто брать первый попавшийся метод, но тот, который наиболее адекватен и объекту, и предмету исследования. Именно поэтому необходимо понимать существенные особенности разных методов и те ограничения, которые они накладывают и на объект, и на самого исследователя (субъекта-1).

Конечно, этот обзор не полон. Сюда можно добавить метод «открытых вопросов», который активно разрабатывает петербургский социолог Г. И. Саганенко. Она не только пропагандирует этот метод, но и стала инициатором разработки компьютерной программы для обработки ответов на открытые вопросы. И такая программа — Vega — создана и хорошо работает.

Можно также добавить и метод «неоконченных предложений». Этот метод разработан психологами, но некоторые социологи его охотно используют при изучении социальных установок и ценностных ориентаций. Хотя методические проблемы сегодня находятся, к сожалению, на периферии внимания социологического сообщества, тем не менее, есть люди, которые думают над этими проблемами, разрабатывают новые методы, пытаются использовать для социологических исследований методы, разработанные в других науках. Иногда это получается.

Есть даже специализированный журнал — «Социология-4М». Вот эти четыре «М»: методология, методика, математическое моделирование. К сожалению, он выходит всего лишь 2 раза в год. Но это и есть показатель относительно слабого внимания (я бы сказал — пренебрежения) к методологическим и методическим проблемам социологических исследований в нашей стране.

Литература

1. Голофаст В. Б. Социология семьи. Статьи разных лет. СПб.: Алетейя, 2006. — с. 220–233
2. Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1 — СПб.: Норма, 2003,
3. А. Н. Алексеев Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: 1997.
4. Петров Э. П. Метод наблюдения в социологическом исследовании. (Глава 1, Глава 2) // Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн. 2. М.: Наука, 1990,
5. Язвы Петербурга, Издательство: Ленинградское отделение Советского фонда культуры, 1990.
6. Голофаст В. Б. Континуум опросных методов //Человек социалистического общества и процессы массовой коммуникации. Советско-венгерские исследования массовой коммуникации. Том III. Материалы 4-го советско-венгерского симпозиума Ленинград 2–6 июня 1980 г. — Л.: «Наука», 1981. — с. 105–111.
7. Докторов Б. З. Подготовка и проведение почтового опроса. (Препринт). Л., 1986.

8. См. Белановский С. А. Метод фокус-групп / С. А. Белановский; Ин-т «Открытое общество» (Фонд Сороса) . -М.:Магистр, 1996 . -272 с.
9. Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 1: Биографии и история; Том 2: Беседы с социологами четырех поколений; Том 3: Биографическое и автобиографическое, PDF, М.: ЦСПиМ, 2012.,

Вопросы к семинару

1. В чем сущность субъектных (интерактивных) методов сбора первичной социологической информации? Две формы этих методов
2. Почему методы наблюдения занимают в обозначенном пространстве разные места?
3. Опишите принципиальные особенности разных видов интервью. Приведите пример исследования, для которого любой из этих видов (на ваш выбор) будет наиболее адекватным.
4. Назовите (придумайте) тему социологического исследования, которую с наибольшей полнотой может раскрыть применение метода Фокус-групп. Дайте развернутое обоснование своей позиции.
5. Назовите (придумайте) тему исследования, для которого наилучшим решением было бы применение экспертного опроса. Укажите критерии для отбора экспертов.
6. Опишите специфику разных видов анкетного опроса: достоинства и недостатки каждого из видов.

ЛЕКЦИЯ ОДИННАДЦАТАЯ: ЧТО ЖЕ ТАКОЕ — СОЦИОЛОГИЯ? ЕЁ ОБРАЗ В МАССОВОМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ.

Эта лекция — своеобразное «повторение пройденного». До сих пор бытует мнение (и не только в массовом, но и в профессиональном сознании), что социология не совсем настоящая наука. Здесь мы попытаемся показать ошибочность такого мнения и развеять некоторые мифы о социологии, бытующие как в массовом сознании, так и среди профессиональных социологов, которые отнюдь не едины в отношении к тому, что и зачем они изучают.

На вопрос, вынесенный в название этой лекции, есть несколько ответов. Можно сказать, что социология — это наука, можно конкретизировать этот ответ, и сказать, что это наука об обществе. Можно сказать, что это профессия. Можно сказать, что это призвание. Но можно сказать, что это просто один из видов деятельности людей. Зимой 1918 год в Мюнхенском университете Макс Вебер [1864–1920] сделал доклад «Наука как призвание и профессия» с непосредственной целью — показать студентам, в чем состоит их призвание как будущих ученых и преподавателей¹⁵⁸. Позволю себе привести достаточно большую цитату из этой работы:

*«Только благодаря строгой специализации человеку, работающему в науке, может быть, один-единственный раз в жизни дано ощутить во всей полноте, что вот ему удалось нечто такое, что останется надолго. Действительно, завершенная и дельная работа — в наши дни всегда **специальная работа** (здесь и далее выделено мной — О. Б.). И поэтому, кто не способен однажды надеть себе, так сказать, шоры на глаза и проникнуться мыслью, что вся его судьба зависит от того, правильно ли он делает это вот предположение в этом месте рукописи, тот пусть не касается науки. Он никогда не испытает того, что называют увлечением наукой. Без странного упоения, вызывающего улыбку у всякого постороннего человека, без страсти и убежденности в том, что «должны были пройти тысячелетия, прежде чем появился ты, и другие тысячелетия молчаливо ждут», удастся ли тебе твоя догадка, — без*

¹⁵⁸ Считаю, что этот доклад следует прочесть и выучить, как «клятву Гиппократ», всем, кто собирается выходить (или уже выходит) на кафедру перед студентами. Ибо он содержит очень важные мысли относительно принципиального различия ролей учителя и проповедника, смешивание которых, по мнению М. Вебера, недопустимо.

этого человек не имеет призвания к науке, и пусть он занимается чем-нибудь другим. Ибо для человека не имеет никакой цены то, что он не может делать со страстью.

Однако даже при наличии страсти, какой бы глубокой и подлинной она ни была, еще долго можно не получать результатов. Правда, страсть является предварительным условием самого главного — “вдохновения”. Сегодня среди молодежи очень распространено представление, что наука стала чем-то вроде арифметической задачи, что она создается в лабораториях или с помощью статистических карточек одним только холодным рассудком, а не всей “душой”, так же как “на фабрике”. При этом, прежде всего, следует заметить, что рассуждающие подобным образом по большей части не знают ни того, что происходит на фабрике, ни того, что делают в лаборатории. И там и здесь человеку нужна идея, и притом идея верная, и только благодаря этому условию он сможет сделать нечто полноценное. Но ведь ничего не приходит в голову по желанию. Одним холодным расчетом ничего не достигнешь. Конечно, расчет тоже составляет необходимое предварительное условие. Так, например, каждый социолог должен быть готов к тому, что ему и на старости лет, может быть, придется месяцами перебирать в голове десятки тысяч совершенно тривиальных арифметических задач. Попытка же полностью переложить решение задачи на механическую подсобную силу не проходит безнаказанно: конечный результат часто оказывается мизерным. Но если у исследователя не возникает вполне определенных идей о направлении его расчетов, а во время расчетов — о значении отдельных результатов, то не получится даже и этого мизерного итога. Идея подготавливается только на основе упорного труда. Разумеется, не всегда».

«...каждый из нас (ученых) знает, что сделанное им в области науки, устареет через 10, 20, 40 лет. Такова судьба, более того, таков смысл научной работы, которому она подчинена и которому служит, и это как раз составляет ее специфическое отличие от всех остальных элементов культуры; всякое совершенное исполнение замысла в науке означает новые «вопросы», оно по своему существу желает быть превзойденным. С этим должен смириться каждый, кто хочет служить науке. Научные работы могут, конечно, долго сохранять свое значение, доставляя «наслаждение» своими художественными качествами или оставаясь средством обучения научной работе. Но быть превзойденными в научном отношении — не только наша общая судьба, но и наша общая цель. Мы не можем работать, не питая надежды на то, что другие пойдут дальше нас. В принципе этот прогресс уходит в бесконечность. И тем самым мы приходим к проблеме смысла науки»¹⁵⁹.

А смысл науки в познании, в постижении глубинной сущности окружающего нас мира. Благодаря науке мы знаем, что земля вращается вокруг своей

¹⁵⁹ Макс Вебер. Наука как призвание и профессия // Макс Вебер. Избранные произведения (Перевод: А. Ф. Филиппов, П. П. Гайденко) . — М.: Прогресс, 1990, с. 707–735

оси и поэтому день сменяется ночью, хотя каждый день своими глазами наблюдаем, что **солнце всходит** на востоке, а вечером — **садится** на западе. Благодаря науке мы знаем, что световой спектр включает в себя не только то, что мы видим, — зрение наше не в состоянии различать ни ультрафиолетовую, ни инфракрасную часть спектра¹⁶⁰. Таким образом, наука помогает постигать вещи **неочевидные и даже не видимые и не осязаемые** (например, рентгеновское излучение, радиация, и т. п.). Вот как о смысле науки говорит Вебер: *«Сегодня наука есть профессия, осуществляемая как специальная дисциплина и служащая делу самосознания и познания фактических связей, а вовсе не милостивый дар провидцев и пророков, приносящий спасение и откровение, и не составная часть размышления мудрецов и философов о смысле мира»*¹⁶¹. Заметим, не тех связей, которые мы видим «своими глазами или слышим своими ушами», но фактических «природных» связей между явлениями и — законы природы.

Для того, чтобы «добраться» до неочевидной, но подлинной, сущности вещей наука выработала определенные приемы (классификации, правила логического вывода, правила обнаружения сходства и различия) и приборы, которые многократно усиливают возможности нашего восприятия мира, которые и позволяют «увидеть» то, что наш невооруженный глаз увидеть не в состоянии. И для того, чтобы стать ученым, необходимо освоить и эти приемы, и научиться оперировать этими (и многими другими) приборами, т. е. овладеть определенными профессиональными знаниями и навыками. В этом смысле и можно говорить о науке, как о профессии.

Социология под сомнением?

Господи! О чем я говорю? Приборы. Какие приборы в социологии? Кстати, очень многие и сегодня считают, что социология (да и не только социология) — вовсе не наука. А если и наука, то, как бы не «настоящая». И понятия у неё расплывчаты и неопределенны, и нет в ней теорем, строгих правил доказательств, как, скажем в физике или математике. Но ведь и в астрономии (а никто не сомневается в том, что это «настоящая» наука) тоже нет теорем, и астрономические теории, строго говоря, всего лишь гипотезы, проверить которые чрезвычайно трудно, но это не значит, что невозможно.

В 1920 году (!) В. Парето [1848–1923] (в свойственной для него тезисной манере) писал:

«6. До сих пор социология почти всегда толковалась догматически. Не должно вводить в заблуждение прилагательное «позитивная», данное Контом его философии; она столь же догматична, как и «Рассуждение о всеобщей

¹⁶⁰ Да и слух наш очень не совершенен, мы не в состоянии слышать ни ультра-, ни инфра- звук.

¹⁶¹ Там же.

истории» Боссюэ. Это различные религии, но все же религии; такого рода религии мы находим в трудах Спенсера, Де Греефа, Летурно и других авторов. Среди социологий в большом количестве встречаются «гуманистические»¹⁶², нет недостатка в метафизических, также имеется некоторое количество христианских, католических и иных подобных им социологий. Не желая объявлять ошибочными все эти почитаемые социологии, мы позволим себе представить здесь исключительно экспериментальную социологию, подобную химии, физике иным, близким к ней наукам.

Таким образом, мы намерены руководствоваться только опытом и наблюдаем исключительно в том смысле, какой эти два понятия приобрели в естественных науках, а не в таких значениях, которые проявляются в ныне встречаемых выражениях: «духовный опыт», «христианский опыт» и т. п., которые обновляют под иным именем самонаблюдение типичных метафизиков.

Там, где опыт не противопоставляется наблюдениям, мы для краткости будем именовать эти вещи одним словом, т. е., говоря об *экспериментальных науках*, мы будем иметь в виду *наблюдение*»¹⁶³ (курсив В. Парето — О. Б.).

Парето, как видим, предельно аккуратен в выражениях и ни одного «худого слова» о социологии не говорит. В этой же работе он вводит понятия «логико-экспериментальные» и «не логико-экспериментальные» теории (или науки). И вот как он эти теории (науки) характеризует:

«Iг. Логико-экспериментальные теории нацелены на совершенствование количественного метода; не логико-экспериментальные теории имеют обыкновение быть качественными.

II. Экспериментальная реальность и социальная полезность — это две абсолютно разные, а порой и противоположные вещи. В теоремах логико-экспериментальных наук имеется первая и может отсутствовать вторая. В теоремах не логико-экспериментальных наук обычно нет первой, но в них может содержаться вторая. В итоге та или иная теория может быть в соответствии с опытом и одновременно вредной обществу, или же она может расхожиться с опытом, но быть полезной обществу»¹⁶⁴.

Очень «полит-корректно», хотя автор не дает определения, что такое полезно — понимай, как хочешь. Сам Парето — инженер и экономист, а только потом социолог. Во всяком случае, определенный скепсис по отношению к социологии, как к науке, в его работах просматривается.

92 года, прошедшие со времени написания этой работы, не прошли даром. Это значительная часть истории современной социологии. Сегодня стало очевидно, что есть разные науки (они различаются по объекту: о природе, об обществе, о человеке и т. п.: по технической оснащенности и по возмож-

¹⁶² Замечу, слово Гуманистические в кавычки взял В. Парето, а не я.

¹⁶³ Парето В. Компендиум по общей социологии. Гос. ун-т — Высшая школа Экономии. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — с. 14.

¹⁶⁴ Там же, с. 475

ности и, главное — необходимости, эту техническую оснащенность использовать и т. п.). И сегодня можно с полным основанием утверждать, что социология является «нормальной» наукой не только по имманентной для любой науки задаче — познание неочевидного, но сущностного, — но и по уровню требуемого для занятия социологией специальных знаний и навыков. А внутренние разногласия между социологами (скажем, полемика между «количественниками» и «качественниками») — это дело естественное и свойственное «молодости» этой науки.

Основная задача любой науки — познание природы (и общества), в лучшем случае — прогнозирование последствий развития тех или иных явлений и процессов. Ибо управление процессами и явлениями возможно только тогда, когда познаны законы их развития, когда надежно установлены их причины и следствия. Это в большей степени свойственно естественным наукам. Впрочем, и в этих науках всегда есть вероятность появления непредвиденных последствий, а что уж говорить об общественных науках.

Вебер полагает, что если гуманитарная наука претендует на звание науки, то она должна удовлетворять требованию общезначимости, которое всегда выполняется естественными науками, и выполняется именно потому, что в них *познающий субъект находится всегда на дистанции по отношению к познаваемому предмету* (курсив мой — О. Б.). С этой точки зрения, настойчивое требование постмодернистов, апеллирующих к тому же Веберу, к сказанному им, что «социология должна быть «понимающей наукой», — что социолог должен вчувствоваться, вжиться в «простых людей с улицы», — представляется не столь уж основательным и обоснованным. Это требование, по сути своей — есть отказ от признания социологии наукой. За этим отказом неизбежно следует необязательность воспроизводимости процедур научного исследования, акцентирование внимания на уникальности и каждого индивида, и каждой жизненной ситуации. А задача любой науки (социологии, в том числе) состоит в обнаружении общего, сходного, типического и... особенно, отличающего одно типическое явление от другого.

Стоит привести высказывание о роли одного из современных отечественных ученых — доктора политических наук Эмиля Абрамовича Паина, который пишет: «Думаю, что сегодня, когда в России астрологические прогнозы печатаются чаще, чем прогнозы погоды, когда конца света ожидают не только пензенские затворники в подземелье, но и немалое число людей из творческой и нетворческой интеллигенции, — в таких условиях особенно актуальна задача демифологизации массового сознания, противопоставления рационального знания добросовестным заблуждениям и сознательным фальсификациям. И роль науки я вижу, прежде всего, в демифологизации общественного сознания, в противопоставлении мифам рационального знания»¹⁶⁵.

¹⁶⁵ <http://www.krug.ooo-radoneg.ru/205976/435479>

Основополагающее требование сторонников «grounded theory» — отвлечься от всяких априорных теоретических суждений в начальной стадии исследования и строить так называемую «обоснованную» теорию с «чистого листа», исключительно на основании наблюдаемых фактов — также, на мой взгляд, не выдерживает серьезной критики. Вспомним опять же Вебера: «... человеку нужна *идея*, и притом *идея* верная, и только благодаря этому условию он сможет сделать нечто полноценное. Но ведь ничего не приходит в голову по желанию»¹⁶⁶. Во-первых, именно *идея* дает ориентир на то, что, собственно, следует наблюдать, что мы *хотим узнать*. Во-вторых, взгляд наблюдателя всегда ограничен местом, временем, обстоятельствами. Стало быть, он должен иметь некую идею, каким образом расширить поле наблюдения, чтобы охватить весь спектр изучаемого явления. Обе эти идеи — есть идеи теоретические, удовлетворяющие «*требованию общезначимости*».

Наука эпохи постмодерна «опровергает» многие классические взгляды и понятия. В частности, пересматривает и понятие «рациональности», акцентирует внимание на иррациональных моментах человеческого поведения. Однако свои выводы строит по рациональным моделям и требует, чтобы эти выводы не противоречили логике. Но дело в том, что есть разные логики: формальная логика ученого и логика «здорового смысла».

С точки зрения формальной научной логики человек, который не имеет детей (в соответствии с инструкцией социолога), должен пропустить несколько вопросов, которые относятся к тем, кто имеет своих детей. А он, находясь на позициях собственной жизненной ситуации и здравого смысла (и желая сказать правду тому же социологу), отвечает на все вопросы подряд. Не имея своих детей, он утверждает, что помогает детям делать уроки, что гуляет с детьми, что ухаживает за ними. Да, у него нет **своих** детей, но есть младший брат или племянник, это ему наш респондент и помогает делать уроки, с ним гуляет, за ним ухаживает. В то же время, имеющий своих детей, может пропустить те вопросы, которые, казалось бы, не должен пропускать. По простой причине, детей-то он(а) имеет, но не занимается с детьми — это делают другие (жена/муж, бабушка, старший ребенок и т. п.). Как видим, с толку сбивает «формальная логика», а вовсе не «здоровый смысл».

Наука — вовсе не панацея от всех бед, нельзя возлагать на науку все, что ни придет в голову. После того, как Д. И. Менделеев «приснил»¹⁶⁷ знаменитую периодическую таблицу химических элементов, она долгое время содержала много пустых клеточек. И только на рубеже 50–60-х годов прошлого века ученые обнаружили сразу около десятка новых элементов. Почему их не обнаружили раньше? По очень простой причине — не было инструментов, прибо-

¹⁶⁶ Макс Вебер. Наука как призвание и профессия // Макс Вебер. Избранные произведения (Перевод: А. Ф. Филиппов, П. П. Гайденок) . — М.: Прогресс, 1990, с. 707–735

¹⁶⁷ Существует легенда (а может и не легенда), что окончательную форму и принцип построения этой таблицы Менделеев «увидел» во сне.

ров, которые могли бы «распознать» эти элементы в считанные доли секунды. А вновь открытые в эти годы элементы были настолько химически активны, что в «чистом виде» существовали именно считанные доли секунды. И только когда ученые разработали «быстрые» приборы, эти открытия оказались возможными на практике. Но теоретически существование этих элементов предсказал Менделеев, который «оставил для них место» в своей таблице и тем самым «подтолкнул» потомков к их поиску.

И, наконец, наука также может ошибаться. История науки полна эпизодами, в которых доминировали совершенно неправильные (даже ошибочные) теории¹⁶⁸. И, тем не менее, эти неправильные теории помогали познавать мир. Но ведь и правильные теории объясняют далеко не все явления природы. Долгое время господствовала евклидова геометрия — та самая, которую мы все учили в школе. Однако, «новая» геометрия Лобачевского вовсе не отменила евклидову. «Старушка» до сих пор признается справедливой и хорошо действует в условиях земного трехмерного «плоского» пространства. А неевклидова геометрия справедлива в условиях не плоского, многомерного пространства. Первая оказывается бессильной применительно к космическому пространству, а вторая здесь «работает».

Равно как и механика Ньютона до сих пор отлично работает в земных условиях и на досветовых скоростях. Как только скорости физических тел достигают скорости света или превышают её, классическая механика «дает сбой». Но зато начинает работать теория относительности и законы термодинамики. Таким образом, даже «правильная» теория, применима отнюдь не в любой ситуации.

Это примеры из области естественных наук. Но аналогичные примеры можно найти в сфере наук о человеке, и в сфере наук об обществе. Макс Вебер был прав, когда говорил о том, что наши открытия через какое-то время могут быть опровергнуты, что потомки пойдут дальше. Но, как видим, новые теории вовсе не обязательно «перечеркивают» старые. Вполне возможно существование научных теорий. Просто одни оказываются справедливыми при одних условиях, а другие — при других.

Конечно, в гуманитарных и общественных науках все немного сложнее. Сложнее именно потому, что и понятийный аппарат здесь не столь строг и определен, и потому, что объекты этих наук обладают волей, желаниями, симпатиями и антипатиями, они думают. При этом — думают одно, говорят другое, а делают третье. Но это вовсе не значит, что эти — такие своеобразные и сложные — объекты совершенно не познаваемы. Классики социологии

¹⁶⁸ Взять хотя бы теорию «флогистона» Бойля. В течение около сотни лет эта совершенно «умозрительная» теория помогала познавать свойства и состав воздуха. В результате оказалось, что флогистон — чистая выдумка. Не случайно кто-то из классиков изрек: «Нет ничего практичнее, чем хорошая теория».

копали глубоко и обстоятельно, смотрели в корень. И классические теории обладают большой объяснительной силой в силу своей научности.

Томас Кун сформулировал идею оценки теорий. «Хорошей» он считал такую теорию, которая в своей основе содержит предпосылки своего собственного опровержения. И хотя Кун говорил о том, что есть «настоящие» науки, основанные именно на теориях такого рода, и «не настоящие науки», теории которых не предполагают своего опровержения. Концепции Э. Дюркгейма, М. Вебера, равно как и К. Маркса, даже с позиций Т. Куна, могут быть квалифицированы, как настоящие, ибо допускают и содержат в своей основе предпосылки их опровержения. История социологии, если изучать её внимательно и последовательно, дает для такого вывода много аргументов.

А что же «простые люди с улицы», о которых так пекутся сторонники «качественной» и феноменологической социологии? Во-первых, они не вникают (да, и не должны вникать) в тонкости определения того, чем отличаются, по сути, наука и не наука. И если в учебниках написано, что социология — это наука, они и воспринимают её именно в этом качестве. Оценивают же они любую науку с прагматической точки зрения полезности или бесполезности. Физика, химия, физиология и другие естественные науки — в принципе — полезные науки. Это машины, это лекарства и прочие, безусловно, полезные и нужные вещи. А философия, филология, социология — какая от них польза?

Но,.. когда незнакомые люди узнают, что я социолог, обязательно кто-нибудь из них да задаст вопрос: «Ну, раз социолог, то расскажи, что же нас ждет? Выберут Путина или нет?» Вопрос, конечно же, бессмысленный. Я — социолог, а не политолог и не экономист и, тем более, не прорицатель, и не пророк. Чтобы всерьез ответить на этот «простенький» вопрос, надо прочесть вопрошающему длинную и обстоятельную лекцию о том, что изучает социология, что она уже знает об устройстве общества и о закономерностях его существования, и чего она (социология) еще не знает. Ну, кто же будет слушать эту лекцию?

В массовом сознании социолог — это мужик или тетка, которые пристаю́т к людям со своими анкетами; это строка на экране телевизора, где общается, что за В. Жириновского (например, в программе В. Соловьева «К барьеру») в прямом эфире проголосовало 18564, а за С. Миронова — всего 7653 чел. и т. п. Объяснить «простому человеку», что это голосование не имеет ни малейшего отношения к социологии (опять-таки без обстоятельного объяснения, что такое социология на самом деле), совершенно невозможно¹⁶⁹. Так же как невозможно объяснить, что опросы, на основе которых де-

¹⁶⁹ Впрочем, и к сути диалога между названными персонажами эти цифры тоже никакого отношения не имеют. Очень часто эти результаты не поддаются никакому рациональному объяснению. Единственно, о чем они могут сказать вдумчивому зрителю, это о том, что у приемников сидят люди, которые любят (неизвестно за что) именно Жириновского, а не Миронова. Тем более, что Жириновский начинает набирать «свой голоса» еще не сказав ни одного

лаются предсказания победы на выборах того или иного кандидата (или той или иной партии), имеют отношение к социологии только «по касательной», в той части, что делаются они на базе анкетных опросов. Анкетные опросы применяются в самых разных сферах жизни и не являются отличительным признаком именно социологии.

Мода на социологию в средствах массовой информации (во всяком случае, на всевозможные «интерактивные» голосования) сбивает с толку «простых людей» и создает ложное представление об этой науке, как о чем-то очень и очень поверхностном и не надежном.

Геннадий Семенович Батыгин¹⁷⁰ откопал где-то забавную метафору: «социологи делятся так же, как и собаки: на охотничьих, служебных и декоративных». В этой шутке, как и во всякой другой, есть доля шутки.

О состоянии профессионального сознания уже было сказано достаточно в предыдущих лекциях. К сожалению, оно «раздроблено». Здесь, кроме большой беды — утраты объекта, — существует большое разнообразие разнонаправленных тенденций и модных течений: активистская социология, гуманистическая (вспомним В. Парето), креативная, даже — гламурная и прочая, и прочая, и прочая. То, что при неустоявшемся (или расстроившемся) понятийном аппарате классические эмпирические исследования как-то отошли на второй план, может быть и закономерно. Но их место заняли многочисленные маркетинговые (тоже эмпирические) штудии, которые массовое сознание не отличает от социологических. И это, конечно же, в определенном смысле подрывает престиж социологии как серьезной науки. Да и теоретическая социология (по крайней мере, в России) оказывается невостребованной ни «заказчиками», ни самим профессиональным сообществом. И, наконец, при богатом (в принципе) методическом арсенале, не только в России, но и на Западе методические исследования и эксперименты тоже нынче оказываются не очень популярными.

Микро социология нынче в почете у сторонников гуманитарной, качественной, активистски ориентированной (и стоит добавить — все они изрядно политизированы) социологии, а макро социология — тоже весьма популярная, особенно на Западе, — как раз требует разработки четких систем показателей и индикаторов, которые могли бы создать базу для корректных межстрановых сравнений.

слова. Мне припоминается лишь один случай, когда симпатии зрителей резко изменились (не помню сейчас, кого тогда пригласил «К барьеру» В. Соловьев), но при большом стартовом отрыве, один из соперников сумел «перетянуть» на свою сторону зрительскую аудиторию. И хорошо было бы, если бы этот опрос проводили социологи, они бы, наверняка, постарались выяснить хотя бы социальные позиции (статусы) тех, кто голосовал «за», а кто голосовал «против». И это имело бы и социальный, и социологический смысл. А так, это просто телевизионный прием «завлечения» зрителя.

¹⁷⁰ Батыгин Геннадий Семенович (1951–2003), доктор социологических наук, профессор, создатель и главный редактор Социологического журнала.

Однако кризисные явления в науке — дело обычное. Такие периоды были свойственны и естественным наукам. И так как мысль продолжает жить, кризис принципиально преодолим.

Литература

1. Макс Вебер. Наука как призвание и профессия // Макс Вебер. Избранные произведения (Перевод: А. Ф. Филиппов, П. П. Гайденко) . — М.: Прогресс, 1990, с. 707–735
2. Парето В. Компендиум по общей социологии. Гос. ун-т — Высшая школа Экономики. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
3. Вадим Радаев: “Возможна ли позитивная программа для российской социологии” // http://www.polit.ru/science/2008/10/24/radaev_speech.html
4. Паин Э. А. От власти авторитета к власти нормы // Независимая газета от 20 мая 2008. — http://www.ng.ru/ideas/2008-05-20/11_avtoritet.html

Вопросы к семинару

1. Какими существенными признаками обладает научное знание, в отличие от не научного?
2. Чем маркетинговые исследования и опросы общественного мнения отличаются от социологических исследований?
3. Изменилось ли Ваше представление о социологии? Как бы Вы ответили сегодня на вопрос: Что такое социология?

КАК ПИСАТЬ РЕФЕРАТ ПО СОЦИОЛОГИИ

Методическое пособие
Санкт-Петербург 2005

Введение

Лексическая справка

Реферат [*лат. referre* — докладывать, сообщать] — 1) доклад на определенную тему, включающий обзор соответствующих литературных и других источников; 2) краткое изложение содержания научной работы, книги, статьи¹⁷¹[1,530].

Таково исходное толкование этого слова. В современном литературном языке этим словом обозначается один из библиографических жанров.

Библиографическое описание включает минимум информации о произведении, а именно: фамилию автора, название, место и дату издания (библиографическая карточка).

Аннотация — краткая описательная информация о содержании произведения в свободной форме.

Реферат — конспективное изложение содержания произведения, выделяющее самые существенные моменты, а также учебное краткое сочинение на заданную (или самостоятельно выбранную) тему.

Все названные жанры имеют своей задачей облегчить поиск релевантной читательскому запросу литературы.

Реферат, который предстоит написать Вам, представляет собой доклад (текст) на определенную тему, включающий обзор соответствующих литературных и других источников. В современной библиографии этот жанр характерен для обзорно-аналитических реферативных журналов (например,

¹⁷¹ Современный словарь иностранных слов. Ок. 20 000 слов. — М., Рус. яз., 1992. — с. 530

журнал «Общественные науки и современность», к этому типу изданий относится и «Литературное обозрение»).

Специфика трех жанров, выделенных курсивом, состоит в их отчетливом описательном характере. Автор, работающий в этих жанрах, «не имеет права собственного голоса», права на выражение собственной позиции. Тогда как последний вид — обзорный или аналитический реферат — предоставляет его автору высокую степень свободы для выражения собственной позиции относительно рассматриваемых им оригинальных произведений.

В учебном процессе рефераты являются собой один из видов контроля над усвоением студентами учебного материала. С этой точки зрения, реферат отличается от обычной контрольной работы тем, что он почти не формализован и представляет относительно произвольный текст на заданную тему.

Тем не менее, по реферату можно судить о том, насколько глубоко студенты освоили ту или иную тему, насколько они овладели навыками работы с литературой, методами анализа и т. п. Иными словами, при написании реферата студент должен продемонстрировать и определенные знания по избранной теме и умение работать с научной литературой. В том числе, подобрать релевантные теме источники, проанализировав их содержание, выделить главные, наиболее важные мысли, идеи, положения, сопоставить разные точки зрения на ту или иную проблему, оценить достоинства и недостатки аргументов, изложенных в текстах.

Довольно часто студенты вместо реферата (т. е. вместо аналитического обзора литературы) в свободной форме пытаются изложить свои собственные мысли по той или иной теме. Это совершенно иной жанр, получивший в литературоведении название — эссе. Необходимо хорошо усвоить различие этих жанров и не путать одно с другим.

Иногда такая подмена объясняется стремлением студента быть оригинальным. Это вполне достойный мотив, и жанр реферата вовсе не препятствует проявлению, индивидуальной оригинальности. Однако оригинальность здесь может (и должна) проявляться в отборе источников, в способах и приемах сравнительного анализа, в обращении к тем мыслям, содержащимся в источниках, на которые многие не обращают должного внимания.

Правда, чаще всего реферат принимает вид эссе из-за неумения студентов работать с литературой, из-за неумения правильно и корректно ссылаться на используемые источники. Получается, что текст реферата и указанные в списке источники «живут» каждый самостоятельной жизнью, двигаются «параллельными» курсами. В таких рефератах практически ни одной собственной мысли студента и нет вовсе. Просто он приводит цитаты без кавычек или пытается пересказывать содержание источников «своими словами», считая, что в этом случае ссылки не обязательны. А это грубейшая ошибка.

Именно для того, чтобы предостеречь студентов от ошибок такого рода, один из разделов настоящего методического пособия специально посвящен тому, как работать с источниками.

Выбор темы и поиск источников

Обычно тема реферата задается преподавателем. На факультетах, где введение в социологию (или основы социологии) включены в программу обучения как общеобразовательная дисциплина, практикуется использование весьма обширных рекомендательных тематических списков. Приведенный ниже список я обычно рекомендую своим студентам. Примерным этот список называется по той причине, что предложенные в нем названия тем, задают лишь общую тему, каждая из которых может быть откорректирована студентом (желательно по согласованию с преподавателем).

Примерные темы рефератов по социологии

Предмет социологии.

- Предмет социологии от О. Конта до В. Ядова
- Общество как социальная реальность и как социальная система
- Социальная стратификация и социальная мобильность
- Социология девиантного поведения от Э. Дюркгейма до Я. Гилинского
- Социальные группы и общности в структуре общества
- Природа и способы проявления социальных отношений.
- Социальные институты как форма существования общества (Антиномия¹⁷² современной демократии)

История социологии: персоналии

- Выдающиеся российские социологи XIX века (П. Кропоткин, М. Бакунин, П. Лавров, М. Ковалевский, Ф. В. де Роберти, П. Ткачев, Г. В. Плеханов — **на выбор**)
- Влияние социологических работ К. Маркса на современную социологию.
- Современное прочтение социологических трудов Макса Вебера
- Социологические концепции Питирима Александровича Сорокина сегодня.
- Толкотт Парсонс: теория социального действия и сущность структурного функционализма.
- В. А. Ядов: диспозиционная теория
- Б. А. Грушин: концепции общественного мнения, изучение прессы в большом городе.
- В. Н. Шубкин: престиж профессий в представлении советских школьников
- Ю. А. Левада: Исследование проблемы, что такое «простой советский человек»
- О. И. Шкаратан: изучение проблем социальной структуры советского периода российской истории

¹⁷² Антиномия — [гр. antinomia противоречие в законе] — противоречие между положениями, каждое из которых признается логически доказуемым. (Современный словарь иностранных слов. Ок. 20 000 слов. — М., Рус. яз., 1992. — с. 52)

- А. Г. Здравомыслов: категория интереса в социологической теории и проблемы социальных конфликтов
- Методология и методика социологических исследований**
- Содержание понятий «методология» и «методика»
- Структура и функции программы социологического исследования
- Роль гипотез в структуре социологического исследования
- Социологические и маркетинговые исследования: сходства и различия
- Проблема качественных и количественных методов
- Возможности и перспективы контент-анализа
- Специфика телефонных опросов: проблема репрезентативности
- Биографический метод в социологии: проблемы и перспективы
- Социологический опрос: проблема ответов
- Открытые и закрытые вопросы анкет: аргументы «за» и «против».
- Методологические особенности групповых интервью (фокус-группы, тест-группы и т. п.).
- Методологические особенности глубокого и нарративного интервью.
- Социологическое изучение актуальных проблем современного общества**
- Социологический портрет современного российского предпринимателя
- «Новые бедные»: социально-культурный портрет
- Социальные и социологические аспекты реформирования армии.
- Трансформации современного школьного образования в России: социологический аспект
- Мотивация получения высшего образования сегодня: социологический анализ.
- Роль социологических исследований при формировании маркетинговой политики фирмы
- Социологический анализ проблем шоу-бизнеса.
- Социологический анализ религиозности в современной России.

Предлагаемый список содержит четыре тематических раздела и охватывает все темы лекционного курса. Каждый раздел обладает определенной спецификой, как на стадии подбора источников для обзора, так и на стадии написания реферата. Поэтому каждому разделу здесь будет посвящен отдельный комментарий, в котором особо оговаривается и зона поиска литературных источников для аналитического обзора.

Предмет социологии.

Темы, включенные в этот раздел, отражают элементы предмета социологии как науки. Известно, что современное определение предмета социологии складывалось мучительно долго. Этот процесс продолжался почти 100 лет. Однако и сегодня дискуссии о содержании предмета социологии периодически вспыхивают вновь и вновь и остаются весьма актуальными и злободневными.

В ходе современных дискуссий обнаруживается достаточно широкий диапазон позиций и мнений. На одном полюсе этого спектра утверждается, что само

понятие «общество» — эфемерно, не более чем теоретическая конструкция. Сторонники этой позиции пытаются строить предмет данной науки вокруг Человека. На другом полюсе — сохраняется традиционный взгляд, восходящий к О. Конту и Э. Дюркгейму, которые считали, что человек «погружен» в общество и его поведение в основном определяется именно состоянием общества.

В свете этих дискуссий важно, чтобы студенты были знакомы с аргументами её участников и могли самостоятельно определить свою позицию в данном вопросе.

Комментарии к отдельным темам

В этом разделе списка можно выделить две отличающихся группы тем. К первой можно отнести темы №№ 1 и 4, ко второй — все остальные. Наш комментарий будет посвящен только типичным «представителям» каждой группы.

«Предмет социологии от О. Конта до В. Ядова»

Это достаточно широкая тема. Она охватывает большой промежуток времени, в котором целесообразно выделить несколько периодов. На протяжении каждого из них доминировало то или иное представление о том, что же составляет предмет социологии. Выделение таких периодов, определение их временных границ, а также объяснение, почему именно такие, а не какие-либо другие, взгляды оказывались приоритетными в тот или иной период и составляют центральную задачу данного реферата.

Однако тема может быть сужена, например, за счет более детального анализа какого-либо одного из выделенных периодов. Возможно также более пристальное рассмотрение сторонников одной из существующих позиций по этому вопросу вне зависимости от того, на какую историческую эпоху приходилось их научное творчество.

«Общество как социальная реальность и как социальная система»

Основной вопрос данной темы состоит в том, как на протяжении истории социологической науки рассматривалась природа общества и трансформировалось само понимание социального.

Как и в предыдущей теме, стратегически эта работа может быть решена по-разному. Более целесообразным представляется разумное сужение постановки конкретной задачи. Можно сузить тему за счет рассмотрения взглядов на данный вопрос представителей какой-либо социологической школы. Возможно построить работу, как сравнительный анализ принципиальных позиций двух-трех социологов, разрабатывавших именно эту проблематику. Можно, наконец, остановиться на опыте не теоретического, а эмпирического анализа данной проблемы.

История социологии: персоналии

Содержание рефератов этого раздела должно быть посвящено, прежде всего, социологическим воззрениям того или иного социолога, его роли в истории социологии. Поэтому не стоит увлекаться биографическими изысканиями, достаточно указать даты жизни (в некоторых случаях только год рождения).

Обратите внимание на примечание, содержащееся в двух первых темах этого раздела, — *на выбор*. Это значит, что реферат должен быть посвящен **одному** (из перечисленных в скобках) социологу. «Героем» реферата может быть и тот из выдающихся социологов, который здесь не назван.

В качестве источников для данного тематического раздела целесообразнее всего в первую очередь обращаться к трудам тех социологов, которым посвящается Ваш реферат. Во вторую очередь стоит обращаться к работам, в которых анализируется их творчество. Лучше всего для этого обратиться к профессиональной периодике (см. приложение), а также обратить внимание на книги по истории социологии.

Методология и методика социологических исследований

В этом разделе можно выделить также две группы тем: а) посвященных *методологическим* проблемам социологических исследований (темы 19–23) и б) посвященных *отдельным методам* сбора первичной социологической информации (темы 24–30). Рассмотрим специфику разработки этих тем на двух типичных примерах.

«Роль гипотез в структуре социологического исследования»

Данная тема, без сомнения, имеет методологический характер. Перед тем, как приступить к разработке этой темы, целесообразно проделать определенную подготовительную работу. В частности, полезно обратиться к разным словарям и выписать из них различные определения самого понятия «гипотеза». Можно поискать или самостоятельно составить библиографический указатель литературы, посвященный рассмотрению этого понятия и соответствующего этапа исследования. (Указатель, кстати, может быть органично включен либо в структуру реферата, либо использован в качестве авторского приложения).

Специальный раздел реферата может быть посвящен классификации или типологии гипотез, И, наконец, стоит поискать в литературе примеры гипотез как подтвержденных, так и опровергнутых в ходе реальных социологических исследований.

«Биографический метод в социологии: проблемы и перспективы»

Типовая схема построения такого реферата может выглядеть следующим образом. Во введении целесообразно дать краткий обзор методов, используемых в социологических исследованиях и обосновать выбор для рассмотрения именно того метода, который заявлен в названии реферата. Первую главу имеет смысл посвятить истории возникновения метода и его использования в социологии. Во второй главе рассмотреть специфические особенности данного метода и сферу его применения. Наконец, в третьей главе необходимо осветить проблемы, встающие перед исследователем при использовании этого метода в реальной практике, и перспективы дальнейшего развития данного метода.

В последнее время этот метод широко используется в социологических исследованиях, поэтому поиск источников для реферата не должен вызвать больших затруднений.

Социологическое изучение актуальных проблем современного общества

Этот раздел списка примерных тем, на наш взгляд, не требует развернутого комментария. Естественно, это должен быть **обзор эмпирических исследований** по избранной вами теме. Источники для этого реферата следует искать, прежде всего, в периодических изданиях по социологии. В подавляющем большинстве социологических журналов имеются специальные рубрики: «Массовые опросы, эксперименты, монографические исследования» (Социологический журнал), «Прикладные исследования», «Факты, комментарии, заметки» (Социологические исследования), «Полевые исследования» (Inter) и т. п.

Однако именно в связи с этим разделом следует предостеречь студентов от двух уклонов: во-первых, от публицистического и, во-вторых, от эссеистского. Задача этой группы рефератов состоит в том, чтобы описать, **что** исследуется социологами в данной предметной области, **какое знание** несут эти исследования. Но вовсе не в том, чтобы привлечь внимание к той или иной проблеме (задача публицистики); и не в том, чтобы явить миру глубину своего собственного интеллекта, мощь собственной пронизательности или поставить новую научную проблему (задача эссе).

Что можно и нужно использовать в качестве источников для реферата.

Итак, самые хорошие источники для вашего реферата — это статьи, опубликованные в социологических журналах и книги по соответствующей социологической тематике. С моей точки зрения предпочтительными являются именно статьи. Во-первых, они не столь объемны, как книги (ведь студенты очень занятые люди и постоянно испытывают дефицит времени). Во-вторых, журналы дают «живой», сегодняшний срез актуальных научных поисков. Книги в этом смысле менее оперативны.

Впрочем, если говорить об истории социологии, то, конечно, здесь в качестве источников книги «того времени» и тех исторических персонажей, которых вы выбрали, более уместны.

Где и как искать источники по тематике реферата

Для поиска необходимой научной литературы существует огромный корпус библиографических изданий, это — библиотечные каталоги (алфавитные и предметные), тематические библиографические указатели, отраслевые реферативные журналы, справочники и т.п. В последние годы в связи с развитием компьютерных технологий и сети Интернет создается иллюзия, что возможности поиска существенно расширяются. Почему речь об иллюзии? Да потому, что, к сожалению, в Интернете очень много мусора, ненадежной и непроверенной информации, слишком много эмоционально «вздрюченных» авторов. Поэтому отделить существенное от несущественного отнюдь не так просто, как может показаться. В частности, «всезнающей» Википедии доверять можно, но с большой осторожностью.

Прежде всего, необходимо научиться выбирать ключевые слова, по которым осуществляется поиск релевантной информации. В вопросе о поиске ключевых слов, уместно вспомнить об игре, которая в 60-е годы XX века была популярной в институте философии АН СССР. Собравшиеся, в отсутствие водящего загадывали любое понятие (объект, предмет, явление). Когда понятие было выбрано, водящего приглашали в аудиторию. Он имел право на 10 вопросов, на которые можно было дать только один из двух вариантов ответа: «да» или «нет». Суть игры в том, что ответ на каждый вопрос делит пространство возможного пополам, т.е. «отсекает» пятидесятипроцентную нерелевантную зону поиска. Уже после второго, грамотно заданного, вопроса пространство поиска еще более сужается. Добившись в этой игре определенного совершенства, философы сократили число вопросов до 7. И эмпирическим путем установили, что число 7 является предельным для этой игры, меньшее число вопросов делает задачу невыполнимой — в принципе.

По сути дела эта игра — является моделью алгоритма поиска даже в ситуации, когда неизвестно, что надо искать. Задача студента существенно проще, ибо он знает (по крайней мере, должен знать), что он ищет в библиотеке или в интернете. Так же как и работа в библиотеке, поиск необходимой информации в Интернете — это не простой и специфический труд.

Традиционным библиографическим и периодическим изданиям по социологии посвящено «Приложение». Поэтому здесь более подробно рассмотрим Интернет-ресурсы, которые могут быть полезны для студентов при написании реферата.

Использование ресурсов Internet

Интернет — полноценный современный источник не только общественно-политической или художественной и культурной, но и научной информации. Конечно же, им можно и нужно пользоваться при написании и рефератов, и курсовых, и дипломных работ.

Есть только одно-единственное ограничение: **категорически нельзя пользоваться** сайтами рефератов. В частности, недопустимо скачивать готовые рефераты целиком, но также недопустимо собирать свой собственный реферат из нескольких чужих рефератов.

Студент, замеченный в использовании рефератов, находящихся на сайтах рефератов, автоматически получает **неудовлетворительную оценку**. И никакие оправдания (типа: «было очень мало времени и я не успевал(а)», или «я в Интернете же и нашел (нашла) ссылку на этот сайт») не принимаются во внимание. Ибо воровство — есть воровство; жульничество — есть жульничество, а плагиат — есть плагиат: и то, и другое, и третье во всем мире подвергается осуждению и остракизму.

Приведу постоянно работающие и более или менее регулярно пополняемые сайты, которые могут быть полезны.

Наука. Интернет. Россия: Каталог ресурсов

Автор: Информационный сервер "Наука. Интернет, Россия".

Аннотация: информационно-поисковая система "Наука. Интернет. Россия" организована в 1998 г. специалистами Центрального экономико-математического института РАН. Система реализована в виде аннотированного тематического справочника по ресурсам Рунета с основными разделами: Интернет; Наука и техника; Образование; Общество и политика; Справочное бюро; Страны и города; Финансы, бизнес, экономика. Возможна организация простого поискового запроса по ключевым словам. Результаты поиска выдаются в виде списка ресурсов, аннотации на которые составлены экспертами в соответствующих предметных областях.

Обновляемость информации: регулярная.

Язык описания WWW-страницы: русский.

<http://www.nir.ru/>

Российская сеть информационного общества — Социология

Russian Information Society Network

Авторы: Российская сеть информационного общества; Б.З. Докторов, В. Назаренко, А.Е. Шадрин.

Аннотация: путеводитель "Социология", основной информационно-поисковый ресурс Российской социологической сети (РСС), разрабатывается с 1999 г. как открытый некоммерческий проект, основная цель которого — каталогизация доступных в российском Интернете ресурсов по социологическим и релевантным дисциплинам. В меню начальной страницы доступна информация о проекте и его участниках и партнерах (О Проекте); журнале "Информационное общество" (Журнал); семинарах, организованных Российской сетью информационного общества (Семинары сети); законодательных инициативах в сфере информации и информатизации (Законопроекты); библиографических информационно-поисковых ресурсах российских и зарубежных библиотек, а также новых поступлениях в Российскую государственную библиотеку (Поиск книг). В разделе "Новости" публикуется текущая информация о деятельности Российской социологической сети, бюллетени РСС. В разделе "Ресурсы" представлен сам путеводитель, организованный в виде тематического каталога, состоящего из следующих разделов: Общая социология; Маркетинговые исследования; Методология в социологии; Политические исследования; Статистика. В каждый из разделов входят подразделы: Журналы; Публикации; Конференции; Исследовательские центры; Организации; Ресурсы. Все описания ресурсов, доступных в подразделах, аннотированы.

Обновляемость информации: регулярная.

Язык описания WWW-страницы: русский.

World Wide Web URL.: <http://www.isn.ru/sociology.shtml>

Институт социологии Российской академии наук (ИС РАН)

Автор: группа "Информация Интернет" при Ученом секретариате Института социологии РАН.

Аннотация: Институт социологии РАН, головное научно-исследовательское учреждение по социологическим наукам в системе РАН, основан в 1968 г. На начальной странице WWW-сайта доступна информация по следующим тематическим разделам:

- Дирекция — список руководства Института с номерами телефонов и адресами электронной почты;
- Краткая история — краткая историческая справка по ИС РАН;
- Структура — подразделения, отделы и Социологический институт РАН в Санкт-Петербурге;
- Содержание страницы — карта/путеводитель по Web-страницам сайта института;
- Направления деятельности — перечень направлений научно-исследовательской деятельности по программам, проектам и структурным подразделениям института;
- Исследовательские секции / Исследовательские центры — перечень научно-исследовательских структурных подразделений ИС РАН с кратким описанием основных направлений деятельности;
- Образование — страница Института социологии Государственного университета гуманитарного образования (ИС ГУГО), государственного вуза при ИС РАН; также содержит информацию по магистерским программам Фонда Форда и социологическим школам, в частности, по Социологической школе конфликтологии;
- Web-публикации — ссылки на периодические издания: «Социологический журнал», «Социологические исследования», «Социологический форум»;
- Объявления — актуальная информация о деятельности Института.

Обновляемость информации: регулярная.

Язык описания WWW-страницы: русский.

<http://www.isras.rssi.ru/>

Российская государственная библиотека (РГБ)

Автор: Российская государственная библиотека (Москва).

Аннотация: информационные ресурсы РГБ — Новые поступления в фонды библиотеки (за последнюю неделю); Электронные базы данных (Электронный каталог, отечественных книг, поступивших в РГБ с мая 1998 г.); БД "Зарубежные периодические издания"; Электронный каталог диссертаций, поступивших в РГБ с 1995 г. и авторефератов, поступивших

в РГБ с 1987 г. Книги, изданные в Российской Федерации (с 1994 г. по ноябрь 1997 г. и др.); Карточные каталоги и картотеки; Фонд справочных и информационно-библиографических изданий; Открытая русская электронная библиотека "OREL"; Создание систематического каталога российских ресурсов Интернет.

Научные и учебно-образовательные программы РГБ, а также публикации самой Библиотеки.

Обновляемость информации: регулярная.

Язык описания WWW-страницы: русский.

<http://www.rsl.ru/>

Социологический журнал

Автор: информационно-поисковый сервер "Наука. Интернет. Россия", И. В. Невзгодина.

Аннотация: издание Института социологии Российской академии наук, выходит с 1994 г., периодичность — 4 выпуска в год. На WWW-странице доступна информация: адресные реквизиты издания; адрес электронной почты главного редактора; информация для авторов и читателей; состав редакционной коллегии; неаннотированная роспись содержания выпусков. В полнотекстовом формате представлены все материалы выпусков, начиная с № 4 за 1997 г.

Обновляемость информации: нерегулярная.

Язык описания WWW-страницы: русский.

<http://knowledge.isras.ru/sj/>

Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев

Автор: факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета и редактор-учредитель журнала М, Илле.

Аннотация: Санкт-Петербургский журнал социологических и маркетинговых исследований издается учредителем и редактором М. Илле при поддержке факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета с 1997 г., периодичность — 6 раз в год. На WWW-странице доступна информация: адресные реквизиты издания; цель издания; В разделе «архив» представлены содержание и полнотекстовые материалы всех выпусков журнала, кроме вышедших в текущем году..

Обновляемость информации: нерегулярная.

Язык описания WWW-страницы: русский.

<http://www.teleskop-journal.spb.ru>

Назовем еще несколько полезных электронных адресов.

Социология в сети

Аннотация: Каталог сетевых ресурсов по социологии и маркетингу. Среди рубрик этого каталога для студентов наиболее актуальны: социологическое исследование, социологическая теория: тексты, ссылки на ресурсы по социологии, статьи и публикации.

Обновляемость информации: нерегулярная

Язык описания WWW-страницы: русский.

<http://socionet.narod.ru/>

Журнал

«Неприкосновенный запас»

Аннотация: «НЗ» выходит как обычный «бумажный» журнал и имеет также электронную версию. В электронной версии в режиме он-лайн содержится рубрика «форум», где публикуются отзывы и дискуссии по материалам статей, опубликованных в печатном варианте журнала. В этом отношении электронный вариант журнала оказывается более объемным.

Обновляемость информации: необновляемая.

Язык описания WWW-страницы: русский.

<http://www.nz-online.ru/>

Левада-Центр

Автор: Центр изучения общественной мнения Юрия Левады (до 2003 года ВЦИОМ)

Аннотация: Сайт центра, на котором наибольший интерес для студентов, пишущих реферат по социологии, представляют следующие рубрики (или разделы): проекты, издания центра и текущие исследования.

Обновляемость информации: регулярная

Язык описания WWW-страницы: русский.

<http://www.levada.ru>

Наука и инновации

Аннотация: Сайт посвящен исследованию инновационных процессов современного российского общества. В конце главной страницы этого сайта имеется раздел «Партнеры NT-INFORM.RU», который, по нашему мнению, может представлять интерес для студентов. Иконки, находящиеся в этом разделе, по сути дела являются гиперссылками на партнерские сайты.

Обновляемость информации: регулярная

Язык описания WWW-страницы: русский.

<http://www.rsci.ru>

Что искать в Интернет?

С помощью описанных выше поисковых систем, используя режимы поиска по авторам, по ключевым словам, по датам или имени автора (авторов) нужно искать оригинальные статьи и книги по тематике своего реферата.

На многих сайтах имеется рубрика «форум», содержащая дискуссии по поводу опубликованных на них материалов. Как правило, стоит читать не только сами статьи, но и материалы их обсуждения. Кроме того, вы и сами можете высказать свое мнение о том или ином материале на соответствующем «форуме».

Общие требования и рекомендации

Количество источников

Итак, из всего выше изложенного очевидно, что реферат «строится» на основе литературных источников и представляет собой *аналитический обзор научной литературы*. Минимальное количество источников, на базе которых строится любой реферат — **четыре**. Их может быть и больше, но рефераты, основанные менее чем на четырех источниках, к рассмотрению НЕ принимаются.

В список источников НЕ ДОЛЖНЫ ВХОДИТЬ:

Учебники и учебные пособия;

Методические пособия;

Словари, энциклопедии и справочники;

Практикумы;

Статьи из реферативных журналов.

Полноценными источниками являются *оригинальные* научные работы: монографии, книги, статьи из сборников и журналов, диссертации.

Однако это не означает, что учебниками и методическими пособиями нельзя пользоваться вообще. Напротив, обращение к учебникам — это первый шаг, как в выборе темы, так и в поиске источников для реферата. Именно учебники и аудиторные лекции служат первыми ориентирами для студента.

Словари также могут и должны быть использованы. В частности, для более точного толкования тех или иных понятий и научных терминов. Ссылки на словари и энциклопедии могут и должны присутствовать в студенческом реферате, но лишь в примечаниях к тексту, а не в списке основных источников.

Почему учебники и словари не должны входить в число базовых источников? Да потому, что сами по себе учебники — вторичны. Даже самый оригинальный учебник всегда содержит устоявшиеся, многократно подтвержденные знания и оценки. В определенном смысле, любой учебник — реферативен. А словари и энциклопедии представляют собой справочную литературу, и содержат канонические определения понятий и терминов, тщательно отобранные и подтвержденные факты.

Хороший учебник (методическое пособие) отличается от плохого тем, что непременно содержит достаточно большое количество ссылок на оригинальные работы. Каждая тема в хорошем учебнике сопровождается обширным списком литературы. Наконец, в хорошем учебнике, как правило, освещается не только прошлое состояние той или иной науки, но и современные, злободневные дискуссионные проблемы.

Таким образом, поиск источников не только можно, но и нужно начинать именно с учебников. И, конечно же, при выборе темы и поиске источников для вашего реферата стоит обращаться к преподавателям.

Объем и способ оформления реферата

Объем (количество страниц) зависит от того, какими оформительскими возможностями располагает студент.

Если он имеет **компьютер с принтером** (или имеет к нему доступ), то при наборе текста в текстовом процессоре Word, используя шрифт Times New Roman 12-го или 14-го кегля (кегель — размер шрифта) с полуторным интервалом между строчками, объем реферата (с учетом стандартных полей, т. е. отступов сверху, снизу, справа и слева) должен содержать **12–15 страниц**. Такой способ оформления реферата (равно как и курсовых, и дипломных работ) является предпочтительным. Тем более что в настоящее время в любом университете (вузе) оборудовано несколько компьютерных классов. Так что практически каждый студент для учебных целей может получить доступ к современной компьютерной технике.

Требования к оформлению.

Реферат обязательно должен содержать:

Титульный лист.

Оглавление с указанием страниц, на которых начинаются указанные в оглавлении главы и параграфы.

Каждая глава (раздел) реферата, а также каждый параграф (если главы разбиты на параграфы) должны иметь собственное содержательное название. Следует избегать таких названий, например, «Вводная часть», «Основная часть» и т. п.

Пронумерованный список источников, которые лежат в основе данного реферата. Желательно, чтобы источники в списке были упорядочены по алфавиту.

Страницы должны быть пронумерованы. Отсчет страниц ведется с титульного листа. Однако на титульном листе и на странице, где находится оглавление, номер страницы не ставятся. Таким образом, нумерация всегда начинается со страницы 3. Номер страницы обычно помещается в верхней части листа либо по центру, либо справа.

О структуре реферата

Реферат весьма объемный текст. Для того чтобы он лучше воспринимался, целесообразно выделять в нем определенные смысловые разделы. В структуру реферата входят непереносимые (обязательные) элементы: введение, за-

ключение, список источников. Но основное его содержание также должно быть структурировано.

Совершенно не правильно (по-школярски) выглядит реферат, в котором между введением и заключением помещается раздел, именуемый «Основная часть».

Так называемая **основная часть** может состоять из двух или трех разделов (или глав), каждый из которых, в свою очередь, может быть разбит на более мелкие элементы: параграфы или подразделы.

Существуют разные принципы выделения глав: а) от общего к частному; б) хронологический; в) тематический; г) по персонам. Любой из этих принципов может быть использован в каждой из тематических разновидностей рефератов. Однако есть определенные предпочтения.

Например, для рефератов первого раздела (темы 1 и 4) целесообразно использовать либо хронологический, либо тематический принципы структурирования. Остальные темы этого раздела можно структурировать по персонам. Т. е. в разных главах реферата рассматривать позиции отдельных авторов по отношению к тому или иному вопросу, а заключительную часть реферата посвятить сравнению их воззрений или основным различиям.

Для рефератов методологической ориентации наиболее целесообразно использовать принцип от общего к частному. Например, структура реферата на тему «Проблема качественных и количественных методов» может выглядеть так.

Введение

Глава 1. Философский смысл категорий «количество» и «качество».

Глава 2. История возникновения качественных и количественных методов в социологии.

Глава 3. Сферы применения качественных и количественных методов в современных социологических исследованиях.

Заключение.

Список источников.

Первая глава, как видим, посвящена введению и осмыслению ключевых понятий на самом общем — философском уровне. Во второй главе уровень рассмотрения проблемы более конкретен. И, наконец, в третьей главе рассматриваются совершенно конкретные вопросы.

Для рефератов, посвященных социологическому изучению актуальных социальных проблем, также может быть использован принцип от общего к частному. Однако, наряду с ним, здесь может пригодиться и тематический принцип. Например, в исследованиях социальных аспектов реформирования армии разные авторы могут акцентировать внимание на различных сторонах этой проблемы. Поэтому логично было бы во введении обозначить спектр проблем, которые изучались с помощью эмпирических исследований, а в конкретных главах (или разделах) основной части реферата рассмотреть

каждый из выделенных аспектов отдельно. Тогда в заключении целесообразно обозначить те актуальные аспекты, которые остаются вне зоны внимания исследователей.

О содержании раздела «Введение»

Введение должно содержать следующие обязательные элементы:

Обоснование актуальности избранной темы;

Обоснование и критерии отбора источников;

Задачи, которые ставит перед собой автор реферата;

Краткая аннотация, обоснование содержания ее глав (разделов)

В общем объеме реферата введение должно занимать не более 1–1,5 страниц.

Что писать в разделе «Заключение»

Заключение или выводы — отнюдь не формальный элемент работы. Если во введении были заявлены цели и задачи, то в данном разделе необходимо четко указать, в какой мере достигнуты и реализованы эти цели и декларированные ранее задачи.

Хороший тон — в начале каждой главы обозначать ее локальные цели, а в конце формулировать основные итоги или выводы. Это существенно облегчает написание окончательных выводов.

Выводов, как и целей, не должно быть много — не более трех — четырех. Они должны быть лаконичными и ясно сформулированными.

Как было показано выше, заключение может содержать сравнение разных теоретических позиций или описание существенных различий. Возможен и вывод о том, какие аспекты избранной студентом проблемы недостаточно изучены или выпали из поля зрения авторов публикаций (источников реферата).

Правила оформления реферата

Ссылки на источники и сноски в тексте

Ссылки на использованные в работе источники являются необходимым и важным элементом справочного аппарата любой научной публикации (или — шире — любой научной работы). Наличие ссылок и корректное их оформление — свидетельство уровня культуры и научной добросовестности автора. Если угодно, — один из показателей профессионализма.

Следует различать разные типы ссылок:

Во-первых, ссылки, требующие обязательного библиографического описания источников. Это:

- а) прямое или косвенное цитирование;
- б) использование чужих эмпирических данных;
- в) упоминание каких-либо официальных документов;

Во-вторых, ссылки, не требующие обращения к конкретным литературным источникам и их библиографическим описаниям. Это:

- г) упоминание научных идей, понятий, концепций, введенных в научный оборот другими людьми;

д) упоминание персонажей, в той или иной мере разработывавших какие-либо проблемы.

Рассмотрим более подробно каждый из названных случаев и примеры разных типов ссылок.

Прямое цитирование. Включение в текст работы аутентичных фрагментов текстов, принадлежащих другим людям (авторам).

Цитаты заключаются в кавычки. Если цитата оформляется как прямая речь, т. е. сопровождается словами автора, приводящего ее, то применяются соответствующие правила пунктуации.

Например. Белинский писал: «Создает человека природа, но развивает и образует его общество».

«Двенадцать миллионов людей вне закона!... Ужас!...» — писал в своем дневнике Герцен, имея в виду крепостных крестьян в тогдашней России.

«Стало быть, для того чтобы понять историю искусства и литературы той или другой страны,— указывает Г. В. Плеханов,— надо изучить историю тех изменений, которые произошли в положении ее жителей».

Докладчик привел слова Горького: «Всякая индивидуальность есть результат социальной группировки» — и этим закончил свое выступление.

Если после стихотворной цитаты текст продолжается, то тире ставится в конце стихотворной строки, например: «Муж Татьяны, так прекрасно и так полно с головы до ног охарактеризованный поэтом этими двумя стихами:

... И всех выше

И нос и плечи поднимал

Вошедший с нею генерал,—

муж Татьяны представляет ей Онегина как своего родственника и друга» (Белинский) (запятая и тире поставлены перед словами «муж Татьяны», которые повторяются для того, чтобы связать вторую часть авторских слов с первой частью).

Если цитата состоит из нескольких абзацев, то кавычки ставятся только в начале и в конце всего текста, например: В статье «Из истории русской литературы» А. М. Горький писал: «Чем же сильна литература? Насыщая идеи плотью и кровью, она дает им большую наглядность, большую убедительность, чем философия или наука. Будучи более читаемой и вследствие живости своей более убедительной, чем философия, литература этим самым является и наиболее распространенным, удобным, простым и победоносным способом пропаганды классовых тенденций».

Нередко при этом для более наглядного обозначения границ цитаты, особенно если внутри ее имеются кавычки, используется в качестве дополнительного особый полиграфический способ выделения цитаты (набор на меньший формат, набор шрифтом другого кегля и т. д.).

Если, приводя цитату, автор реферата подчеркивает в ней отдельные слова (такие места выделяются особым шрифтом), то это оговаривается в примечании, заключаемом в скобки, с указанием инициалов автора, перед кото-

рыми ставятся точка и тире, например: (подчеркнуто нами. — А. Р.), (курсив наш. — А. Р.), (разрядка наша. — А. Р.). Такое примечание помещается или непосредственно после соответствующего места в цитате, или в конце предложения либо цитаты в целом, или в виде сноски (в последнем случае примечание помещается без скобок)¹⁷³.

Если цитата приводится не полностью, то пропуск обозначается многоточием, которое ставится:

- 1) перед цитатой (после открывающих кавычек), синтаксически не связанной с авторским текстом, для указания, что цитата приводится не с начала предложения, например: Л. Н. Толстой писал: «... в искусстве простота, краткость и ясность есть высшее совершенство формы искусства, которая достигается только при большом даровании и большом труде»;
- 2) в середине цитаты, когда пропущена часть текста внутри ее, например: Говоря о достоинствах языка народной поэзии, А. А. Фадеев напомнил: «Не случайно наши русские классики... рекомендовали читать сказки, прислушиваться к народной речи, изучать пословицы, читать писателей, которые обладают всем богатством русской речи»;
- 3) после цитаты (перед закрывающими кавычками), когда цитируемое предложение приводится не до конца, например:

Выступая в защиту культуры устной речи, Чехов писал: «В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать...»

После цитаты, заканчивающейся многоточием, ставится точка, если цитата не является самостоятельным предложением, например: М. В. Ломоносов писал, что «красота, великолепие, сила и богатство русского языка явствует довольно из книг, в прошлые века писанных...»¹⁷⁴.

Косвенное цитирование. Изложение чужих мыслей, идей своими словами. Пересказ. «Раскавыченная» цитата. Этот способ цитирования оказывается уместным, когда цитируемый текст содержит стилистические ошибки или является громоздкой синтаксической конструкцией, и тем самым «портит» ваш авторский текст. Косвенное цитирование уместно также и в случаях, когда есть возможность существенно короче, чем в первоисточнике, изложить, содержащуюся в нем идею (мысль) без искажения. Тем не менее, научная корректность требует обязательного указания на истинное авторство данной мысли (идеи).

Использование чужих эмпирических данных — будь это отдельные процентные распределения или таблицы, — требует обязательной ссылки (сноски) на источник, из которого они взяты. Это может быть статья, справочник, монография или официальные документы.

¹⁷³ Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Рольф: Айрис-пресс, 1999. — с. 170–171.

¹⁷⁴ Там же, с. 171.

Упоминание каких-либо официальных документов. К официальным документам относятся законодательные акты, постановления разных органов власти, стенограммы официальных мероприятий, протоколы собраний. Как правило, официальные документы публикуются либо в газетах, либо в специализированных вестниках — официальных периодических изданиях.

Ссылки, не требующие полного библиографического описания источника:

Упоминание научных идей, понятий, концепций, введенных в научный оборот другими людьми.

Упоминание персонажей, в той или иной мере разработавших какие-либо проблемы.

Как правило, в этих ситуациях ссылка не обязательно должна быть связана с тем или иным конкретным литературным источником. Такая ссылка помещается непосредственно в тексте в скобках и включает имя ученого, который ввел данное понятие (идею, концепцию), и — желательно — дату, первого использования данного понятия (идеи, концепции) или опубликования работы, в которой содержится развернутое определение и обоснование этого понятия (идеи, концепции).

Например: В. А. Ядов в одной из статей в «Социологическом журнале» пишет о классификациях парадигмальных моделей, «...которые, по сути, представляют собой метапарадигмы. Так, Дж. Ритцер, один из ведущих авторов метатеоретических построений, выделяет три парадигмы — социальных фактов, социальных конструкций и социального поведения, каждая из которых утверждает свою онтологию социального мира [5]. Для первой — это надындивидуальные социальные структуры (например, Э. Дюркгейм), для второй — совокупности интенционально действующих социальных субъектов (М. Вебер) и для третьей — собственно поведение этих субъектов (бихевиоризм). Т. Джонсон, К. Дандекер и К. Эшуорт предложили классифицировать социологические парадигмы по критериям дихотомизации представлений о природе социальной реальности как материальной или идеальной и по критерию философского номинализма или реализма [6]. Можно привести и другие примеры.»¹⁷⁵

Другой пример. «Альтернативное социологическое направление «теории действия», которое прослеживается от Макса Вебера, концентрирует внимание на деятельности и индивидуальной субъективности. Идеальные типы Вебера являются типами «социальной деятельности», в которых типичные конфигурации средств и результатов представляют собой строительные блоки моделей социальной структуры. Индивиды-эмблемы (Кальвин, Бенджамин, Франклин) описаны Вебером в качестве примера благодаря их причинно-обrazующим действиям в определении норм деятельности. Дебаты по поводу «деятельности и структуры» продолжают определять поляризацию социоло-

¹⁷⁵ Ядов В. А., Возможности совмещения теоретических парадигм. //Социологический журнал, М., 2003, № 3, с. 6.

гической теории с важными современными попытками преодолеть ее раз и навсегда (Giddens 1984, Archer 1995, Mouzelis 1995).»¹⁷⁶

Примечания, как правило, печатаются внизу страницы или в отдельном разделе в конце текста перед приложениями.

Чем примечания отличаются от ссылок (сносок)? Если ссылка — есть указание на то, что в тексте используются мысли, эмпирические данные и т. п. других авторов, то примечания — это авторские пояснения, уточнения и комментарии, которые по той или иной причине не считаются необходимым включать в основной текст.

Приведем типичные образцы содержания примечаний.

- Эту мысль высказал в частной беседе В. А Ядов, когда мы обсуждали с ним план дипломной работы.
- Аналогичные вопросы использовались также в анкетах международного сравнительного исследования «Население и полиция», в котором участвовали и российские социологи под руководством Я. И. Гишинского.
- Более подробно данный вопрос рассмотрен в книге Умберто Эко «Как написать дипломную работу». В отличие от других многочисленных изданий такого рода, У. Эко специально акцентирует внимание на этических проблемах взаимодействия студента с научным руководителем, а также на морально-этических вопросах, связанных с научными и человеческими амбициями ученых и студентов. Целиком посвящены морально-этическим аспектам научного творчества работы [6,11,13 и др.]¹⁷⁷.
- Материалы, использованные в этой таблице, почерпнуты из нескольких источников. Частично здесь были пересчитаны данные, опубликованные в сборнике «Ленинград и Ленинградская область в цифрах», Л., 1989. Частично данные взяты из журнала «Вопросы статистики» за 1985–1989 гг. (см. список литературы). Таким образом, эта сводная, обобщающая таблица является результатом вторичного анализа большого массива статистических данных.
- Примечания, как видим из приведенных примеров, имеют в основном пояснительный характер. Хотя иногда примечания содержат весьма обстоятельный анализ публикаций по относительно узкому вопросу, который находится на периферии анализируемой в работе проблемы.

Особенности ссылок на источники, помещенные в Internet

Следует заметить, что в современной библиографии и в издательском деле правила и нормы оформления ссылок на электронные источники (а это

¹⁷⁶ Майкл Рустин. Размышления по поводу поворота к биографии в социальных науках. //INTER, М., 2002, № 1, с. 17.

¹⁷⁷ Поскольку эти примеры «выдернуты» из реальных текстов, то номера ссылок не стоит искать в этом методическом пособии. Они соответствуют списку литературы, использованной в тех публикациях, из которых взяты наши примеры.

не только Internet, но и CD — компакт-диски) еще окончательно не сложились. Однако уже можно обратить внимание на типичные и характерные ошибки, с которыми приходится сталкиваться.

Грубая ошибка, когда ссылка выглядит так «Использованы материалы Интернет». Такая ссылка, строго говоря, таковой не является — это просто «отписка».

Вторая распространенная ошибка состоит в том, что интернет-адрес описан не полностью. Например, студенты часто указывают такой адрес: www.yandex.ru или www.nig.ru или www.narod.ru. Ошибка состоит в том, что все три приведенных в примере адреса представляют собой очень мощные и разветвленные информационные порталы. Сделать такую ссылку столь же бессмысленно, как сослаться на Большую Британскую энциклопедию, которая включает в себя почти сотню томов.

Ссылка на электронный источник требует указания:

Автора,

Названия материала (статьи, информации и т. п.),

(после двойного слеша) Полного пути к нему.

Конкретный источник, на который действительно можно делать ссылку, как правило, является либо документом в формате текстового редактора Word (*.doc или *.rtf), либо в формате *.pdf (если документ имеет большой объем, он может быть запакован одним из архиваторов — *.arj; *.zip; *.rar и др.), либо, наконец, в формате языка гипертекстовой разметки (*.html; *.htm). Поэтому точная ссылка должна заканчиваться именно указанием на тип используемого файла. Например, ссылка на сайт, содержащий описание залов Государственного Эрмитажа, должна выглядеть следующим образом:

Залы Эрмитажа: http://www.hermitage.ru/html_RU/08/hm88_0_1.html.

Другой пример, автор цитирует обзор российских компьютерных программ для построения генеалогических деревьев, корректная ссылка примет следующий вид:

Каталог генеалогических компьютерных программ. <http://www.mtu-net.ru/rrg/Russian.htm>.

Конечно, если автор реферата ссылается не на конкретную электронную публикацию, а на web-страницу в целом, его ссылка может выглядеть так:

Описание российских Интернет-ресурсов по социологии. <http://www.relcom.ru:80/www/wtr>.

Иллюстрации в тексте реферата

В структуру реферата могут быть включены рисунки, таблицы, графики. Иногда помещая в текст таблицу или график, авторы полагают, что приведенные в них данные (цифры) «говорят сами за себя», и никак не комментируют их. Это не правильно. Все цифровые данные таблиц, графиков и т. п. должны быть проанализированы в работе и тесно увязаны с излагаемым материалом.

Кроме того, в реферат, как правило, помещаются таблицы, взятые из того или иного источника. Следовательно, любые таблицы, а также цифровые данные, которые включаются в текст реферата не в табличной форме, должны обязательно иметь ссылки на те источники, откуда они заимствованы.

Кстати, в реферате могут быть использованы и авторские таблицы. Это очень удобный способ организации материала. Например, в реферате делается сравнительный анализ разных социологических школ, или подходов разных авторов к одной и той же проблематике. В таком случае целесообразно построить собственную таблицу и прокомментировать ее в тексте, что позволит сделать ваш анализ более наглядным и более компактным.

Если таблицы невелики по объему и органично вписываются в текст, их можно помещать на той же странице, где находится соответствующий, интерпретирующий эту таблицу, текст. Однако, допустим и «отрыв» таблицы от текста, в котором она комментируется. В этом случае в тексте должна быть ссылка на соответствующую таблицу, например, (см. таблицу 2 на стр. №___). Такой прием целесообразен в тех случаях, когда таблица (или график) не помещается целиком на одной странице с текстом. Разрывать такие таблицы или графики не рекомендуется (замечу, что графики «разорвать» просто технически невозможно).

Все таблицы должны иметь сквозную нумерацию, при этом знак «№» не ставится. Но кроме номера, каждая таблица должна иметь свое собственное название. Например:

Т а б л и ц а 1. Парные коэффициенты корреляции и ранги факторов

Факторы	X1	X2	...	Xn
Коэффициенты парной корреляции	Qyx1	Qyx2	...	Qyxn
Ранг фактора	R1	R2	...	Rn

Если таблица или график достаточно велик по объему, но отрывать их от текста нецелесообразно в силу их связи с ним, такую таблицу можно поместить на отдельном листе (странице), включив эту страницу в общую нумерацию. Если таблица не помещается на лист формата А4, но может быть помещена на листе формата А3, этот лист нужно учитывать как одну страницу, а номер на нем можно не проставлять.

При переносе таблицы на другие страницы пронумеровывают ее графы и повторяют эту нумерацию на следующей странице (следующих страницах). Целесообразно также сделать примечание: «продолжение таблицы на след. стр.». Продолжение таблицы также следует начать с примечания: «продолжение (или окончание) таблицы №». Например:

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Что представляет для Вас главные трудности в работе над диссертацией?», %

Характер трудностей в работе над диссертацией	Кластеры			
	1	2	3	4
1	2	3	4	5
Состояние здоровья	0	35	4	5
Нехватка научной литературы	35	51	51	52
Семейные проблемы	4	12	15	8
Материальные трудности	39	64	47	37
Слабое научное руководство	2	9	11	10
Плохие жилищные условия	19	21	17	3
Трудности с публикацией своих работ	6	15	18	16
Слабая компьютерная подготовка	9	3	8	13

(продолжение таблицы 2 см. на след. стр.)

[Перенос на следующую страницу]¹⁷⁸

(Окончание таблицы 2)

1	2	3	4	5
Слабая материально-техническая база в вузе	25	30	34	36
Нехватка средств на проведение исследований	29	32	29	30
Обилие домашних дел, уход за ребенком	17	15	14	12
Загруженность преподавательской работой	14	18	14	12
Загруженность подработками по специальности	37	18	11	15
Загруженность работой не по специальности	39	32	9	22
Недостаточное знание иностранного языка	14	15	14	15
Собственная неорганизованность	15	21	23	24
Дефицит научного общения	25	28	28	30
Сомнения в своих способностях	4	6	8	16

Таблицы, диаграммы (графики), рисунки должны иметь свою собственную нумерацию. Ибо это — разные виды иллюстраций. Иными словами, все таблицы должны иметь нумерацию от 1 до N, Диаграммы и рисунки также нумеруются от первого номера.

Для именовании таблиц, диаграмм и схем установлен следующий стандарт: Таблица №, затем наименование таблицы, затем сама таблица.

Для именовании диаграмм и рисунков стандарт иной (см. пример: рис 1).

Для построения диаграмм и графиков целесообразно пользоваться стандартными процедурами Microsoft Office (т. е. Word, Excel, Access).

¹⁷⁸ Слова «Перенос на следующую страницу», взятые в квадратные скобки, — это пояснение для вас. В тексте курсовой они, естественно, не пишутся.

Чуть более подробно остановимся на правилах оформления таблиц. Диаграммы (столбиковые или круговые) далеко не всегда оказываются лучшим способом представления данных, часто таблицы более предпочтительны.

Приведем пример таблицы иллюстрирующей различия между двумя группами опрошенных.

Т а б л и ц а * Распределение респондентов в таблице приведено в процентах к численности групп «из рабочих», «из крестьян» соответственно.

Жизненные планы	Социальное происхождение		Ранг I	Ранг II	d _i	d _i ²
	из рабочих	из крестьян				
Получить высшее образование	57,5	51,0	1	3,5	-2,5	6,25
Получить интересную любимую работу	57,3	59,0	2	1	1	1
Побывать в других странах	53,8	52,0	3	2	1	1
Создать себе хорошие жилищные условия	49,7	51,0	4	3,5	0,5	0,25
Добиться хорошего материального обеспечения	48,5	50,0	5	5	0	0
Повысить свою квалификацию	42,0	45,0	6	6	0	0
Получить среднее образование	22,6	32,0	7	7	0	0
Уехать на одну из новостроек	19,4	25,0	8	8	0	0
l=8						=8,50

Поскольку респонденты могли отмечать при опросе более чем один жизненный план, то сумма по столбцам не равна 100%.

Здесь приведены исходные процентные распределения и вспомогательные данные, необходимые для расчета коэффициента парной корреляции. Данные в этой таблице упорядочены по мере убывания популярности разных жизненных планов среди представителей первой из сравниваемых групп. Кстати, заметим — это очень хороший прием — упорядочивание данных по какому-либо критерию.

Третий пример — совсем простая, но весьма информативная таблица, в которой сведены вместе простые распределения по четырем простым признакам анкеты с однотипной номинальной шкалой.

Т а б л и ц а * Как разрешались конфликты в общежитии? (% по строке)

	нет	да	Нет ответа	Итого
Собственными силами	15,0	68,5	16,5	100
С помощью милиции	71,5	13,0	15,5	100
Комендантом	74,5	10,0	15,5	100
Другое	84,0	0,5	15,5	100

Существует большое разнообразие таблиц. В частности, классификационные или типологические таблицы, которые способствуют четкой организации теоретического или эмпирического материала.

Приведём пример построения сводной текстовой таблицы, которая позволяет «сжать» объем основного текста и компактно сравнить (в данном примере) различные методы сбора, обработки и анализа первичных данных.

Т а б л и ц а 3¹⁷⁹. Сопоставление различных методов сбора, обработки и анализа первичной социологической информации

Метод сбора первичной информации	Статус и функции лица, от которого исходит информация	Характер информации	Способы организации и представления информации		Способы обработки и анализа данных
			на стадии сбора	на стадии обработки	
Стандартизированный анкетный опрос	Респондент	Формализованный исследователем монолог респондента	Текстовый документ, бланк	Матрица числовых данных	Алгоритмы стандартного статистического анализа
Фокусированное интервью	Респондент	Формализованный исследователем диалог с респондентом	Текстовый документ, бланк	Текст, гипертекст или матрица числовых данных, реже база данных	Качественное описание данных. После кодирования алгоритмы стандартного статистического анализа

¹⁷⁹ О. Б. Божков Родословные (генеалогические) деревья как объект социологического анализа. //Социологический журнал, М.: 1998, № 3 / 4, с. 127

Биографическое интервью (тематизированное социологом)	Рассказчик, (респондент)	Направляемое исследование повествование рассказчика о своей жизни	Текстовый документ, бланк, сценарий	Текстовый документ, нарратив	Качественное описание данных. В случае кодирования данных алгоритмы статистического анализа
Биографическое интервью (тематизированное информантом)	Рассказчик	Самостоятельно выстроенное рассказчиком повествование о своей жизни	Фонограмма или текстовый документ	Текстовый документ, нарратив	Качественное описание данных. Классификация. Кодирование. Типологизация. Структурные модели. Простые статистики.
Родословное древо	Организатор сбора информации	Институционализированная информация о других людях (родственниках и свойственниках)	Родословная роспись (текст или таблица)	1) Граф родственных связей; 2) его описание (текст)	Качественное описание данных. Типологизация. Структурные модели. Простые статистики.

Далее в качестве примеров используем таблицы из отчета 2001 г. по материалам сравнительного социологического исследования «Население и милиция в большом городе» реализованного при финансовой поддержке Фонда Форда, СПб, 2002.

Т а б л и ц а 4.3.2. Социально-культурные и социально-профессиональные характеристики респондентов (% по столбцу)

Значения характеристик респондентов	Подмассивы			
	Лица БОМЖ	Жертвы	Общежития	Бывшие заключенные
Образование				
специальное заведение для инвалидов			0,51	
начальное	1,81			
неполное среднее	22,8		1,0	18,6
полное среднее	26,3	6,7	14,5	30,2
профессионально-техническое	10,5	13,3	18,0	14,0

среднее специальное	19,3	28,9	15,5	7,0
незаконченное высшее	12,3	13,3	42,0	9,3
высшее	7,0	37,8	7,5	20,9
аспирантура			1,0	
	100,0	100,0	100,0	100,0
социально-профессиональная группа				
неквалифицированные рабочие		19,1	3,5	7,0
квалифицированные рабочие		14,9	11,5	4,7
служащие без специального образования		2,1	1,5	2,3
служащие со средним специальным образованием		4,3	3,0	
служащие с высшим образованием		10,6	4,5	
предприниматели		23,4	4,5	18,6
руководители		4,3	1,5	
представители свободных профессий			0,5	7,0
лица, оказывающие услуги			6,0	18,6
безработные			1,0	11,6
домохозяйки		2,1	1,5	2,3
учащиеся		14,9	44,5	2,3
пенсионеры		2,1		18,6
другие группы населения		2,1	16,5	7,0
		100,0	100,0	100,0
Душевой доход				
Нет данных		4,3		
До 100 руб.				2,3
101–300 руб.		2,2	,5	
301–500 руб.		4,3	1,0	
501–700 руб.			5,5	
701–900 руб.		4,3	4,5	2,3
901–999 руб.		2,2	23,5	16,3
1 тыс. — 4999 руб.		47,8	58,5	46,5
5 тыс. — 9999 руб.		26,1	6,5	18,6
10 тыс. — 14999 руб.		6,5		2,3
15 тыс. руб. и более		2,2		11,6
		100,0	100,0	100,0

Эта таблица достаточно компактна и чрезвычайно информативна. Она позволяет наглядно представить существенные различия между четырьмя

разными подмассивами данных (различными группами опрошенных). Аналогична и следующая таблица.

Таблица 4.2.3. Сравнение стажа проживания в микрорайоне представителей трех поведенческих статусов (доли в подмассивах).

Стаж проживания в микрорайоне	Подмассивы			В среднем
	Задержанные милицией	Жертвы преступлений	Обращавшиеся в милицию	
Менее года	3,7	3,0	2,5	2,8
1–3 года	9,0	7,8	7,0	7,5
3–5 лет	9,9	8,4	7,2	7,9
5–10 лет	12,1	14,7	13,4	13,8
10–25 лет	20,1	20,6	21,1	20,8
15–30 лет	35,0	32,0	34,4	33,6
более 30 лет	10,2	13,5	14,4	13,7
Средний стаж проживания в микрорайоне (в годах)	16,7	17,4	18,2	17,4

Обратите внимание, содержание и форма представления данных основных клеток таблицы в наших примерах обозначено в скобках в названии таблиц. В самой же таблице знак процента «%» не используется.

Следующий пример — представление в табличной форме результатов факторного анализа данных.

Таблица 4.10 Матрица факторных нагрузок: восприятие населением деятельности милиции («осевые» признаки)¹⁸⁰ (2001 год без параметра «Изменения в работе»)

Исходные признаки	Факторы				
	Силовые методы	Культура обращения	Профессионализм	Эффективность	Криминализация
Задержание без оснований	0,726				
Жестокость обращения	0,890				
Необоснованное применение силы	0,883				

¹⁸⁰ Здесь и далее — метод главных компонент, с ротацией по varimax критерию, пятифакторное решение. В соответствующих таблицах приводятся значения лишь факторных нагрузок, достигающих уровня статистической значимости

Оскорбления при задержании	0,846				
Получение взяток					0,799
Участие в подпольной торговле					0,833
Вежливы с жителями		0,546			
Внимательны к жителям		0,813			
Готовы помочь жителям		0,811			
Справедливы к людям		0,797			
Ответственность				0,780	
Охрана общ. порядка				0,695	
Порядок на улицах				0,720	
Сотрудничество с жителями			0,683		
Помощь жертвам			0,747		
Предотвращение преступлений			0,783		
Информативность факторов	20,4	15,8	12,3	11,8	9,7

Суммарная информативность факторов = 70,1 %

подавляющее большинство приведенных здесь примеров использования таблиц взяты из реальных исследований и получены с помощью аналитических процедур статистического пакета SPSS. Кстати, формируемые в модуле “Output” этого пакета таблицы через Clipboard можно легко перенести в текстовый редактор Word, где их, конечно же, приходится дополнительно редактировать. Хотя это несколько утомительно, но, право слово, не составляет большого труда.

Поясним, как устроены таблицы SPSS на примере условной двухмерной таблицы (их также называют таблицами сопряженности). $Y(1,2,3)$ — значения i -го признака; $X(1,2,3,4,5)$ — значения j -го признака; N — общее число опрошенных; Y_iX_j — означают абсолютное число человек одновременно выбравших i -тое значение признака Y и j -тое значение признака X .

SPSS дает возможность включать в таблицы так называемые «маргиналы» — относительные значения (т. е. %) как по строкам, так и по колонкам. Процент по строке означает, например, что среди всех, кто выбрал значение Y_1 , $n\%$ составляют, выбравшие значение X_1 . Процент по колонке означает, что среди всех, выбравших значение X_1 , $k\%$ составляют одновременно выбравшие значение Y_1 .

В таблицах SPSS есть возможность включить еще одну строку процентных распределений, где за 100 % принимаются все выбравшие определенные позиции по обоим анализируемым признакам (переменным). В этом случае

«процент от всех» показывает, какую долю в общем массиве опрошенных составляют люди, попавшие в одну клетку таблицы.

Крайние правые колонки и нижние строки таблицы по сути дела являются простыми распределениями по анализируемым признакам в целом. Заметим также, что наиболее информативными в таких таблицах оказываются отнюдь не абсолютные, а именно относительные (т. е. процентные) распределения. Кстати, SPSS дает возможность «отключить» абсолютные значения.

Естественно, все диаграммы, схемы, таблицы, которые включены непосредственно в текст курсовой или дипломной работы, обязательно должны быть описаны и проинтерпретированы. Ибо это не просто иллюстрации, но основания для выводов, которые будут сделаны из представленного эмпирического материала. Если же вы не собираетесь интерпретировать и/или обсуждать представленные в таблицах данные, но считаете их важными для понимания работы в целом, их стоит поместить в приложение. Но и там все-таки имеет смысл снабдить таблицы, графики, диаграммы и схемы хотя бы минимальным комментарием. Это примета хорошего тона и уважительного отношения автора к читателям.

Формальное описание двумерной таблицы

Признак I	Признак J					Сумма по Y	% по Y
	X1	X2	X3	X4	X5		
Y1	Y1,X1	Y1,X2	Y1,X3	Y1,X4	Y1,X5	Σ Y1	~
% по строке	-	-	-	-	-	100 %	
% по колонке	-	-	-	-	-		
Y2	Y2,X1	Y2,X2	Y2,X3	Y2,X4	Y2,X5	Σ Y2	~
% по строке	-	-	-	-	-	!00 %	
% по колонке	~	~	~	~	~	~	
Y3	Y3,X1	Y3,X2	Y3,X3	Y3,X4	Y3,X5	Σ Y3	~
% по строке	-	-	-	-	-	100 %	
% по колонке	-	-	-	-	-	-	
Сумма по X	Σ X1 100 %	Σ X2 100 %	Σ X3 100 %	Σ X4 100 %	Σ X5 100 %	N	% ответивших по признаку X
% по X	-	-	-	-	-	% ответивших по признаку Y	Общее число ответивших

В качестве еще одного примера приведем фрагмент (он выделен в тексте звездочками) из отчета 2002 года по проекту «Населения и милиция в большом городе», где широко использовались графики, которые наглядно отражали различия в восприятии и оценке милиции представителями разных групп населения.

* * *

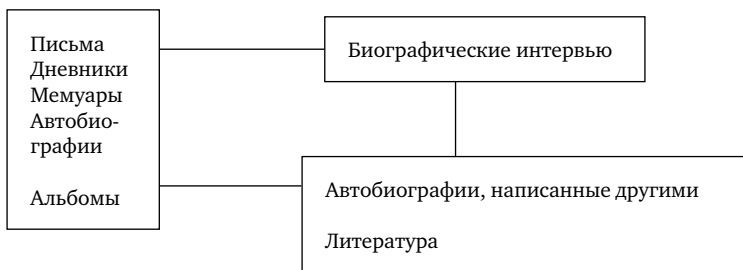
«Следующая группа рисунков (стр. 185) (4.3.3.–4.3.9.) дает некоторое представление о том, как анализируемые категории населения воспринимают актуальность и серьезность ряда проблем взаимодействия милиции и населения.

Рисунки имеют много общего, однако есть и различия. Так, заметно выделяются рис. 4.3.4., рис. 4.3.8. и рис. 4.3.9. Три оставшихся рисунка похожи друг на друга, как близнецы-братья.

Заметим, что общий характер распределений ответов на данный блок вопросов во всех четырех специфических группах населения весьма схож с распределениями, полученными в репрезентативных массовых опросах».

* * *

Кроме таблиц и диаграмм в курсовой работе могут быть также использо-

ваны различные схемы. Например:

Схема 1. Попытка классификации личных документов (В. Б. Голофаст)

Или другой пример (см. стр. 186)

Здесь приведены простые схемы, но и они требуют некоторых пояснений. Поэтому схемы, как правило, «встраиваются» в текст изложения. Могут быть построены и более сложные схемы, которые включают условные обозначения, требующие специальной расшифровки. Также как и большие таблицы, сложные схемы следует помещать на отдельной странице. При этом в тексте, относящемся к ней необходимо сделать пометку: «См. схему №». Однако не

Рис. 4.3.3. Удовлетворенность результатом обращения в милицию

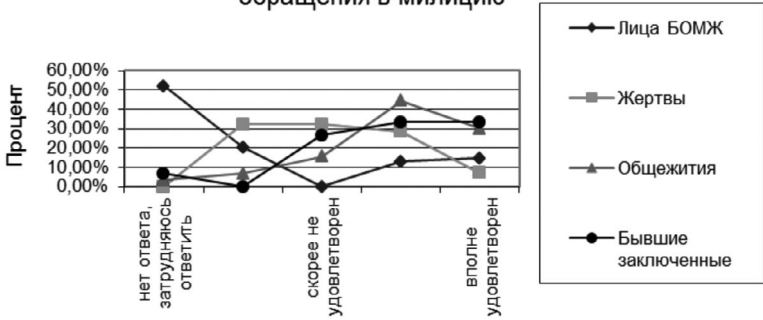

Рис. 4.3.4. Задержание без достаточных оснований

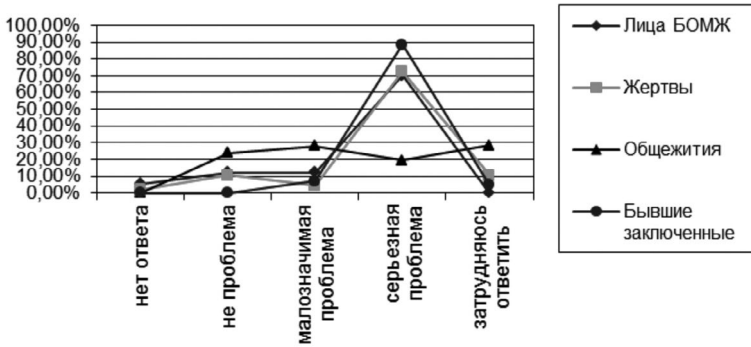
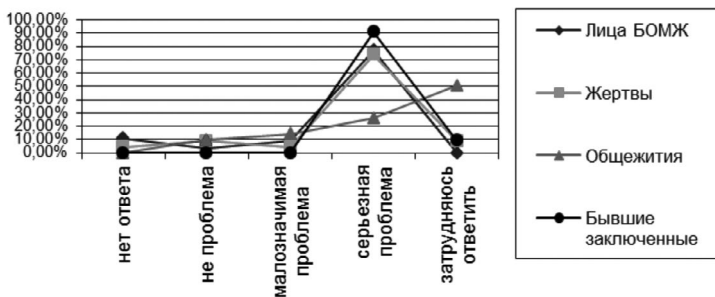

Рис. 4.3.5. Жестокое обращение с задержанными

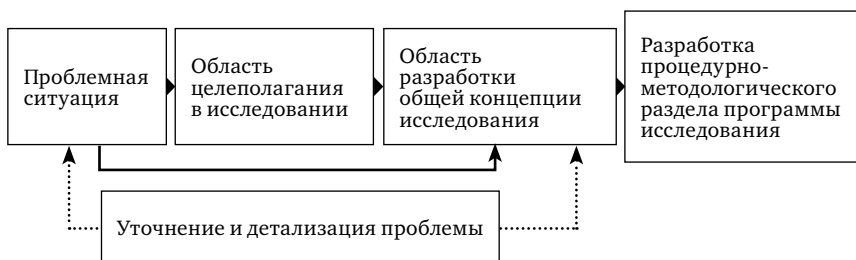

Схема 2. Логическая последовательность действий при разработке программы социологического исследования

стоит относить иллюстративный материал далеко от того места, где он описывается и комментируется.

Что помещать в приложения

Приложения. Как правило, это совокупность документов, способствующих более полному и глубокому пониманию основного текста. В приложения к реферату целесообразно включать: образцы рисунков, схемы, глоссарии и т. п. Т. е. такие материалы, которые невозможно пересказать коротко, и которые существенны для более полного и адекватного представления о реферируемых источниках

Каждый документ, помещенный в раздел «Приложения», должен иметь свой номер и свое название. Для приложений может быть использована своя собственная нумерация страниц, т. е., начиная с первой. Однако допускается и продолжающаяся нумерация.

Обратите внимание на язык изложения

Письменные работы студентов Университета Культуры и искусств очень часто огорчают небрежностью не только в оформлении, но и в обращении с русским языком.

Не будем говорить о грамматических и синтаксических ошибках. Сплошь и рядом (даже в титульном листе рефератов и курсовых работ) можно встретить слово «эмперические», вместо эмпирические, довольно часто студенты пишут «обуславливать», вместо обусловливать. В этом проявляется небрежность, и забвение элементарных правил проверки написания гласных. С запятыми — просто беда. Они отсутствуют, там, где обязаны быть, и присутствуют там, где им совершенно нечего делать. Но гораздо чаще встречаются стилистические ошибки, а именно: несогласование падежей, многократное употребление одного и того же слова вместо поиска его синонимов, неправильная расстановка слов в предложении и т. п.

Очень утомительно читать текст, в котором на каждой странице по 15–18 раз встречается слово «исследование», например, или в котором три или

четыре абзаца подряд начинаются со слов «Как показали социологические исследования...». Иначе, как небрежностью или — еще хуже — бедностью личного словаря, это трудно объяснить.

Язык, стиль изложения — это надежный индикатор уровня культуры автора (в нашем случае — будущего специалиста в области **культуры**).

Поэтому настоятельно советую, во-первых, перед тем, как печатать работу (особенно если работа выполняется с помощью компьютера) в Word запустить программу проверки орфографии и исправить, по крайней мере, те ошибки, которые обнаружит эта программа. Далеко не всегда, спеллер (так называется среди профессионалов эта программа) предложит вариант исправления ошибки. В этом случае следует обратиться к каким-либо словарям, либо к учебникам русского языка.

Кроме грамматических ошибок, современные спеллеры, «реагируют» и на стилистические погрешности текста. Стилистические ошибки при наборе текста программа подчеркивает зеленой волнистой чертой, а при проверке «дает» пояснения, почему это место выделено, и рекомендации по исправлению стилистической ошибки. К этим рекомендациям полезно прислушаться, во всяком случае, целесообразно провести самостоятельный стилистический разбор отмеченной фразы или ее фрагмента и попытаться перестроить фразу.

Ясный стиль, т. е. отсутствие стилистических ошибок, способствует точному выражению своих мыслей и, соответственно, лучшему пониманию текста читателем.

Еще от одного типа стилистических ошибок стоит предостеречь студентов. Тем более что эти ошибки не «отлавливаются» никакими спеллерами. Имеются в виду содержательно пустые фразы, которые авторы вставляют «для разгона», или тогда, когда сказать нечего, но какой-то текст нужен.

В одном из рефератов по теме «В. Н. Шубкин: престиж профессий в представлении советских школьников» раздел «Проблема выбора» начинается так:

«Первый шаг, первый выбор всегда самый сложный. Это трудный выбор, ибо огромен и переменчив современный мир: потребности общества в кадрах, социальная структура, система образования, численность и размещение населения. Еще более зыбок, многослоен и противоречив внутренний мир — тот, где зарождается выбор. Познать себя, угадать свою силу — непростая вещь».

Весь этот фрагмент ни о чем. Он выполняет функцию «въезда» в тему. Беда в том, что этот въезд подчас занимает несколько страниц. Вот как заканчивается этот раздел в реферате: *«Первый выбор — всегда трудный выбор. И не только потому, что его должны делать уже не дети, но еще не взрослые. И не потому только, что своеобразны, переменчивы aspirations, личные планы, внутренний мир каждого».*

Это трудный выбор потому, что динамичны и противоречивы окружающая нас жизнь, внешние условия — социально-экономические, демографические, культурные, без которых нельзя понять поведение молодежи в начале пути. И помочь ей в этих трудных решениях нельзя без систематических исследова-

ний. Мы должны (кто это — мы? — примечание мое — О. Б.) постоянно фиксировать ритмы поколений, чувствовать пульс общества, угадывать новые проблемы, предвидеть поведение юношей и девушек, изменение их оценок, предпочтений, ценностей жизни. И как это уже не раз бывало за последние десятилетия, пока поспевают со всеми своими тылами и орудиями наука, подлинными разведчиками новых проблем здесь могут и должны быть писатели.

Тексты такого рода — верный признак отсутствия мысли у автора, свидетельство того, что автор не знает, о чем ему надо писать. Это и есть «дурная» эссеистика (дурная потому, что играет роль «заменителя», суррогата мысли).

Тема реферата определена конкретно и точно: исследования В. Н. Шубкина по совершенно определенной проблеме. Эти исследования проводились в течение десятка лет, каждое из них хорошо описано в публикациях и самого В. Шубкина, и его сотрудников. Но вместо того, чтобы проанализировать эти публикации, автор реферата половину его объема отводит под свои «глубокомысленные» рассуждения о том, как труден первый выбор. В то же время тема реферата остается практически не освоенной.

Другой пример. Тема реферата «Социология театра: изучение театральной аудитории». Введение занимает одну страницу, поэтому приведу его полностью.

«Тексты популярных в девяностые годы пьес, как и любые тексты массовой культуры, отражают течение времени: как люди относились к происходящим переменам, чего ждали от будущего, каким вспоминали свое прошлое, кого боялись и ненавидели, от кого ждали спасения.

Массовая культура, отражая и создавая социальные мифы, может давать людям то, чего им не хватает в повседневной жизни, воплощать их мечты или страхи, подсказывать алгоритм и мотивацию поведения в кризисные ситуации. Она «несет наиболее общие представления о нормах достижения коллективно значимых целей или ценностей. Ни те, ни другие сами по себе в их специфике она не обсуждает» [3, с. 159]. Массовая культура переходной эпохи вбирает в себя ценности и сложившиеся устои как прежней, так и новой жизни и тем самым помогает человеку адаптироваться к происходящим переменам.

Анализируя тексты популярных пьес, героев и их судьбы, что движет персонажами, на что они надеются, как живут, кого или чего боятся — можно составить предположительный портрет российского театра девяностых.

Конечно, чтобы полностью воссоздать этот образ, необходимо свести воедино исследования массовой литературы, кино и телевидения, сериалов и рекламы. У каждого явления и жанра массовой культуры — своя аудитория, а значит, свое отношение к новой жизни (подчеркнуто мной — О. Б. — потому, что только эти слова имеют прямое отношение к заявленной теме реферата). Но тот взгляд, который транслировался через популярные в 1990-е годы пьесы, во многом косвенно подтверждается результатами социологических опросов, и можно сказать, что более или менее адекватно отражает общую постсоветскую действительность.

В прошедшее десятилетие театры, а особенно театры провинциальные, должны были самостоятельно заботиться о том, чтобы залы заполнялись: ушли времена, когда посещаемость спектаклей во многом зависела от правильной организации культпоходов среди школьников и военных. В результате театры стали ориентироваться на запросы публики».

Спрашивается, во что водит это введение? Можно ли по нему понять, чему на самом деле посвящен данный труд? С одной стороны, введение состоит из «общих» слов. К тому же, эти слова во многом фактически не верны или имеют косвенное отношение к следующему за ними тексту. А не верны они, во-первых, потому, что театр никогда не относился к массовой культуре; во-вторых, утверждение о временах «когда посещаемость во многом зависела от правильной организации культпоходов среди школьников и военных» — сильно преувеличено. Никогда не было таких времен. Наконец, отнюдь не под влиянием социально-политических перемен «театры стали ориентироваться на запросы публики», и социологи, и театроведы еще в 70-е — 80-е годы с горечью отмечали, что театр перестает «вести за собой зрителя» и все больше и чаще «приспосабливается» к запросам публики и тем самым неизбежно деградирует.

Программа проверки орфографии в тексте этого введения подчеркнула зеленой волнистой линией (стилистика погрешность) только одну фразу, а именно ту, которая начинается словами: «*Но тот взгляд, который...*». В то время как вся эта страница не имеет никакого смысла.

Заключение

В учебных планах на не социологических факультетах курс «Основы социологии» читается в течение одного семестра. Реферат является одной из основных форм контроля усвоенных по этому курсу знаний.

Как правило, темы рефератов предлагаются студентам в середине курса, т. е. в конце октября, в начале ноября (если курс приходится на нечетный семестр), или в середине марта (если курс читается в период четных семестров). К этому времени студенты уже имеют возможность сориентироваться в списке примерных тем и осознанно выбрать тему для реферата. Заметим, что на написание реферата, таким образом, студентам отводится 1,5–2 месяца. Это вполне достаточный срок для выполнения этой работы.

И хотя каждый год, объявляя темы рефератов, преподаватель подробно объясняет, какие требования предъявляются к рефератам, приходится сталкиваться с одними и теми же ошибками. Есть надежда, что настоящее методическое пособие будет способствовать тому, что ошибок станет существенно меньше, и что качество и содержательность рефератов станет несколько выше.

Но для того, чтобы эти надежды оправдались, студенты должны не только самым внимательным образом прочесть эту брошюру, но и принять ее, как руководство к действию.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Литература в помощь студенту при написании рефератов по социологии.

Периодические издания по социологии.

«Социологический журнал», Москва, ИС РАН

«Социологические исследования», Москва, ИС РАН

«Журнал социологии и социальной антропологии», СПб, Факультет социологии, СИ РАН

«Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев», СПб, Факультет социологии, СИ РАН, Санкт-Петербургская ассоциация социологов¹⁸¹.

«Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии», Москва, Центр Юрия Левады.

«INTER. Интеракция. Интервью. Интерпретация», Москва, ИС РАН, РОС, МСА, Комитет «Биографии и общество».

«Социология 4М», Москва, ИС РАН.

«Мир России. Социология. Этнология. Культурология», Москва, «Начала-Пресс».

«Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», М.: ВЦИОМ.

«Вопросы статистики», М.

«ОНС — общественные науки и современность», М.: РАН.

Научно-информационные издания ИНИОН

Система изданий ИНИОН РАН состоит из:

библиографических указателей литературы, реферативных журналов и сборников, проблемно-тематических сборников, специализированных информационных изданий, дайджестов, альманахов, справочников, научно-информационных журналов, прессы-обзора.

Дайджест «Культурология XX век».

Информационно-аналитические журналы и бюллетени

Россия и современный мир

Экономические и социальные проблемы современной России

Реферативные журналы

Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия Социология

Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия Философия

«Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Сер. 11, Социология: РЖ / РАН ИНИОН, Центр социал. науч. -информ. исслед. Отдел социологии и социальной психологии.

¹⁸¹ Это название журнал имел до 2007 года. Теперь он называется иначе «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований».

«Новая литература по социальным и гуманитарным наукам. Философия. Социология»: Библиогр. указ. /РАН ИНИОН. Фундам. б-ка, Отдел научн. библиогр. информ. — М.

Словари¹⁸²

Аберкромби Н., Хилл С, Тернер Б. С. . Социологический словарь. / Перевод с англ. под ред. С. А. Ерофеева. Изд-во Казанского университета, 1997. — 420 с.

Большой толковый социологический словарь (Collins) Том 1 (А-О): Пер. с англ. — М.: Вече, АСТ, 1999. — 544 с.

Большой толковый социологический словарь (Collins) Том 2 (П-Я): Пер. с англ. — М.: Вече, АСТ, 1999. — 528 с.

Тони Лоусон, Джоан Гэрод. Социология. А — Я: Словарь-справочник. /Пер. с англ. К. С. Ткаченко. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. — 608 с.

Современная западная социология: Словарь. — М., Политиздат, 1990. — 432 с.

Социология. Терминологический словарь / Ж. Ферреоль. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2003. — 160 с.

Социология: Словарь-справочник. Т. 1. Социальная структура и социальные процессы. — М.: Наука, 1990. — 204 с.

Социология: Словарь-справочник. Т. 2. Отдельные отрасли социологического знания. /Отв. ред. Г. В. Осипов — М.: Наука, 1990. — 232 с.

Социология: Словарь-справочник. Т. 3. Междисциплинарные исследования. — М.: Наука, 1991. — 247 с.

Социология: Словарь-справочник. Т. 4. Социологическое исследование: Методы, методика, математика и статистика. — М.: Наука, 1991. — 357 с.

Социологический справочник. /Под общей редакцией В. И. Воловича. — К.: Политиздат Украины, 1990. — 382 с.

Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор — академик РАН Г. В. Осипов. — М., Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1998. — 488 с.

Краткий словарь по социологии. /Под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина; Сост. Э. М. Коржев, Н. Ф. Наумова. — Политиздат, 1988. — 479 с.

Краткий словарь по социологии. /Авт. -сост. П. Д. Павленок. — М.: ИНФРА-М, 2001. — 272 с. — (Б-ка малых словарей «ИНФРА-М»).

Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М.: Наука, 1986. — 511 с.

Учебные пособия и справочники, посвященные письменным студенческим работам

Н. П. Колесников. Стилистика и литературное редактирование. Учебное пособие. Москва: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2003. — 192 с.

Г. А. Воронцов. Письменные работы в вузе: Учебное пособие для студентов — Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2002. — 192 с.

Эко Умберто. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки: Учебно-методическое пособие. /Пер. с ит. Е. Костюкович. — М.: Книжный дом «Университет», 2003. — 2 изд. — 240 с.

Безрукова В. С. Как написать реферат, курсовую, диплом. — СПб.: Питер, 2004. — 176 с.

Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке. /Под ред. И. Б. Голуб. — 2-е изд., испр. — М.: Рольф: Айрис-пресс, 1999, — 368 с.

Социологические организации Санкт-Петербурга и Северо-запада. Информационный справочник. СПб, АЛЕТЕЙЯ. — 135 с.

Преподаватели социологии вузов Санкт-Петербурга. Справочник. СПб, 2001. — 147 с.

Перфильев Ю. Ю. Российское интернет-пространство: развитие и структура. — М.: Гардарики, 2003. — 272 с.: ил. (Серия «монографии», вып. 1).

¹⁸² Словари используются только в качестве справочного аппарата, но не как источник для реферата.

Божков Олег Борисович

Социология. Курс лекций

Подписано в печать 3.06.2015.

Формат издания 60×90 ¹/₁₆. Печ. л. 12. Печать офсетная.

Гарнитура Charter. Тираж 100 экз.

ЭС

Издательство «ЭЙДОС»

www.eidos-books.ru

Гуманитарная научная литература

Электронные издания

Отпечатано в Типографии «СБОРКА»

Наб. Обводного канала, дом 64, корпус 2, офис 22.

Санкт-Петербург, Россия, 192007

Заказ № 03/06/15